Алексей Мефодиев

От мира сего

Летний Сад • Москва
2012

УДК 821. 161. 11
ББК 84 (2 Рос=Рус) 644

А.Мефодиев. От мира сего. М.: Издательство «Летний сад», 2012. – 188 с.

Компьютерная верстка – Сергей Касьянов

ISBN 978-5-98575348-6

© А.Мефодиев, 2012
Все права принадлежат автору

Данное произведение, события которого по замыслу автора могли иметь место в одной из стран постсоветского пространства, полностью является художественным вымыслом. В этой связи любое возможное сходство с реальными событиями и персонажами, которое может заметить дотошный читатель, является не более, чем совпадением.

Посвящается всем тем, кто без устали, не жалея ни себя, ни других, ежедневно карабкается к вершине пирамиды человеческих достижений, каждый в своей области.

И обратился я и видел под солнцем,
что не проворным достается успешный бег,
не храбрым – победа, не мудрым – хлеб,
и не у разумных – богатство,
и не искусным – благорасположение,
но время и случай для всех их.

Книги Ветхого Завета,
Книга Екклесиаста.

Ранним, ничем не примечательным утром, в одну из зим начала двадцать первого века Санька Руденко стоял в коридоре перед зеркалом и любовно разглядывал свое отражение. Из зазеркалья на него взирал крупный человек, которому, судя по виду, несколько лет назад должно было перевалить за тридцать. Из предметов гардероба на человеке были только желтая майка и широкие белые трусы.

Постояв так немного, Санька слегка, словно желая присесть, согнул в коленях свои могучие волосатые ноги, напряг большущие руки и, сжав толстые пальцы в огромные кулаки, начал совершать ими плавные восходящие движения. Еще подростком он месяцев шесть прозанимался штангой. Потом, правда, в его позвоночнике что-то хрустнуло и сильно заболело. После чего врачи навсегда запретили ему этот вид спорта. Но с тех пор Санька порой любил вообразить себя силачом на арене цирка. В такие минуты ему мерещилось, будто бы он, свободный и сильный, стоит в свете прожекторов и шутя подбрасывает пудовые гири точно детские кегли из пластмассы. Зал то и дело взрывается аплодисментами. И, конечно же, где-то в первых рядах непременно сидит тоненькая как тростиночка блондинка, и, околдованная Санькиным искусством силача, зачарованно смотрит на его могучий торс...

Тут следовало бы заметить, что блондиночка эта отнюдь не являлась вымышленным персонажем его воображения, которое, будет не лишним сказать, никогда не отличалось особенной силой. Звали девушку Юля, а фамилия ее была Миткова. Во времена дале-

кого Санькиного детства Юля жила в соседнем с ним доме. Их первая встреча случилась, когда Саньке едва исполнилось девять лет.

Весенним воскресным полднем, под радостный щебет неугомонных птиц второклассник Санька с другом Петей играл в солдатиков на лавочке около своего подъезда. Рядом со скамейкой на клумбе распускались чудные пионы, до которых, равно как и до пения птиц, второклассникам не было никакого дела. Друзья, как и подобает настоящим будущим мужчинам, были охвачены ратным трудом. Перед их взорами разворачивалось грандиозное сражение двух воображаемых армий. До слуха юных полководцев доносились канонада тысячи орудий, крики раненных бойцов, топот сотен лошадиных копыт и бой барабанов, зовущих к атаке.

И случилось так, что красивая, опрятно одетая девочка Юля проезжала мимо на велосипеде, колесо которого случайно наскочило на камень. Девочка, не совладав с управлением, упала и слегка поранила коленку. Неловко сидя на асфальте, незнакомка дважды хныкнула от досады и боли. Воспитанный Санька, под неодобрительным взором своего друга Петьки, который презирал всех девчонок вообще, помог красивой девочке поднять велосипед. Как раз накануне Санька смотрел фильм, в котором джентльмен помогал даме встать на ноги после ее падения с лошади. Под трогательным взором заплаканных глаз девочки Санька немедленно забыл и про ждущую его баталию, и про своего боевого друга Петьку. Юля, прихрамывая, пошла к своему подъезду, а галантный кавалер проворно пристроился сбоку и, не обращая внимания на недовольное Петькино бурчание, повел ее велосипед. И вот Санька уже с упоением рассказывает своей новой знакомой увлекательнейшую историю про то, как он прошлым летом ездил на Черное море с родителями, и как глубоко нырял там с маской, каким опасностям подвергал себя под толщей воды, каких громадных рыбин видел рядом с собой. А Юля заинтересованно слушает его. А может быть, не только заинтересованно, может, есть в этом нечто большее? Санька чувствовал, что нравится девочке, хотя и боялся в тот момент признаться себе в этом. Все складывалось как нельзя лучше. Но тут произошла ужасная катастрофа! Миткова замети-

ла предательского солдатика, неловко зажатого в кулаке ее нового ухажера. Лицо Саньиной дамы приобрело уничижительно-изумленное выражение.

– Играешь? – надменно спросила она, указывая пальцем на игрушку. Губки Юли при этом капризно надулись. В ее словах Саньке послышалось: «Так ты же еще совсем маленький! Вот оно как! А я-то думала!»

Санька сконфуженно забормотал, что нет, это не он играет в солдатиков и что солдатик этот вовсе не его, а принадлежит другу Петьке, который действительно еще маленький, а он, Санька, напротив, уже совсем взрослый и к детским игрушкам, конечно же, не имеет никакого отношения. Но оправдываться было поздно. В довершение всего Юля смотрела на нового знакомого буквально сверху вниз, ведь дама была на полголовы выше своего кавалера, что еще более усугубляло его и без того сложное положение. Девочка, бросив на прощанье небрежное «пока», исчезла в своем подъезде. На том они в тот день и расстались. Но с тех пор Миткова Юля навсегда поселилась в Санькином сердце.

Юля была старше Саньки всего на год, но эта небольшая разница в возрасте в то время была для подростка трудно преодолимым препятствием. Красавицу Миткову постоянно окружали мальчики на два-три года старше Саньки, состязаться с которыми было трудно, а порой и небезопасно. От одного из них прямо на глазах у Юли Санька как-то даже получил унизительный пинок. Поэтому впредь он вынужден был избегать подобных встреч и хранить свои чувства при себе. И лишь в смелых мечтах Санька представлял себя могучим гигантом, повергающим на землю всех своих недругов и спасающим Юлю из цепких лап ее мнимых преследователей.

Когда мощные кулаки Саньки с зажатыми в них воображаемыми пудовыми гирями оказались чуть выше уровня головы, наш герой на мгновение замер. В наивном взгляде его больших серых беспечных глаз мелькнула некоторая серьезность. Но уже в следующее мгновение чувственные губы его, обнажая безупречный ряд крупных белых зубов, медленно расплылись в широкой само-

довольной улыбке, и он громогласно, по-детски задорно расхохотался. Санька сам себе нравился и, если рядом с ним появлялось зеркало, непременно подолгу в него смотрелся.

Вот и сейчас, насилу оторвавшись от своего отражения, он отправился в душ, где долго и шумно плескался и фыркал, напевая свою любимую и не надоедавшую ему уже многие годы песню Фрэнка Синатры «My Way». Покончив с утренним туалетом, благоухающий всевозможными шампунями, одеколонами и дезодорантами, могучий Санька, сметая широченными плечами случайно оказавшиеся на его пути мелкие предметы домашнего обихода, тесным коридором устремился на маленькую кухню, откуда до его чуткого мясистого носа уже доносились манящие запахи крепкого кофе, жареных сосисок, ветчины и, в довершение, яичницы-глазуньи! Санька любил плотные завтраки. Как, впрочем, ценил он обильные обеды и ужины. Еда всегда занимала особенное место в его жизни.

Там, на кухне, в очаровательном передничке с биркой «Луи Витон», который Санька как-то по случаю, с большой скидкой приобрел в магазине беспошлинной торговли аэропорта Шарль де Голль, около плиты суетилась миловидная шатенка лет тридцати, среднего роста, с едва наметившейся склонностью к полноте, его обожаемая Маруся, его ненаглядная жена.

– Давай, давай, садись скорее, Саня, а то опаздываем. Я уже поела.

Вместо приветствия он чмокнул жену в ушко.

– Я побежала одеваться, – сказала Маруся и стремглав вылетела из кухни.

Санька не выносил, когда его поторапливают. Он с юных лет был склонен к соразмерной своему телосложению степенности в движениях, инстинктивно чувствуя, что она придает ему дополнительную значимость в глазах окружающих, что само по себе являлось исключительно важным элементом в Санькином понимании жизни. Но сейчас было не до церемоний. Стрелки настенных часов с кукушкой отмерили четверть девятого. Для того, чтобы попасть на работу вовремя, следовало покинуть квартиру не позд-

нее чем через пять минут. Надо заметить, что, несмотря на свои большие размеры, Санька, когда того требовали обстоятельства, проявлял удивительное проворство. Хлеб с маслом, яичница-глазунья, ветчина, сосиски в томате и ароматное содержимое большой кружки в мгновение ока исчезли в недрах массивной утробы. Еще три минуты ему потребовалось на то, чтобы облачиться в свою гордость – костюм, галстук, рубашку и ботинки «Массимо Дутти», приобретенные на прошлогодней распродаже в Милане, куда его отправили в краткосрочную командировку. И вот Санька, в ожидании вечно копающейся Маруси, уже прогревает свою верную малютку «Шкода Фабия». Эта машинка несколько лет каждое утро трудолюбиво доставляла семейную чету на работу.

«Неплохо было бы купить что-нибудь побольше, да поприличнее. Чтобы перед знакомыми хоть не стыдно было. Да и ноги так затекать не будут», – думал Санька, крупное тело которого очень страдало оттого, что его ежедневно втискивали в потрепанный автомобиль малых габаритов.

Вообще-то, и квартиру Саньки назвать большой никак было нельзя. Так себе, самая обычная трешка в сталинском доме. Но ввиду того, что молодые люди приобрели ее всего-то год назад и пока что не успели до конца привыкнуть к свежей покупке, квартира эта все еще являлась для Маруси и Саньки источником радости и даже гордости перед сослуживцами. Тем более, что последние были людьми того же либо меньшего достатка, отчего и новая квартира Саньки производила на них приятное впечатление, а в некоторых даже пробуждала чувство зависти. Да и ме́ста молодой чете с пятилетней дочерью Оксаной в трех комнатах хватало вполне, особенно, если учесть, что совсем еще недавно супругам приходилось ютиться в несравненно более стесненных условиях у родителей Маруси.

Саня с Марусей были супругами домовитыми и все выходные дни с удовольствием проводили в магазинах, увлеченно подбирая гардины, картины, торшеры, кастрюли, сковородки и прочую хозяйственную и декоративную утварь, которой они неустанно украшали свое гнездышко.

– Через годик-другой расплатимся с ипотекой за квартиру и машину новую купим. Не могу больше на этой каракатице ездить, – сказал жене Санька, едва она захлопнула за собой дверь автомобиля.

– Правильно, Саня. А то даже перед людьми неудобно, – поддержала Маруся мужа.

– Зато у них такой квартиры нет, – перевел акцент из области неудач в зону достижений Санька.

– Вообще-то, кое у кого есть, – произнесла жена.

– У кого же это? – с удивлением поинтересовался Санька, перебирая в голове их общих знакомых.

Но Маруся быстро сменила тему разговора:

– Знаешь, Саня, я вчера по Интернету видела отличный сервиз. Посуда удобная, красивая и выглядит богато. При этом недорогая. Я думаю, надо купить. Будем принимать гостей как люди.

– Где продается?

Маруся назвала магазин. По названию Санька с удовлетворением рачительного хозяина определил: это было правильное место. Там продавались добротные, но не дорогие вещи. Супруги еще долго и увлеченно обсуждали достоинства и возможные недостатки сервиза, а когда тема оказалась полностью исчерпана, условились, что непременно должны отправиться в магазин в ближайшую субботу, чтобы воочию убедиться в ценности приобретаемой вещи и принять окончательное решение на месте. Затем Санька вновь перевел тему разговора на автомобиль, и даже упомянул, что неплохо бы им было приобрести «Форд Мондео». Но Маруся ответила мужу, что желает непременно «Ауди А6», и – точка. И Санька не возражал, хотя в настоящий момент покупка была бы для них разорительна. Он в тайне даже подумывал о том, что в самом ближайшем будущем надо бы купить две машины сразу, особенно, если взять дополнительный кредит. В конце концов, в долг живет все прогрессивное человечество. И Санька точно знал, что такая идея Марусе придется по душе. И перед людьми опять же не стыдно. Но надо немного подождать.

У супругов был общий круг интересов, близкие и понятные им обоим стремления. Они закончили один институт, где и позна-

комились, оба являлись банковскими служащими и до недавнего времени, пока Саньку не повысили, занимали одинаково небольшие должности младших руководителей. И хотя они работали в разных банках, последние располагались на одной улице друг напротив друга. За ужином супруги частенько делились наболевшим за день – в профессиональных вопросах они понимали друг друга с полуслова. Оба стремились все делать вместе. Некоторые друзья даже находили, что у Саньки с Марусей появилось неуловимое внешнее сходство, которое зачастую бывает присуще парам, прожившим долгую совместную жизнь. Нетрудно догадаться, что их малютка Оксана тоже была похожа одновременно на двух своих родителей. Это был здоровый, раскормленный и жизнерадостный ребенок с налитыми, как спелые яблоки, румяными щечками. Крепость их семейного очага ни у кого не вызывала сомнения. Казалось, Санька и Маруся созданы друг для друга и для того, чтобы, без особых тревог прожив сытую, тихую жизнь, бок о бок встретить спокойную старость в окружении многочисленного потомства.

За приятными разговорами об обустройстве квартиры, о новой машине они незаметно добрались до места работы Маруси. Жена чмокнула в щеку мужа и со словами «до вечера, Саня» засеменила в банк. После работы они по сложившемуся укладу должны были встретиться на том же месте, чтоб ехать домой вместе.

Глядя на ее удаляющийся силуэт, Санька неожиданно подумал, что его Марусенька за последние годы немного прибавила в весе. И все же она оставалась ему мила как и прежде. Затем он тоже вышел из машины, перешел широкую улицу и очутился перед дверями своего офиса.

Войдя в здание, Санька приобрел дополнительную солидность. На лице его проступило высокомерие. Он еще больше распрямил спину и широкой, уверенной поступью двинулся навстречу новому трудовому дню. И на работе, и дома все ладилось. Это были годы Санькиного подъема.

Но так было не всегда в его жизни.

Отец Саньки, чиновник средней руки, обеспечивал домочадцев умеренным достатком. Мать после окончания педагогического института без излишнего энтузиазма несколько лет отработала по специальности в одной из средних школ. А после свадьбы поспешила уйти с работы и всецело посвятила себя заботе о доме. У Саньки еще была младшая сестра. Брат и сестра с рождения были окружены домашним теплом и материнской заботой. Санька с юных лет частным образом занимался иностранными языками и игрой на скрипке. Ни отец, ни мать его не были особенно чувствительны к музыке, но в их окружении музыкальное образование детей считалось хорошим тоном.

Прилежание и усидчивость никогда не являлись сильными сторонами Санькиной натуры. Никакими особенными талантами мальчик также не отличался. Как и многие дети, Санька учился играть на музыкальном инструменте лишь под давлением родителей и, промучившись так несколько лет, однажды заявил, что больше этого делать не намерен. Родители, в отсутствие выдающихся достижений своего отпрыска на этом поприще, не стали упорствовать, и с музыкальным образованием на том было для Саньки покончено. Вскоре преподавателям немецкого и английского языков под предлогом чрезмерной перегруженности мальчика – в то время, чтобы стать сильнее рослых ухажеров Митковой Юли, Санька как раз записался в секцию тяжелой атлетики – также было отказано от дома. Хотя занятия штангой из-за состояния здоровья не продлились и года, к изучению иностранных языков Санька больше не возвращался. На уроках в школе он тоже не сильно утруждал себя и постепенно скатился на тройки. Между тем, в школьном коллективе озорного Саньку любили. Он был заводилой многочисленных компаний и проказ. У мальчика всегда было много друзей.

Неизвестно, что думала о Саньке в те годы Юля Миткова. Встречи их носили эпизодический характер. Юля училась в другой школе, куда ее, неизменно в сопровождении взрослых, вплоть до самого восьмого класса возили на папиной служебной машине. Однажды четырнадцатилетний Санька, набравшись смелости, от-

правился ждать Юлю на скамейке у подъезда ее дома. При виде выходящей из машины Юли Санька проворно встал и, густо краснея, поздоровался с девочкой. Та кивнула в ответ и удивленно на него посмотрела. «Ты что, меня здесь специально ждешь?» – прочел Санька в ее взгляде и от этого смутился еще больше – согласно его плану их встреча должна была выглядеть совершенно случайной. Он хотел сказать что-нибудь еще, но от стеснения не мог вымолвить ни слова. А сопровождавший девочку водитель строго посмотрел на невысокого подростка – Юля все еще была выше Саньки ростом, – и они оба прошли мимо. Потом Санька долго ругал себя за проявленную нерешительность и тогда же дал себе слово, что когда-нибудь обязательно заработает на машину, которая будет даже лучше, чем у Юлиного отца. На этой машине он непременно подкатит к ее подъезду, где когда-то претерпел нешуточное унижение, а она, удивленная Санькиными достижениями, немедленно упадет в его объятия. Но все это должно было случиться в отдаленном будущем. А пока, за лето перед восьмым классом, он неожиданно здорово вытянулся. У Саньки не оставалось сомнений, что он наконец-то стал ростом выше Юли. И мальчик, ободренный своими новыми достоинствами, с нетерпением ждал встречи со своей мечтой. Однако, к его великому разочарованию, вскоре после начала учебного года выяснилось, что отца Юли назначили послом в Германию, и девочка с родителями уже месяц как отбыла за границу.

Было бы вполне естественно предположить, что Санька станет тяжело переживать такой поворот событий. Ничуть не бывало. Он вообще от природы не был склонен к излишней драматизации чего бы то ни было. Напротив, все его естество всегда рвалось к простым радостям и соблазнам окружавшей его жизни. А их было немало. И хотя подросток частенько продолжал вспоминать о девочке своей мечты, девушки реальной жизни кружили ему голову все чаще и больше. Симпатичный Санька им тоже нравился. Вскоре у парня появились первые романы, а воспоминания о Юле Митковой потеряли былую яркость и затаились в отдаленных уголках его души.

В школе Санька продолжал лодырничать, и когда подошло время, то провалился при поступлении на дневное отделение экономического института, подтвердив свою, уже сложившуюся, репутацию беспечного простачка. Тучи на его горизонте сгустились. Несмотря на все хлопоты родителей, службы в армии избежать не удалось, а на службе домашнему ребенку Саньке приходилось поначалу несладко. Но он довольно быстро усвоил новый порядок взаимоотношений. Дни сплетались в недели, а недели в месяцы, и по прошествии двух лет младшим сержантом Санька вернулся домой. Отца к тому времени отправили на пенсию, и денег в семье стало ощутимо не доставать. Дембель Санька, не долго думая, подвязался работать курьером в банк, находившийся напротив его родительского дома, и одновременно поступил на вечернее отделение того же института, куда его когда-то не приняли. Некоторые скажут, что работать и учиться довольно сложно. Но Санька от природы был наделен недюжинным здоровьем. Ему вполне хватало шести, а то и пяти часов сна в сутки, которые обеспечивали прилив, казалось, неиссякаемой энергии. Он успевал не только работать и кое-как сдавать сессию, но и крутить бесчисленные романы с однокурсницами, выпивать с друзьями. Кутежам и всяческому веселью Санька отдавался самозабвенно. Благодаря природной легкости в общении он быстро сходился с новыми людьми и был душой самых разных компаний.

Как-то раз, поздней весной, юный и сильный красавец Санька со своим товарищем шел по одной из центральных улиц города. Ребята находились в приподнятом настроении. Они направлялись в один из популярных баров к другу на день рождения, после чего все планировали переместиться в ночной клуб. Друзей ожидала ночь, полная неожиданностей и новых, многообещающих знакомств. Вдруг Санька поймал на себе чей-то до боли знакомый взгляд. Это была Юля Миткова! Из хорошенькой опрятной девочки она превратилась в красивую, со вкусом одетую молодую женщину.

– Саша… – неуверенно произнесла она, пытливо разглядывая его.

От волнения у Саньки перехватило дыхание, и он не мог вымолвить ни слова. Детские чувства первой любви и былой неуверенности вновь нахлынули на него. И Санька заметно покраснел.

– Как ты изменился… – тихо и с нотками некоторой застенчивости в голосе произнесла Юля. В ее простых словах Саньке послышалось нечто большее: «Ты стал такой большой, сильный и красивый! Почему же мы не виделись с тобой все это время? Почему ты не разыскал меня? Не позвонил мне?» В глубоком взгляде ее красивых глаз читался неподдельный интерес. Такой женский взгляд – Санька уже знал это из личного, весьма богатого опыта – мог многое обещать.

Рука Юли нежным прикосновением доверительно легла на лацкан его пиджака, и тут Саньке почудилось, что «дело уже в шляпе». Очень быстро юноша снова обрел привычную в обращении с противоположным полом уверенность, которая никогда не подводила его в амурных делах. Разнообразные красотки теперь быстро появлялись в Санькиной жизни и так же быстро исчезали из нее, не оставляя после себя заметного следа и не требуя от него больших усилий. Все, как это бывает в юности, происходило как-то само собой. А если с кем-то из красавиц не складывались отношения, то находилось много других, ничем не хуже, готовых на время раствориться в Санькиных объятиях. Но на этот раз уверенность сыграла с Санькой злую шутку. Вместо того, чтобы наплевать на ожидавшую его вечеринку, которая, в сущности, ничем не отличалась от сотен других, и, пользуясь выпавшим ему мигом удачи, пригласить Юлю этим же теплым вечером пройтись по набережной, а после поболтать о детских воспоминаниях, удобно расположившись за маленьким столиком на двоих в каком-нибудь кафе под открытым майским небом, Санька, обронив с апломбом несколько заготовленных у него для подобных случаев банальных фраз, ограничился тем, что вальяжно записал телефон Юли к себе в мобильный, пообещав звякнуть на днях.

Увы, на следующее утро, слегка протрезвев после моря выпитого накануне спиртного, Санька с ужасом обнаружил, что его мобильный исчез из кармана, а вместе с телефоном пропал и завет-

ный номер. Где и когда обронил он телефон, оставалось загадкой. Отчаянные попытки вернуть сотовый ни к чему не привели. Ни в баре, ни в ночном клубе, где накануне проходила вечеринка, никто никакого мобильника не находил. Тогда безутешный Санька со слабой надеждой в сердце отправился в дом напротив, где когда-то жила Юля. Тщетно! В ее квартире уже многие годы проживала совсем другая семья, и никто из них не знал, куда переехали Митковы. Так Юля снова исчезла из жизни Саньки. Однако же в его душе образ девушки только укрепился и с течением времени становился все милее и притягательнее. В мечтах, как к недостижимому идеалу, Санька будет возвращаться к Юле Митковой вновь и вновь, с несвойственным ему в реальной жизни постоянством.

Санька с юности излучал добродушие, которое некоторые порой ошибочно принимали за наивность. Это качество ещё будет открывать перед ним многие двери как в молодые, так и в более зрелые годы. Обычно все с готовностью шли навстречу добродушному здоровяку. При первом знакомстве никто Саньку не мог заподозрить не то что в подлости, но даже в самой малой душевной нечистоплотности. Казалось, что его большая душа всегда и для всех нараспашку. Постоянно гладко выбритый, аккуратно подстриженный, в накрахмаленной рубашке, даже когда того не требовали обстоятельства и, непременно, галантный, он производил неотразимое впечатление на женщин самых разных возрастов. И все это Саньке давалось шутя.

Однако же при более близком с Санькой знакомстве становились очевидны и другие, не столь приятные черты его характера. Санька был необязателен, довольно ленив и отличался тягой к скороспелым решениям. Вечно везде он опаздывал, многое забывал и все делал спустя рукава. Из-за этого у молодого человека возникали на службе конфликты, а в институте он тоже учился кое-как. Тем не менее, все это так или иначе сходило ему с рук. Главное было то, что Санька нравился окружающим. Поэтому на него долго не сердились, особенно, если дело касалось пустяков, а серьезные задания курьерам и младшим сотрудникам, в число

которых юноша влился по окончании института, никто, конечно, не поручал.

Еще одной важной чертой характера Саньки была его природная невозмутимость. Какие бы трудности на его пути ни вставали, как бы за бесконечные огрехи в работе ни третировали молодого человека мелкие начальники – худшие тираны на свете, добродушный здоровяк никогда не раздражался и долго не таил злобы на своих мучителей.

Несколько трудных лет Санька провел на скучной, неинтересной и довольно изнурительной в своем однообразии работе операциониста в отделении банка, куда перевелся, оставив позади еще менее привлекательную должность курьера. На новом месте ни одна из исполняемых им функций, в сущности, не предполагала наличия высшего образования. В тщетных попытках протиснуться наверх он несколько раз перемещался из отдела в отдел и, после долгих усилий, смог попасть в штат головной организации. Но, к несчастью, и здесь Санька продолжал заниматься лишь оформлением сделок, заключаемых другими. В одном из таких подразделений Санька застрял дольше обычного. На его беду там требовалось быстро и точно осуществлять многочисленные подсчеты, что для новичка, незнакомого со спецификой данной работы, являло собой вещи взаимоисключающие. Цифры путались у бедняги пред глазами, Санька делал ошибки, а старшие товарищи очень ругали его за это. Парадоксально, но работал он тогда больше всего в своей жизни, а получал так мало, как никогда ни до, ни после этого. В непродолжительные минуты раздумий о целесообразности своей дальнейшей работы в подобном режиме Санькину голову как-то посетило незамысловатое открытие, что количество затрачиваемого труда никак не связано с его оплатой. Опытным путем юный клерк постиг одну истину: переработками не разбогатеешь.

Да и вообще, такую жизнь молодой человек считал убогой и недостойной себя. В своих мечтах Санька видел себя «уважаемым человеком». В действительности же его, такого большого, красивого и умного, не только не уважали, но из года в год держали на побегушках и еще регулярно попрекали из-за разной ерунды со-

вершенно ничтожные, в Санькином понимании, людишки, к которым он не испытывал ни капли уважения. Которые, как он считал, не имели никакого морального права помыкать им. Саньке хотелось самому стать начальником уже только потому, чтобы не исполнять их глупые указания. Или же, по крайней мере, чтобы не исполнять их лично, а иметь возможность перепоручить это другим – своим подчиненным.

Мелкие начальники, стоявшие непосредственно над ним – часто это были женщины среднего и преклонного возраста – заняли эти позиции благодаря тому, что за десятилетия хорошо усвоили незначительный набор незатейливых операций. Занимаемые ими мелкие должности являлись пределом их мечтаний, которые они должны были постоянно отстаивать в утомительной конкурентной борьбе друг с другом. Большинство из них не отличалось ни особенным образованием, ни общим уровнем развития. Мало кого из них в детстве посещали преподаватели игры на скрипке или иностранных языков. Они были обычными людьми, в поте лица зарабатывавшими свой трудный хлеб. Стоило им покинуть узкие пределы своего мирка и выйти на улицу, как они сливались с толпой себе подобной, со стороны однородной, массы, становясь в ней неразличимыми. Эти люди, в потугах заработать лишнюю копейку, которая, в сущности, не могла изменить ни их жизни, ни положения в обществе, порой вынуждены были лебезить перед своим руководством. Того же нездорового почитания к себе кое-кто из них требовал и от своих подчиненных, тем самым словно квитаясь с кем-то за собственные несостоявшиеся жизни. Конечно, как и везде, там попадались добрые и отзывчивые коллеги, но честолюбивому Саньке от этого легче не становилось.

Довольствоваться подобным уделом Санька, короче говоря, не собирался. Горизонты понимания молодым человеком своего места в обществе простирались несравненно дальше масштабов достижений его руководителей. Но парадокс заключался в том, что невнимательному Саньке действительно плохо давалась техническая работа исполнителя. Он неважно справлялся с нелюбимыми обязанностями, подтверждая ту истину, что хорошо можно делать

только то, что делать нравится. И получалось, что, в общем-то, ругали Саньку и по службе не продвигали совершенно справедливо. Винить он в этом должен был только себя. В те неприятные годы в Санькино сердце в первый раз постучалась тоска. Молодого человека начали посещать неведомые ему до того простуды и гриппы. Он стал реже улыбаться, а в поведении его появилась раздражительность, отчего даже его природное обаяние несколько поубавилось.

Но случилось так, что одному из Санькиных хороших знакомых предложили место мелкого начальника в небольшой торговой компании, занимавшейся внешнеторговыми поставками каких-то красителей. Приятель этот по линии своей основной работы уезжал за границу и предложил вместо себя кандидатуру друга. И хотя Санька ничего не понимал в новом деле, он прошел собеседование, а потом без лишних раздумий черканул у себя на работе заявление об увольнении по собственному желанию. Лишь бы быстрее стать хоть каким-то начальником, лишь бы выскочить из порочного круга исполнительской рутины, который так его угнетал!

Одному Богу известно, как бы сложилась Санькина жизнь, уйди он тогда из большого государственного банка, но только в те самые две недели, которые оставались ему до увольнения, кто-то наверху подумал, что будет правильно увеличить штат имеющихся трейдеров*[1] за счет сотрудников обслуживающих подразделений*, в одном из которых гнул спину Санька. Плотные тучи на его небосклоне неожиданно рассеялись, и чудесным образом он был произведен в трейдеры отдела конверсионных операций. А про маленькую торговую компанию Санька больше никогда в жизни не вспоминал.

Новая работа оказалась увлекательна. Вокруг все бурлило.

Рабочие столы были заставлены терминалами системы Рейтер

---

[1] Здесь и далее термины, сопровождающиеся знаком *, см. в Словаре финансовых терминов в конце книги.

и Блумберг*. Из них то и дело слышались призывные попискивания, сигнализирующие о том, что кто-то из банков-контрагентов* появился на мониторе и желает срочно получить котировку*. Банки, с которыми заключались сделки, были разбросаны по всем мировым финансовым центрам. Рабочий день начинался операциями с Сингапуром, Японией, Китаем. Потом просыпалась Европа. Под вечер открывалась Америка. Из громкоговорителей телефонов раздавались крики иностранных и отечественных брокеров*, сообщавших ежесекундно меняющиеся курсы разных валют. Ежедневный объем операций исчислялся сотнями миллионов и даже миллиардами долларов. Все вокруг было динамично, *элитарно*, значительно. Пыльным и медлительным теткам, бывшим его руководительницам, тут было не место. Здесь правили бал живость ума, скорость, самостоятельность и молодость, молодость, молодость! – возраст сотрудников не превышал тридцати-тридцати пяти лет, а попадались и совсем молодые ребята, только что со студенческой скамьи. Все были одеты с иголочки, разговаривали на разных языках и имели хорошее образование.

Поначалу Саньке не давали самому заключать сделки на внешнем рынке – он был занят приемом клиентских заказов*. Но как-то раз, когда никого из старших трейдеров не оказалось рядом, он самовольно заключил сделку на пять миллионов долларов с каким-то американским банком. На его везение уже в следующие секунды курс купленной им валюты пошел наверх, и возбужденный Санька, закрыв позицию* уже с английским банком, стал подсчитывать прибыль. Старший трейдер, заметив своеволие подчиненного, отчитал нагловатого новичка. Но вскоре руководство, видя проснувшееся в нем рвение, предоставило Саньке личные полномочия на проведение операций. Как и любой трейдер, Санька был ограничен твердыми лимитами*, но внутри этих рамок он был волен делать то, что сочтёт нужным, не спрашивая ни у кого на то позволения.

Рабочий процесс оказывал на впечатлительного Саньку завораживающее воздействие. Сделки на огромные суммы совершались удивительно легко. Достаточно было снять трубку телефона и сказать выкрикивающему котировки лондонскому брокеру «yours»

или «mine»* или же просто нажать несколько кнопок на клавиатуре Рейтер, и многомиллионная сделка заключена. Дальше бывало по-всякому. Следовали взлеты и падения курсов, подсчеты прибылей и убытков. Но в большинстве случаев Саньке сопутствовала удача. Впервые его стало по-настоящему увлекать то, чем он занимался. Саньке подняли зарплату и стали начислять ежегодные бонусы. Так в его жизни наступила светлая полоса.

Как и в любой другой благополучный период, Санька частенько вспоминал тогда о Юле Митковой. Он мечтал о том, как они случайно встретятся, и она, восхищенная успехами своего старого знакомого, упадет в его объятия. Но Юли не было рядом, и Санькина жизнь текла без нее.

От добра добра не ищут, но по истечении нескольких лет Саньку вновь стало тяготить отсутствие карьерного роста. Желание продвинуться наверх никуда не ушло, а лишь на какое-то время было притуплено новизной этой работы. Своенравному Саньке стало тесно в кем-то сверху установленных рамках. С тех пор, как он овладел техникой проведения операций, ему стало казаться, что его непосредственные начальники толком не понимают, что лучше для дела, а что хуже.

Помимо денег, были и другие причины, по которым Санька страстно мечтал протиснуться в ряды высокого руководства. Он полагал, что там, далеко наверху, в кулуарах власти, каким-то особым, недоступным для понимания обычных людей способом вершатся большие дела, решаются человеческие судьбы. И люди в этой заоблачной выси владеют особенным, даже сакральным умением, каким-то невидимым для посторонних глаз навыком, позволяющим им каждый раз из тысячи возможных выбирать единственно правильное решение. Это же сакральное умение должно было позволять небожителям раз за разом чудесным образом предусматривать несметное количество факторов, которыми полна жизнь. Вот этот скрытый от посторонних глаз навык, которым владеют избранные, и хотелось перенять Саньке. А уж овладев им, стать избранным по праву самому.

Не стоит забывать, что вокруг Саньки работали не менее целеустремленные молодые люди, чем он сам. Многие при том были сообразительнее Саньки, у других имелись столь необходимые связи родителей, и, разумеется, никто из них добровольно не собирался уступать ему дорогу. Конкуренция была жесткая, а все места наверху были заняты. Рациональный анализ ситуации говорил о том, что Саньке надо смиренно довольствоваться тем, что есть.

Впрочем, жизнь в очередной раз чудесным образом рассудила по-другому. И в течение нескольких лет самые перспективные его коллеги, с которыми Санька вряд ли мог потягаться в профессионализме, а также и его непосредственные молодые начальники один за другим были перекуплены конкурирующими организациями. Кому-то нужно было занимать их места. И Санька с завидной быстротой стал продвигаться по карьерной лестнице. Вскоре он стал отвечать не только за конверсионные операции*, но и за денежные*, а потом и за финансовые рынки* в целом. В его подчинении скопилось более пятидесяти трейдеров, которые без устали продавали и покупали ценные бумаги, привлекали и размещали депозиты, котировали валютные курсы и заключали сделки с производными финансовыми инструментами*. У Саньки появились заместители. Теперь он уже не проводил операций лично, но лишь отдавал указания подчиненным. Кроме того, Санька определял, кого принять на работу, а кого уволить, кому повысить зарплату, а кому урезать бонус. Больше никому и в голову не приходило называть его Санькой. К бывшему Саньке теперь все обращались по имени-отчеству – Александр Серафимович.

Жизнь, между тем, продолжая меняться к лучшему, стала интересной и насыщенной. Теперь Санька стал подолгу пропадать в зарубежных командировках. То ему нужно было срочно лететь на переговоры в Нью-Йорк, то было совершенно необходимо принять участие в заседании международной профессиональной ассоциации трейдеров в Париже, а то – обменяться опытом с Сингапурскими банками. Санька останавливался в лучших гостиницах мира. Деловые поездки были сопряжены с многочисленны-

ми приемами, обедами и ужинами. Устрицы с Сансером, фуа-гра, сдобренное рюмочкой хорошего порто, черепашьи супы, бараньи ноги, утиные грудки, обильные аперитивы и еще более обстоятельные дижестивы за деловыми беседами вливались в Саньку нескончаемым потоком. И без того склонный к полноте, Александр Серафимович стал стремительно набирать вес. В прямом и переносном смысле этого слова. Теперь, в новых, благоприятных условиях, всегда ему свойственная, но до того неуместная вальяжность пришлась как нельзя кстати.

Молодому и перспективному управленцу и даже, как подобострастно утверждали многочисленные подхалимы, восходящей звезде финансового рынка, а то и больше – будущему магнату неизменно оказывался всяческий почет и уважение. Под потоками щедро проливаемой на его голову лести Санька довольно быстро утвердился в понимании собственной исключительности и, соответственно, в закономерности своих достижений. Плечи его расправились, спина распрямилась. Он снова поверил в себя и теперь с непоколебимой уверенностью, свойственной успешным молодым людям, открыто смотрел в туманную неизвестность своего будущего, где ему мерещились еще большие достижения и покоренные высоты. Однако же ближайшее будущее не сулило Саньке ничего хорошего.

В то самое утро, когда он по дороге на работу в машине долго обсуждал со своей женой достоинства и недостатки нового праздничного сервиза, Саньку ожидал неприятный сюрприз. По своему обыкновению, за чашкой кофе просматривая новости в утренней газете, на второй полосе Санька натолкнулся на статью, сообщавшую о смене председателя банка, в котором он имел честь трудиться. Слухи об этом увольнении ходили уже несколько лет, и Санька давно перестал придавать им значение. И вот – свершившийся факт. У молодого управленца неприятно засосало под ложечкой. Санька уставился на противоположную стену и задумался. Какими последствиями для него могло это обернуться? Что за человек новый председатель? И хотя последний находился от Саньки так

же далеко, как Луна от Земли, грядущие кадровые перемены очень даже могли затронуть и его – Саньке это было ясно, хоть и очень не хотелось в это верить. Толстые пальцы его стали отбивать нервную чечетку по поверхности стола. Но тут раздался телефонный звонок – нужно было определиться с параметрами проведения финансовой операции. Не успел Александр Серафимович положить трубку, как его кабинет стал наполняться сотрудниками – подчиненные пришли на совещание, которое Санька назначил накануне. И вскоре в обычной суете трудовых будней он о своей тревоге забыл.

Вечером того же дня на приеме, проходившем в фойе одной из самых дорогих гостиниц города, с Санькой произошел примечательный случай. Один из его приятелей представил ему начальника казначейства* небольшого частного банка. Приятель этот тут же скрылся в толпе, и Санька остался один на один с незнакомым ему человеком.

Человек этот был еще совсем молод, лет на пять младше Саньки. Он был небольшого роста, субтильного телосложения, которое усиливало ощущение его юности. На носу у человека поблескивали очки в дорогой оправе. Санька сразу же забыл его имя и отчество. Одна лишь фамилия Муркин задержалась в Санькиной голове. Следует заметить, что Александр Серафимович принадлежал к кругу людей, распоряжавшихся, пусть и не единолично, но довольно большими государственными деньгами. В этой связи он всегда всем был нужен. По праздникам, особенно под Новый год, его кабинет ломился от бесчисленных дорогих подарков. Поздравительные открытки не умещались на его большом столе. Его постоянно донимали все новыми и новыми предложениями, схемами, проектами, большинство из которых сводилось к установлению на их организации лимита межбанковского кредитования* или выдаче им ссуд. Запоминать их имена Саньке не было никакой надобности. Вполне достаточно было того, что они помнили его имя. Некоторые из этих господ, делая многозначительное лицо, предлагали встретиться один на один в тихом ресторанчике, чтобы обсудить взаимные интересы. Осторожный Санька, испыты-

вавший страх перед вездесущей, как он думал, службой безопасности банка, отвергал подобные приглашения и всем их предложениям давал официальный ход. А в отсутствие покровительства заинтересованных лиц, как известно, ни одно дело не может быть закончено.

Муркин же после нескольких ничего не значащих общих фраз вежливости немедля перешел к обсуждению довольно щекотливых вопросов. Санька не мог припомнить, чтобы кто-нибудь другой осмелился при первом знакомстве и вдобавок еще в общественном месте, где всякий при желании мог их легко подслушать, затрагивать подобные темы.

– Александр Серафимович, – суетливые глазки Муркина просительно и одновременно нагловато уставились на Саньку, – а почему бы нам не посотрудничать немного?

– Наверное, хотите, чтобы мы установили на ваш банк лимит межбанковского кредитования? – промурлыкал Санька тоном человека, испытывающего непереносимую скуку. Ему не раз доводилось отклонять подобные предложения.

– Нет. Ну, что вы, Александр Серафимович, наш банк АДД – вы даже, наверное, такого и не слышали – слишком маленький, чтобы вы на него могли открыть лимит кредитования. Да и репутация у нас, скажем прямо, неважная на рынке.

– Чем же она неважная? – осведомился Санька. И его могучий кулак пополз наверх, чтобы скрыть одолевавшую его зевоту.

– Обнал*, транзит* – ничего, в сущности, необычного.

От этих категорий Санька был тогда очень далек. Как все противозаконное, они пугали его. И Саньке было непонятно, как можно вот так запросто говорить о них вслух. А если кто-нибудь услышит? И услышав, что было бы совсем плохо, подумают, что он, Санька, тоже как-то замешан в таких делах. Несмотря на свои большие размеры, Санька с детства был очень осторожен, а иногда и боязлив. Разговор с Муркиным его пугал.

– Я думаю, ваш кредитный комитет на нас не установит даже и конверсионный лимит*, как бы мы с вами ни старались, – как ни в чем не бывало, продолжал Муркин, задумчиво потирая щеку. Санька

заметил, что на руке его блеснули часы, своей стоимостью превышающие три Санькиных автомобиля. А ведь его новый знакомый работал в маленьком банке, где зарплаты были неизмеримо ниже. «Откуда же тогда у него такие деньги?» – недовольно подумал Санька, которому не нравилось, когда люди, с его точки зрения, занимавшие более низкую ступень на социальной лестнице, жили лучше, чем он.

– Как же мы тогда можем сотрудничать? – спросил Санька. И в его голосе стали слышны нотки надменности, призванные поставить зарвавшегося обладателя дорогих часов на место, показать ему, кто здесь главный. Высокомерный тон Саньки, однако ж, нисколько не смутил Муркина, который, деловито потирая щеку, развивал далее свою мысль:

– Я думаю, мы могли бы у вас разместить страховой депозит*, в рамках которого ваш банк и выставлял бы нам котировки по конверсиям.

– Над этим нужно подумать, – лениво произнес Санька. Хлопот с установлением такого лимита было бы много, и заниматься этим ему не хотелось.

– Только хлопот много получится, – как будто читая Санькины мысли, продолжал Муркин, – а любые хлопоты должны быть должным образом оплачены.

Он ненадолго задумался, а потом завершил свою мысль:

– Я бы предложил тридцать на семьдесят.

– Что – тридцать на семьдесят? – не понял Санька, и от неожиданности в его взгляде даже отразилось обычно тщательно скрываемое им в подобных ситуациях недоумение.

Тут пытливые глазки Муркина слегка округлились, а его и без того узкое деловитое лицо от недоумения вытянулось еще больше.

«Прикидывается он, что ли? А может, вправду, лопух такой, не понимает, о чем идет речь? Да нет, не может быть, не может же он быть таким болваном – все-то он знает. Просто цену себе набивает. Надо бы предложить ему дополнительные бесплатные услуги», – рассудил Муркин и терпеливо продолжил переговорный процесс:

– Тридцать процентов мне, а семьдесят, естественно, вам. С кем и как вы там у себя делиться будете – не моя забота. Но главное, мы

и обналичить для вас все сможем. Или переведем на любой счет. Можем и в оффшор* деньги поставить. Как скажешь. Это все бесплатно сделаем для тебя.

Всегда чувствительный к этикету, Санька даже не обратил внимания на то, что Муркин перешел на «ты». Слова последнего звучали вполне обыденно, как будто речь шла о деталях обычного делового оборота. На самом же деле Муркин открыто предлагал – и Санька наконец-то это понял – вывести, то есть своровать, часть прибыли из банка, а потом поделить полученные деньги. А выводить деньги должен был не кто иной, как Санька! Но деталями того, как это делают, Санька не владел. Не знал он этого потому, что до этого случая никогда не задумывался над этой темной стороной дела. Санька никогда не совершал и не собирался в своей жизни совершать ничего противозаконного. Он с детства считал, что это плохо. Однако же и простофилей выглядеть в глазах какого-то там Муркина ему не хотелось. И тогда, чтобы не ударить в грязь лицом, он, выдержав паузу, весомо промолвил:

– Я подумаю.

Санька уже совладал со своими чувствами страха и удивления и теперь, полагая, что разговор окончен, снова горделиво распрямил спину.

«Вот павиан, подумает он. Раздулся весь, того и гляди лопнет! Конечно, что ему! На государственных деньгах сидит! Только выбирай, с кем работать! А мне – бегай за такими индюками. Волка ноги кормят. Ладно, видно, ничего не поделаешь, надо падать по цене», – решил Муркин и, фамильярно притянув к себе Саньку за пуговицу, горячими губами сладко зашептал ему прямо в ухо:

– Вообще-то, Александр Серафимович, это рынок. Но если семьдесят процентов тебе будет мало, то можно и семьдесят пять. Да что там, все восемьдесят можно, Александр Серафимович! Я же все понимаю. У вас же такие масштабы. Я понимаю! Но все зависит от объемов операций, которые вы через нас пустите и, соответственно, от абсолютного размера нашей общей с вами прибыли. Было бы что делить, а там договоримся, уж будьте уверены! Одно ваше слово, Александр Серафимович, – снова перешел на «вы»

Муркин, – и дело пойдет. Все будет ровно, Александр Серафимович, уж будьте уверены! Все ровно будет! Мы не подведем.

Обдаваемый горячим дыханием Муркина, Санька, как испуганная лошадь-тяжеловоз, взятая под уздцы, тревожно закосил по сторонам глазами. Ему почудилось, что их беседа должна вот-вот стать достоянием десятков ушей. А что, если среди них найдутся уши работников вездесущей службы безопасности? А что, если они уже все слышали и теперь собираются положить на стол курирующего его управление зампреда соответствующие материалы о неблагонадежности одного из его подчиненных? От этих мыслей Саньке стало еще страшнее, чем было минуту назад, и захотелось немедленно оттолкнуть от себя зарвавшегося просителя, как какую-то гадину. А тот, как назло, все никак не мог остановиться. Санька достал из заднего кармана брюк белый носовой платок и нервно вытер им пот со лба. Потом, чтобы скорее закруглить этот опасный разговор, он торопливо забормотал:

– Хорошо, хорошо, я подумаю и обязательно перезвоню. На следующей же неделе перезвоню. Обещаю...

– Буду ждать, – коротко кивнул внезапно остепенившийся Муркин. Цепко сжимавшие Санькину пуговицу пальцы наконец-то разжались, и новый знакомый, предварительно заботливо сунув в потную Санькину руку свою визитку, плавно растворился в толпе медленно перемещающихся с бокалами в руках гостей.

Санька же, чтобы хоть как-то погасить охватившее его волнение, схватил с подноса оказавшегося рядом официанта виски и залпом осушил содержимое стакана. Потом он быстро нашел в толпе своего заместителя – начальника отдела конверсионных операций, который тоже был в числе приглашенных на прием. С заместителем у Саньки были вполне доверительные отношения.

– Слушай, Артем, – шепотом спросил у него Санька. – А у нас, случайно, прибыль из банка наши трейдеры не выводят?

– Ты что? Конечно, нет, – в тревоге выкатил на него глаза Артем.

– Ты точно знаешь? – прищурился Санька и, используя прием Муркина, слегка притянул к себе своего заместителя за пуговицу пиджака.

– Точно! А в чем дело-то? – испуганно засопел заместитель.

– А то, что если кто-то выводит, то когда вскроется, отвечать нам с тобой все равно придется.

– Что ты, Серафимович, все нормально у нас. Не волнуйся. Да и с чего ты взял?

– Ну ладно. Проехали, – и Санька развернулся, чтобы уйти. Но потом передумал и, по-дружески положив руку на плечо своего зама, ласково спросил:

– А как обычно выводят, Артем? Ниже текущего рыночного курса продают, что ли?

– Ну да. Или выше покупают, а разницу делят. Сам-то не знаешь, что ли? Да что с тобой случилось сегодня? – недоумевал заместитель.

– Так, ничего, все нормально… Повнимательнее за подчиненными смотри. Я домой поехал. Пока, – пробурчал Санька. Принцип вывода денег был удивительно прост: стоило только задуматься об этом, направить свои мысли в нужное русло.

По дороге домой Саньку обуревали мысли о новом знакомом. Особенно запомнились Саньке его часы, хотя и очки, скорее всего, были тоже из дорогих. Но в очках Санька не разбирался – у него было хорошее зрение, а вот именно о таких часах мечтал Александр Серафимович не один год. Он с первого взгляда смог подсчитать их стоимость. Получалось, что Санька мечтал, а другие, разные там муркины, реализовывали его сокровенные мечты на деле. Досадно это было.

Все чаще в последнее время стал Санька обращать внимание на то, что некоторые сотрудники других банков, занимая довольно низкие позиции, почему-то ездят на очень дорогих машинах, носят дорогие часы и вообще живут гораздо лучше Саньки. При этом их официальная зарплата была – он точно знал это – в полтора-два раза ниже, чем у него. Теоретически, эти сотрудники могли, конечно, экономить на других статьях своих бюджетов или же жить, к примеру, за родительский счет. Но что-то подсказывало Саньке, что дело совсем в другом.

Санька, безусловно, знал о многочисленных злоупотреблениях, происходящих в финансовой сфере и государственных органах управления. По утрам, придя на работу, он имел обыкновение читать газету, из которой порой узнавал об арестах некоторых совсем уж зарвавшихся банкиров и чиновников, имена которых были известны всем. Саньке доставляло некоторое удовольствие узнать, что кое-кому из аферистов наконец-то прижали хвост. При этом правомерность своей высокой заработной платы, порой на порядок превышавшей доходы образованных и трудолюбивых людей других специальностей, никаких сомнений у Александра Серафимовича почему-то никогда не вызывала. Менее обеспеченные люди, вообще-то, мало его беспокоили. Чаще всего он их вообще не замечал. То, что кто-то живет хуже него, казалось Александру Серафимовичу вполне естественным, само собой разумеющимся. А вот кто Саньку по-настоящему беспокоил, так это те, кто были успешнее него. Они нагло разъезжали по дорогам его города на дорогих, больших, черных лимузинах с водителями и бесцеремонно притирали его малютку «Фабию». Когда же самому Саньке доводилось на своей «Фабии» в потоке прижать какой-нибудь микроавтомобиль, он не придавал такому случаю никакого значения.

Что же касается более успешных людей, то доставляли они Александру Серафимовичу особенное беспокойство, если оказывались моложе него. Если они были старше, то еще полбеды. Это Санька мог кое-как перенести. Это было поправимо. Ведь он пока был довольно молод и мог еще успеть стать таким же, как они. Но вот младше он стать уже никак не мог. Одним словом, чувство зависти порой терзало Санькину неугомонную душу.

Что и говорить, хотелось, еще как хотелось Саньке заполучить такие же дорогие часы, как у Муркина, разъезжать на таких же дорогих автомобилях, как у «этих нахалов» и, как они, иметь много денег. Тем не менее, для достижения этих заманчивых целей Александр Серафимович не был готов нарушать закон, не собирался входить в сговор с преступниками. Саньке казалось, что запутанный мир этих нечистых на руку людей находится где-то очень далеко, а сами они сродни уличным бандитам с расплющенными

носами, с квадратными, растущими, как у борцов, прямо из туловищ головами, с загибающимися от силы огромными ручищами, непременно одеты в черные майки и мятые спортивные костюмы. Таких не должны были пускать в приличные заведения, где проходила рафинированная Санькина жизнь. И вот сегодня Санька неожиданно соприкоснулся с этим страшным миром. Но его представитель почему-то совсем не выглядел бронтозавром. Пусть он был излишне прямолинеен и, в отличие от других, не тратил время на пустые разговоры о финансовом рынке и о погоде, но в целом это был интеллигентного вида человек. И хотя Саньку немного коробило при воспоминании, как фамильярно Муркин притянул его к себе за пуговицу пиджака, во всем остальном этот представитель криминала был достаточно вежлив.

Главное, что тем вечером беспокоило Саньку, что заставляло его напряженно думать, была другая сторона жизни, которой Александр Серафимович тогда всячески сторонился и которая неожиданно раскрылась перед ним в виде предложения конкретного, но очень сомнительного свойства. Причем предложение это – Санька был вынужден признаться себе – было исключительно заманчиво. Как-то незаметно в Санькиной голове сами собой стали складываться цифры дополнительных доходов, которые сулили ему финансовые операции Муркина. По самым скромным прикидкам его годовой заработок увеличился бы втрое, а то и вчетверо! Раньше все подобного рода сомнительные контакты, которые могли бы перерасти в похожие предложения, Санька пресекал в самом зародыше. Теперь же из-за прямолинейности Муркина Санька встал перед непростым выбором.

Сам того не желая, он погрузился в мысли о технической стороне реализации схемы. Несмотря на кажущуюся внешнюю простоту, практическое воплощение предложенной схемы требовало серьезной подготовки и выглядело довольно запутанно. Нужно было вовлечь в процесс как минимум одного трейдера, который бы непосредственно проводил сделки. Желательно еще было взять в долю своего заместителя, в обязанности которого входило бы контролировать проведение операций. В противном случае он мог

бы загубить все дело. С этими двумя Санька, пожалуй, еще смог бы договориться. Но как быть с вездесущей службой безопасности? На сотрудников «безопасности» у Саньки выхода не было. Возможно, с ними мог бы договориться его прямой руководитель, начальник управления, у которого там теоретически могли быть контакты. А если контактов не окажется? И самое главное: как отреагирует начальник управления на подобные инициативы своего подчиненного? Ясности не было. С начальником управления у Саньки, к тому же, не было доверительных отношений. Хуже того, своего шефа Александр Серафимович изрядно побаивался.

Как раз накануне Саньке привиделся страшный сон. Будто бы он пришел с докладом к начальнику управления и, как всегда в таких случаях, находясь в состоянии великого волнения, ждал в его приемной высокой аудиенции. Прошло пять, десять, потом двадцать минут, а его все не приглашали. От нарастающего беспокойства Санька все больше ерзал на стуле. Постепенно ему стало казаться, что он не взял с собой всех необходимых для этого случая документов и что он вообще плохо подготовился к докладу. Черт знает, какие тревожные мысли полезли к нему в голову. Но вот секретарша уже приглашает Саньку пройти в кабинет. Он встает и к своему ужасу обнаруживает, что на нем нет брюк! Что он пришел на прием в одних трусах! Секретарша от возмущения не может вымолвить ни слова. Лицо ее становится красным от гнева. Санька хочет поскорей ретироваться, но ноги не повинуются ему и словно прилипли к полу. И, как назло, в эту самую минуту дверь кабинета отворилась, и на пороге явился его строгий шеф собственной персоной! Он таращится на Саньку с негодованиием, начальнические глаза превращаются в щелочки, усы шевелятся, щеки колышутся. И вот этот полубог, указывая пальцем куда-то вдаль, жутким голосом, от которого дребезжат стекла, кричит: «Вон отсюда, хулиган!» У Саньки от страха подкашиваются ноги, он хочет бежать, понимая, что в такой момент это было бы самым правильным. Скорее вон из приемной! Но ватные ноги не слушаются его, и Александр Серафимович продолжает оставаться на месте, чем еще более ухудшает свое незавидное положение. Тут Санька проснулся.

Понятно, что о попытке вовлечь начальника управления в схему Муркина не могло быть и речи!

Однако же, начнись операции с Муркиным, рано или поздно слух об этом мог пойти по рынку и, соответственно, дойти до руководства и даже до службы безопасности. Значит, достижение договоренностей с начальником управления было настолько же необходимо, насколько невозможно. Именно здесь, значит, и возникало узкое место всей схемы, и было оно непреодолимо. Осознав такой тупик, Санька даже обрадовался. В глубине души ему не хотелось сходить с проторенной дороги спокойной и совестливой жизни, которую он вел. Александр Серафимович был даже рад тому, что нашлись такие вот рациональные аргументы в пользу того, что и впредь не надо сходить с накатанной колеи.

Пугало Саньку еще и то, что, встав однажды на опасный путь, который предлагал ему Муркин, он мог обременить себя новыми обязательствами, последствия которых были непредсказуемы. А Санька привык брать на себя только те обязательства, которые мог выполнить. Но вот беда: от крупных денег Саньке добровольно тоже отказываться не хотелось. Путаные мысли продолжали тесниться в его голове. Саньке было тревожно, голова его начинала наливаться свинцовой тяжестью, и, наконец, в его сознании, как это бывало с Александром Серафимовичем обычно в трудные минуты, неожиданно стали всплывать картины из далекого уютного детства, когда не надо было ломать голову над подобными задачами.

Парадоксально, но Санька почти не помнил, чтобы отец когда-либо говорил с ним на тему морали. Лишь один такой случай крепко засел в памяти мальчика. Было это так. Однажды, когда они всей семьей ехали в машине в кино, по радио сообщили, что некоего Петрова арестовали по обвинению в растратах. Санька поначалу не придал значения этому сообщению. Да, у его родителей были знакомые Петровы. Санька помнил, что иногда эти Петровы приходили к ним домой. А ещё у Петрова была полная жена-хохотушка, которая всегда приносила Саньке хорошие подарки. Любезные гости сначала обедали с родителями, а потом все пили

чай и играли в «Кинга». Сам Петров запомнился Саньке гладко выбритым, обходительным человеком в безупречно наглаженном костюме и белоснежной накрахмаленной рубашке, без галстука. От Петрова всегда исходил приятный аромат хорошего парфюма.

Уголовный мир, который Санька видел только по телевизору, с его грубостью, темной жестокостью и жутким насилием, в понимании мальчика никак не вязался с веселым и светлым образом Петровых. И Санька решил, что это, должно быть, какая-то ошибка, что речь идет о ком-то другом. Однако после сообщения по радио в машине надолго повисла зловещая тишина, и стало понятно, что никакой ошибки нет и что это тот самый Петров. Тут же выяснилось, что ужасный мир тюрем находится совсем недалеко. Своей частью он даже заполз прямо к ним в машину, в их дом. Ощущение это для Саньки было чудовищно, страшно и неприемлемо. Голова мальчика стала наполняться каким-то шумом и сумбуром и отяжелела, как если бы ее наполнили мякиной. Он весь сжался в безотчетном страхе. Мать молчала. Потом отец коротко сказал:

– *Нет. Жить надо своим трудом.*

И с этой фразой все-то в Санькиной голове сразу стало на свои места, все прояснилось. Шум и сумбур исчезли, а на их место пришли ясность и спокойствие. Это означало, что его отец не делал и не сделает ничего такого, за что сажают в тюрьму. Что он, как и прежде, будет каждый день рано утром уходить на работу, а поздно вечером возвращаться домой к ужину. Что они и дальше по субботам, как сегодня, все вместе будут ездить на этой хорошей машине в кино. Из этих простых слов отца в понимании мальчика следовало, что их честная жизнь, в которую входили уютная квартира, заботливая мама, летний отдых на Черном море, непременно продолжится. И он, Санька, когда подрастет, тоже будет жить такой же хорошей честной и светлой жизнью. И за это у него тоже появится уютная квартира, машина, семья и летний отдых на Черном море.

До настоящего момента все в Санькиной жизни складывалось именно так. Да, были на первых порах некоторые трудности, когда

ему приходилось слишком много работать, денег очень не хватало, а перспективы были достаточно туманны. Но все это осталось теперь далеко позади. Теперь у него была хорошая семья, квартира, с кредитом за которую после своих недавних повышений он думал расплатиться в течение ближайших двух лет. Они с Марусей смогут тогда для каждого купить по новенькому престижному автомобилю. И будет у Саньки уже не «Шкода Фабия», а «Ауди А6». Сейчас он не может позволить себе такие часы, как Муркин? Пусть! Зато у него есть стабильный карьерный рост и хорошая, незапятнанная репутация на рынке. И эту его кристально чистую репутацию должны непременно заметить и поощрить там, наверху. Тогда он сможет тоже позволить себе через несколько лет дорогие часы, и не такие, как у Муркина, а намного лучше. А потом можно будет подумать и о загородной недвижимости. Связь же со всякими темными личностями хоть и сулила хорошие барыши, зато могла привести к непредсказуемым последствиям. Надо просто немного подождать, думал Санька, и все придет к нему само, честным путем.

Когда на подъезде к дому решение не ввязываться в грязные делишки Муркина сложилось у него окончательно, Александр Серафимович испытал чувство глубокого облегчения. И всё же, поднимаясь по лестнице, он невольно вновь и вновь начинал внутренний диалог с кем-то невидимым: «Свяжешься с такими, потом не отмоешься. Ни на какую работу с такой репутацией брать не будут». Тем вечером Санька впервые в жизни стоял на перепутье нравственного выбора. И не абстрактного, а вполне конкретного. Несколько часов назад в глубине его души зародились предательские сомнения, и они никак не хотели умирать. Поэтому Александр Серафимович продолжал поиск все новых и новых рациональных подкреплений своей правоты. И такие подкрепления нашлись, и он заснул – с мыслью, что честность его должна быть высоко оценена руководством. Оценка же эта, по мнению Саньки, должна была непременно вылиться в очередное его повышение в должности и в росте его денежных доходов.

…Увы, на Санькину беду, уже в ближайшем будущем коварная судьба готовила ему нечто прямо противоположное.

Прошло несколько недель. Как-то утром начальник управления вызвал Саньку к себе. Этот начальник, Семен Борисович Виктюк, небольшого роста, рано поседевший человек лет пятидесяти, был управленцем старой формации. Никто из подчиненных не видел его улыбающимся, потому что на людях Семен Борисович старательно делал недовольное выражение лица. Соответственно, лоб его тоже был постоянно нахмурен, отчего со временем покрылся глубокими морщинами, а глаза постоянно недовольно буравили подвернувшегося подчиненного. Самые обычные вещи произносил Виктюк многозначительным тоном. Все-то в его поведении было призвано донести до окружающих, что человек он очень занятой и его не следует отвлекать от работы по пустякам. А еще лучше будет другим взять с него пример. Честно отрабатывая свой хлеб, начальник управления в потугах контролировать всех и вся засиживался на работе допоздна.

Семену Борисовичу всю жизнь казалось, что чем большего ужаса он нагонит на своих подчиненных, тем лучше станут они работать. Впрочем, до некоторой степени, он был, увы, прав. Большая часть его младших по чину коллег воистину была в состоянии работать только по принуждению. Никакие новомодные бонусные схемы сдвинуть их с места не могли. А дружеский тон руководства кое-кто из них и вовсе воспринимал как некоторую слабость и сигнал ко вседозволенности. Так и получалось, что многие сотрудники Виктюка требовали кнута. А вот мысли о том, чтобы подыскать других сотрудников, никогда не посещали седую Виктюкову голову. Семен Борисович всегда предпочитал, по его выражению, работать с имеющимся в наличии человеческим материалом. И старался он на этом поприще изо всех своих сил. Возможно, что именно на этой почве развилась у начальника управления ранняя гипертония. Но, так или иначе, в его присутствии никому и в голову не приходило не то что засмеяться, но даже улыбнуться. Такое считалось бы даже неприличным, за исключением, разумеется,

глуповатой ухмылки приветствия, которая являлась подтверждением лояльности подчиненных к своему руководителю. И, разумеется, Виктюк всегда требовал к себе почтительного обращения на «вы», сам же, при том, своим подчиненным по-отечески «тыкал». А если с кем-то он переходил на «вы», то означало это не что иное, как крайнюю степень раздражения, а то и скорое применение мер дисциплинарного воздействия.

Виктюк был трудолюбив. И за тридцать лет службы Отечеству вырос в большого профессионала своего дела. Молодежи, надо признать, было чему у него учиться.

– Привет, Саня, – пробасил грозный шеф, выходя из-за своего стола и протягивая руку. На вечно хмуром лице его отразилось даже некое подобие радушия. По всей вероятности, Семен Борисович пытался растянуть свои губы в улыбку, но непривычные к такому положению мышцы лица своего хозяина слушались плохо. Обыкновенно начальник управления не здоровался с подчиненными за руку и уж, тем более, не покидал своего «руководящего» кресла. Порой могло показаться, что он сросся с креслом воедино. Из такой неожиданной перемены в поведении Виктюка Санька сделал заключение: произошло нечто не совсем обычное…

– Здравствуйте, Семен Борисович, – елейным голосом ответил Санька. Могучий торс подчиненного согнулся в полупоклоне, и он приторно заулыбался, как будто только что съел шоколадную конфету или выпил рюмочку ликера «Бейлис», до которых был, кстати, большой охотник.

– Будем прощаться, – вдруг, с неожиданной для Саньки неуверенностью в голосе промолвил его грозный шеф.

– Вы что, уходите, Семен Борисович? – спросил его Санька, не желая верить в такие разительные перемены.

– Да. И не скрою, что и тебе тоже скоро подыскивать что-нибудь для себя придется.

– А куда вы, Семен Борисович, пойдете?

При этом простом вопросе лицо Виктюка приняло свое обычное угрюмое выражение, брови его нахмурились, и стало очевидно, что зарвавшийся подчиненный позволяет себе лишнее.

– Ну, пока, Саня. Удачи тебе, – вместо ответа шеф хлопнул своего любимца по плечу, давая понять, что разговор окончен.

С тяжелым сердцем Санька вернулся на свое рабочее место.

На следующий день через секретаря Саньку пригласили в кабинет к новому начальнику управления. К своему удивлению, в кресле своего бывшего руководителя Санька увидел молодого человека, которому еще не было и тридцати лет. Новый руководитель был значительно младше Саньки! «Молокососа» отличали ровный загар и довольно длинные кучерявые волосы. В нарушение устоявшейся банковской этики его шею не стягивал галстук. А из-под двойного манжета модной розовой рубашки выглядывали невероятные по своей массивности часы. Наметанный Санькин глаз сразу же опознал их. Неделю назад он видел эти часы в одном из каталогов. О таких Санька даже и в самых дерзких своих мечтах не грезил. Им позавидовал бы сам Муркин. Чтобы не опозориться, Санька стыдливо натянул манжет своей рубашки на свои часы.

– Ярослав, – сказал молодой человек Саньке, нехотя опуская ноги со стола. Было понятно, что новый руководитель предпочитает обращение на «ты».

– Александр, – ответил Санька, пожимая через стол протянутую ему холеную загорелую руку с маникюром.

– Присаживайся, – сказал Ярослав, указывая Саньке на кресло напротив своего стола.

– Спасибо.

– Слушай, Саш, в банке идут, как ты сам видишь, большие перемены. А перемены требуют кадровых изменений. Теперь новые времена наступают. Решения надо принимать быстро, а задачи стоят большие. Времени на раскачку нет. Босса твоего бывшего убрали. Засиделся старик на этом месте. Остроты момента не понимал. Ретроград, сам понимаешь, – развел руками Ярослав.

Судя по внешнему виду нового начальника, времена наступали, действительно, в чём-то новые, но демагогия оставалась прежней.

Санька с готовностью закивал головой, давая понять, что очень хорошо понимает необходимость перемен, конечно же, давно на-

зревших, и всецело поддерживает увольнение своего бывшего шефа, как и любые другие возможные инициативы нового руководства. Саньке очень не хотелось потерять работу, а для этого требовалось понравиться новому начальству.

– Болото какое-то развел тут старик. Ему давно пора было. Как ты считаешь? – и Ярослав испытующе посмотрел на своего подчиненного.

– Это точно, – поторопился Санька с ответом. А в его серых глазах заиграла безграничная преданность новому руководству.

– Ну да ладно. Я не об этом, – расслабленно махнул рукой Ярослав. – Я к тому, что ты не волнуйся. Я о тебе слышал только хорошее. Репутация у тебя что надо. Ты не беспокойся, работай спокойно. Тебя никто трогать не будет. Ну, понятное дело, усилим кадровый состав твой кое-кем. Вот тебе, кстати, список, кого на работу надо взять. Эти ребята поживее будут, чем те, которые у тебя сейчас работают. Подготовь представления на них, чтобы всех до конца недели оформить. Сам знаешь эту кухню. И подумай, на чьи места их брать будем, ну, то есть, кого уволить из старых твоих, кто… гм… засиделся, там, в общем. Списочек мне к завтрашнему дню подготовь. Покумекаем над ним с тобой вместе, – все это Ярослав говорил скороговоркой, как-то между прочим. У него был беспечный, ничем не обремененный взгляд. Их встреча не заняла и пяти минут.

Санька вышел из кабинета нового начальника, переполненный радостными чувствами. Он никак не мог поверить в свою удачу. Из разговора получалось, что новое руководство его ценит! Уже завтра они вместе будут производить кадровые назначения.

«С другой стороны, а почему должно быть иначе?» – рассуждал про себя неожиданно обретший уверенность в своих силах Александр Серафимович. Слышали-то о нем только хорошее! Знают, что неподкупен, значит, честен, профессионален, лоялен и все такое. А он-то, дурак, волновался! Список на увольнение – это не проблема. Это он мигом подготовит. А Семен Борисович Виктюк, и вправду, ретроград был. Его действительно пора было убирать. «Не скрою, Саня, что и тебе скоро подыскивать что-нибудь придется!» – мысленно процитировал своего бывшего шефа Санька и

радостно подумал: «Виктюк, старый пердун и ретроград, пусть он себе и подыскивает, а меня, Александра Серафимовича, на работе ценят. А потому я буду работать и дальше!»

Тем же вечером дома за ужином Санька собрался поделиться своими хорошими новостями с женой.

– Был сегодня у нового руководителя, – многозначительно промолвил он, степенно поднимая на вилке горячую баварскую сосиску. В другой руке у него был зажат большой бокал пенистого пива.

– У Петренко, что ли?

– Ну да, а ты откуда знаешь?

– Слухи быстро распространяются. У меня в отделе парень один старшим экспертом работает, Ковальчук Вова. Так вот, он с ним вместе в институте в одной группе учился. Ничего, говорит, никогда этот Петренко не делал, в институт только «потусоваться» приходил. Ему все экзамены так проставляли. Родители, естественно, за все платили. Ничего необычного, конечно, – у нас сейчас половина студентов так учится. А так, вроде, толковый парень. А еще тачка у него крутая, говорят, «Брабус».

– А кто у него родители?

– Ты, Сань, даешь! Самого главного до сих пор не знаешь, что ли?

– Нет, – пристыжено почесал затылок Санька и, жуя сосиску, вопросительно воззрился на жену.

– Этот Петренко – сын заместителя главы администрации Президента. Ему двадцать семь лет. Отец, вообще-то, хотел его «генеральным» на свой турбинный завод поставить, но там работать надо – деньги-то свои. А этого молодой Петренко не любит, похоже. Поэтому его в банковский бизнес отправили пока. Он в виде наказания, что на заводе плохо себя проявил, пару лет в другом государственном банке в отделе кредитования проработал. Сейчас к вам его начальником управления направили. Надо же с чего-то парню карьеру начинать.

– Сразу начальником управления? Мой бывший шеф двадцать лет потел, пока до этой должности дослужился.

– Тогда времена другие были. Теперь ты, Сань, за него работать будешь. Хотя, не ровен час, твоя должность тоже кому-нибудь из его дружков понадобиться может.

– Мне Петренко сказал, чтобы я работал спокойно, что меня не тронут. У меня, Маруся, все-таки репутация незапятнанная, – многозначительно сказал Санька.

– Ну, раз сказал… – развела руками Маруся и стала разливать чай.

В ее голосе Саньке послышалось что-то язвительное.

В течение последующих недель треть старых опытных сотрудников была уволена, и им на смену пришли новые молодые ребята. Среди них и Вова Ковальчук, про которого говорила Саньке жена Маруся. Вова Ковальчук пришел на место верного Саньке Артема, уволенного по настоянию нового руководства. Причем Петренко, со словами «поможешь парню втянуться», дал Саньке указание, чтобы тот без промедлений оформил Ковальчука начальником отдела конверсионных операций без испытательного срока. Вова Ковальчук поначалу в работе ничего не смыслил, но оказался сообразительным парнем. В чистосердечном стремлении понравиться Петренко Санька потратил много сил на обучение Вовы, что, безусловно, быстро дало результаты. Уже через пару месяцев тот полностью освоился и вовсе перестал советоваться с Санькой. А вот нагоняи от руководства за все ошибки Ковальчука мужественно получал Александр Серафимович. А потом других подотчетных и лояльных Саньке начальников отделов тоже сменили. Пришедшие им на смену, почему-то минуя Саньку, все чаще стали обращаться напрямую к Петренко.

Прошло несколько месяцев. Как-то вечером, подписывая заключенные за день конверсионные сделки, Санька обратил внимание на несколько сделок с банком АДД. Он все лимиты знал наизусть, и такого банка в их перечне никогда не было. В ярости Санька вызвал к себе трейдера, заключившего сделки.

– Петр, ты почему заключаешь сделки с банком, на который не установлен лимит? – свирепо выкатив глаза, заревел Санька. По

примеру своего грозного, а ныне уволенного шефа Санька считал своим долгом кричать на провинившихся подчиненных.

Обычная практика работы была такова, что во избежание финансовых потерь трейдеры имели право заключать сделки исключительно с банками, на которые имелись одобренные Кредитным комитетом банка лимиты. За нарушение этого порядка следовали наказания вплоть до увольнения. Но подобных грубых нарушений ни разу не происходило на Санькиной памяти. И вот такой случай настал.

– У меня было распоряжение начальника отдела Ковальчука, – спокойно ответил трейдер. Было очевидно, что, несмотря на грозный окрик, подчиненный совсем не испугался.

– У начальника отдела нет таких полномочий, – продолжал бушевать Санька.

– Ну, это уж я не знаю, Александр Серафимович. Мне сказали, я сделал, – туманно пробурчал трейдер.

– А если они, то есть банк АДД, не поставят деньги? Кто будет отвечать?

– Ну… – промямлил трейдер, потупив взгляд.

– Отменяй сделки! И пиши объяснительную записку на мое имя.

– Сделки я отменить не могу. Они согласованы с Ковальчуком.

– Я тебя уволю! – стукнул кулаком Санька.

– Что вы на меня кричите? Идите и с Ковальчуком лучше поговорите, – тоже повысил голос на Саньку его подчиненный.

Подобное самоволие было неслыханно. Санька в ярости набрал по внутренней связи Ковальчука. Вместо обычного к себе обращения «Александр Серафимович» он, к своему удивлению, услышал: «Чего хотел, Сань?», сказанное спокойным тоном.

– Зайди ко мне! – рявкнул Санька.

– Давай лучше по телефону, Сань. Я сейчас занят.

Это было уже открытое неповиновение. Санька почувствовал, как руки у него потеют.

– Я сказал «зайди»!

– Сань, я же сказал, я занят. И не надо орать. Скажи по телефону, чего хочешь.

– Передо мной сидит твой подчиненный и говорит, что это ты дал указание совершать сделки с банком АДД. Это так?

– Ну, так, а чего орать-то?

– На него лимитов нет, тебе это известно?

– Нет – так будут. Сегодня вечером Кредитный все утвердит. Не переживай, Сань.

– А я почему ничего не знаю? Все предложения по новым лимитам на «кредитный» через меня проходят!

– Почему ты не знаешь, я не знаю. Это тебе видней. Но ты не кипятись так. Петренко все завизировал. Этого, надеюсь, тебе достаточно.

– Ладно, проехали, но если завтра лимитов не будет…

Но Ковальчук уже разъединился. В Санькиной голове воцарились шум и беспорядок. Он вспомнил, что поток проходящих через него документов сократился наполовину. Да и то немногое, что он визировал, являлось скорее пустой формальностью. Просто он долго сам не хотел отдавать себе в этом отчета. Теперь же все стало ясно: он превратился в никому не нужное лишнее звено. Но было что-то еще, что он упускал из виду. «АДД, АДД, АДД», – вертелось у него в голове. Название банка было ему знакомо, но откуда? Вдруг, как молния, в его памяти мелькнули воспоминания: «Муркин! Он оттуда! Конечно!» Трейдер все еще сидел перед Санькой. В глазах его застыла наглая насмешка над недавно грозным, а ныне поверженным шефом. Но Санька не хотел сдаваться, чем, конечно же, лишь ухудшал свое положение.

– Принеси-ка мне все сделки, я хочу проверить, по каким курсам они заключались тобой.

– Хорошо, – недовольно сказал подчиненный и вышел из кабинета.

Санька был уверен в своей правоте. Скоро он убедится в своих догадках. Он расскажет руководству – под руководством в первую очередь Санька понимал Петренко – о совершаемых новичками злоупотреблениях. Он подсчитает, какой прибыли недосчитался сегодня банк, точнее будет сказать, сколько денег сегодня своровали. И тогда он снова будет на коне. А этих всех уволят.

Но нагловатый подчиненный все не шел и не шел. Санька несколько раз спрашивал его по внутренней связи, но каждый раз ему отвечали, что он вышел покурить, а потом, что тот уже ушел домой.

«Ничего, от меня не уйдешь. Завтра я вас всех на чистую воду выведу», – подумал Санька и тоже отправился домой.

Находясь в сильном возбуждении от мыслей, как начнет он на следующий день всех выводить на чистую воду и как по итогам его прозорливых разоблачений он, Александр Серафимович, вновь окажется на коне, Санька беспокойно проворочался с боку на бок почти до самого утра.

Но на следующий день такой возможности Александру Серафимовичу не предоставили. Утром у самых дверей офиса Саньку встретили сотрудники службы безопасности и поспешно препроводили в управление кадров. На месте хорошо знакомого ему начальника управления он увидел полного человека с усами. Вид усача был недобр. В кабинете поодаль находился еще какой-то тип с мрачноватым выражением лица, угрожающе постукивавший крупными костяшками пальцев о подоконник.

– Присаживайтесь, – суховато сказал владелец кабинета.

Санька сел.

«Надо было посмотреть, как его зовут. Наверняка табличку на дверях кабинета тоже уже сменили», – подумал он.

– Мы предлагаем вам уйти по собственному желанию, – услышал Санька голос усатого.

От охватившего его ужаса Санькино сердце забилось с двойной скоростью. Такого поворота событий он никак не ожидал. В его памяти тут всплыли долги по ипотеке, его с Марусей планы покупки новых автомобилей и почему-то приобретенный три месяца назад праздничный сервиз.

– А что думает на эту тему мой непосредственный руководитель Петренко? – тихим голосом задал вопрос Санька.

– Он и попросил нас побеседовать с вами на эту тему.

– А вы знаете, какие злоупотребления творятся новыми сотрудниками? – в отчаянии выкрикнул Санька.

– Знаем, мы все знаем. Вот вам заявление, с сегодняшней даты, – усатый протянул ему заполненный лист бумаги. – Два оклада. Подписывайте. А о злоупотреблениях не беспокойтесь, мы разберемся.

– А если я…

– Вот этого я бы вам не советовал. Уволим по статье, и получите такие рекомендации, что вас не возьмут ни на одну приличную работу, – спокойно сказал усатый. – Вот ваши вещи, – и он кивнул головой на картонный ящик, стоявший в углу кабинета. – Деньги переведут на карточку.

Санька не знал, как поступать в подобных случаях. Он никогда ранее не интересовался трудовым законодательством – в том не было никакой нужды, он же был на хорошем счету. А сейчас Александр Серафимович чувствовал себя совершенно беззащитным, обиженным, маленьким человечком. Интуиция подсказывала Саньке, что тут спорить бесполезно и даже вредно. После непродолжительного раздумья Санька подписал заявление.

Через пять минут он стоял с картонным ящиком под мышкой около дверей учреждения, которому верой и правдой прослужил почти десять, а если учесть его работу курьером, то и все пятнадцать лет. Александр Серафимович никак не мог осознать, что все это произошло именно с ним, что он больше не перспективный, удачливый заместитель начальника управления, а выкинутый, как паршивый котенок, на улицу безработный. Опаздывающие на службу сотрудники пока еще с уважением здоровались с ним, но в их глазах новоиспеченный безработный уже с грустью читал немые вопросы: «Что делает в этот утренний час перед дверями здания Александр Серафимович Руденко? И зачем ему эта вместительная картонная коробка, которую он так неловко держит под мышкой? Что он в ней скрывает? И почему у него такой растерянный вид? Уж не уволили ли его?»

Пока Саньке сопутствовала удача, он не был склонен анализировать собственные поступки. Все и без того шло прекрасно. Лич-

ные достижения казались Саньке чем-то естественным, вполне закономерным, и успех стал привычным для него состоянием, не требовавшим дополнительного осмысления. Сейчас же, неожиданно обнаружив себя за бортом уходящего прочь большого и добротного корабля, Александр Серафимович принялся тревожно думать, что же это он сделал не так, как было бы нужно. Какие совершенные им ошибки привели его к настоящему плачевному состоянию? Он же был всегда лоялен к руководству, в том числе и к новому. Все поручения Петренко исполнял быстро и с завидным рвением. Он безропотно уволил старых сотрудников, среди которых были его хорошие товарищи, обучил новых, незнакомых людей. Значит, все это он делал напрасно? А разве он всегда не был честен и неподкупен? Разве не обладал высокой квалификацией, приобретенной и выстраданной им за годы продвижения по службе? Разве, прежде чем достигнуть своего положения, не горбатился Санька на малоинтересной работе? Изо всего того, о чём Александр Серафимович спрашивал себя теперь, по его мнению, вытекало, что он, Санька, несравненно более достоин той позиции, с которой его только что уволили, чем все эти новые, непонятно откуда взявшиеся молокососы.

Взять, к примеру, Вову Ковальчука, который еще год назад даже не знал, что такое финансовый рынок и даже работал в подчинении его жены. А теперь он, наверное, займет его место. А сам Петренко? Парень не глупый, но разве можно за несколько месяцев по-настоящему обучиться всему тому, что постигают годами? Видимо, поэтому он и не в состоянии разобраться, что его ставленник Ковальчук сливает прибыль на сторону через банк Муркина. Неужели Петренко не понимает, что Санька Руденко был бы ему сейчас исключительно полезен в разоблачении подобного рода махинаторов? А вместо этого его почему-то взяли и уволили. Или же и сам Петренко… тоже «в теме»?

Под тяжестью всех этих безрадостных мыслей, понурив голову, Санька плелся к своей «Шкоде». Бессмысленно провалявшись на диване целый день, он вечером отправился встречать жену.

– Привет, Саня. Как дела? – прозвучал ее привычный вопрос, на который Саньке отвечать было непривычно трудно.

– Меня уволили, – мрачно сказал он после паузы.

В машине повисла тягучая тишина. До дома они ехали молча.

На самом деле Маруся ожидала этого события. Ей даже было странно, что ее Санька так долго продержался после смены руководства банка. Ведь его должность, как ей было известно, автоматически открывала доступ к огромным пластам информации. А самое главное, должность эта предоставляла широкие возможности для всевозможных злоупотреблений. От решений человека, занимавшего её, зависело очень многое. По секрету скажем, что самой Марусе все эти тонкости были известны мало, но имелся у нее один тайный источник информации, который в виду некоторых причин до времени она оставляла в тени. Этот-то источник и позволял Марусе видеть происходящие события в совокупности, в то время, как Санька порой из-за деревьев леса не различал.

– Ладно, не грусти ты так, найдешь себе работу, – сказала Маруся мужу за ужином.

– Найду. Но вот какую? – пробормотал Санька.

Тема Санькиной работы, безусловно, Марусю волновала, и не только потому, что ей было досадно за мужа. На них висела ипотека. У них были планы покупки новых автомобилей. Все это требовало денег. Одной Марусиной зарплатой супругам было не обойтись. Получалось, что тот образ жизни, который в семье сложился, теперь становился ей не по карману.

– Позвони-ка ты, Саня, своим институтским друзьям, знакомым. Хотя бы, Сашке Говору. Его, вроде бы, должны вот-вот назначить заместителем председателя в «Банк государственной поддержки». Он как раз начинает формировать команду. Самое время ему позвонить, – предложила находчивая Маруся.

«Банк государственной поддержки» был ещё одним государственным банком, специализировавшимся на кредитовании сельского хозяйства. С Александром Сергеевичем Говором Санька когда-то учился в одной группе. Они иногда вместо занятий отправлялись пить пиво в соседнюю забегаловку. Это был ничем не выдающийся, обычный парень. Потом их пути разошлись. Кто тогда мог знать, что однажды его назначат зампредом?

– И откуда ты у меня все знаешь? Об этом, вроде, не писали в газетах? – с умилением глядя на жену, спросил Санька.

– Так говорят у нас. Еще говорят, что его дядя в последние годы сделал головокружительную карьеру в Аппарате Правительства. У него, правда, другая фамилия, но вроде бы они очень близки, и даже Говор представляет его интересы.

– И кто это у вас все говорит? – озадачено почесал затылок Санька и отправился спать.

На следующее утро в газете Санька прочел заметку, что Говора, как и рассказывала Маруся, назначили зампредом в «Банк государственной поддержки». После нескольких неудачных попыток соединиться с ним через секретаря Санька все же договорился о встрече. И через пару дней он оказался у него в кабинете. Старый знакомый не забыл институтского товарища.

– Здоро́во, Саня, присаживайся, – приветливо сказал Говор, указывая на диван и кресла, стоявшие в углу кабинета и предназначенные для неформальных бесед.

«Хороший признак», – мелькнуло у Саньки в голове.

Они выпили чаю, Санька посетовал на произошедшие с ним перемены.

– Ну, это понятно. Сейчас у них там Петренко, конечно, дело наладит, – сказал Говор. Из его слов Санька уловил, что под «делом» Говор понимает нечто особенное.

– А до этого что, дело не налажено было, что ли? – с обидой в голосе спросил Санька.

– До этого, насколько я знаю, нет. То есть было, наверное, но не с теми и не в том объеме. Я говорю о твоем бывшем председателе. А по твоей части, так вообще… – и Говор махнул рукой.

– В каком смысле? – спросил Санька.

– Ладно, потом об этом, – и Говор сделал рукой многозначительное круговое движение по сторонам своего кабинета, а потом подергал себя за мочку уха, демонстрируя тем самым, что все прослушивается и надо знать меру в разговорах.

– Давай к делу. Могу тебе предложить позицию клиентского менеджера: инвестиционные проекты, кредитование, организация

финансирования и все, знаешь, такое. Подчиняться будешь мне напрямую. Теперь по условиям: маленький кабинет тебе выделят, фиксированная оплата будет раза в два меньше, чем у тебя была. Но я думаю, ты это быстро наверстаешь. Хорошие бонусы я тебе обещаю. Ну и прочее… Согласен?

– Согласен. Спасибо. Но только я ни организацией финансирования, ни кредитованием никогда не занимался.

– Это не проблема, обучишься, – засмеялся Говор. – Петренко нужны свои проверенные люди, а мне – свои. Но ты знаешь, у меня график очень плотный, – Говор посмотрел на часы и встал, намекая, что разговор закончен.

– Хорошо. Спасибо тебе большое.

– Благодарить потом будешь. Сейчас дуй в кадры. Как оформишься – я думаю, это недельки две займет, – набери мне. А пока изучай соответствующую профессиональную литературу, читай инструкции.

Две недели пролетели быстро. Их Санька использовал с толком. Читал книги по кредитованию и организации финансирования. Подолгу гулял с дочерью. Встречался с друзьями. Одно обстоятельство, на которое раньше он не обращал внимания, привлекло его внимание в эти дни. Он с удивлением заметил, как много работает его Маруся, как долго она задерживается вечерами. Раньше он сам постоянно пропадал на деловых приемах и ужинах, и, когда возвращался домой ближе к полуночи, она встречала его в домашних тапочках и халате. Сейчас же выяснилось, что Маруся частенько задерживается часов до десяти–одиннадцати вечера. Санька с неудовольствием несколько раз поинтересовался о причинах ее задержек, но она объяснила это большим количеством работы. Теперь она сама ездила на их машине, чтобы не будить его рано по утрам.

Но вот настало время выхода на новую работу. Саньке, как и обещал его новый начальник, выделили небольшой кабинет, и он постепенно стал втягиваться в трудовой процесс. На первых порах ему непросто было разобраться в новом для него деле. До это-

го Санька никогда не занимался ничем подобным. Все было непривычно. В отличие от валютного рынка, здесь не требовалась быстрота реакции. Наоборот, нужно было внимательно изучать большой объем документации, тщательно готовить свое мотивированное суждение, согласовывать свои действия с другими управлениями банка – юристами, риск-менеджментом и кредитными подразделениями – и впоследствии отстаивать свое предложение на кредитном комитете и, если это требовалось, на правлении.

Предложений от сторонних бизнесменов к нему и другим менеджерам поступало довольно много. Но совсем немногие из них подходили под критерии кредитной политики банка. И дело у Саньки шло туго. Первые месяцы прошли безрезультатно. Экспертные подразделения отказывались согласовывать условия кредитов Санькиных клиентов. Однажды ему все же удалось выйти на кредитный комитет с маленькой и хорошо обеспеченной сделкой на пять миллионов, где ему устроили форменный разнос, указав на массу рисков, которые несла бы в себе подобная операция для банка, одобри они ее.

Но как-то раз на стол к Саньке легла заявка на организацию финансирования от фирмы «СНКУ». Заявка была адресована А.С. Говору, а он уже расписал ее непосредственно Саньке. Через день из приемной Говора Саньке позвонили и сообщили, что срок доклада по данной заявке – две недели. Санька обрадовался, что руководство о нем не забывает и что ему доверяют. В тот же день ему позвонил по телефону некий Артем Петрович Судакевич, который представился собственником компании. Первая встреча с ним по его просьбе прошла в ресторане.

Это был человек лет пятидесяти. На нем были темный дорогой костюм и темная водолазка. У него были большие сильные руки, которым, судя по всему, когда-то приходилось много трудиться. Сейчас же их отличительной чертой стал маникюр. Лицо Судакевича, с немного грубоватыми чертами, ничем особенным не выделялось. Короткие редкие волосы он зачесывал набок. Было видно, что это физически очень сильный человек. Артем Петрович был

вежлив, но говорил уверенно и кратко. От него исходила спокойная сила. После коротких приветствий Артем Петрович перешел к делу:

– Скажите, Александр Серафимович, сколько времени у вас обычно занимает принятие решения?

– Как правило, не менее двух месяцев, – ответил Санька.

– Это очень долго. Можно как-то ускорить? Говор сказал мне, что вы *свой* человек и на вас можно положиться.

Санька покраснел и сбивчиво заметил:

– Я попытаюсь, но многое зависит от ваших сотрудников. Им надо подготовить массу документов. Бизнес-план, строительную документацию, договора с подрядчиками…

Артем Петрович сделал нетерпеливый жест рукой и сказал:

– Я пришлю к вам сегодня вечером своего финансового директора. Он все подготовит. Скажите, что бы вы хотели услышать от меня.

– Не могли бы вы в двух словах рассказать о вашем бизнесе и о конкретном проекте, – предложил Санька.

Из рассказа Артема Петровича картина выходила довольно туманная. С его слов, имелось несколько направлений бизнеса, однако же не было понятно, сколько каждое из них приносило прибыли. По крайней мере, цифры, которые называл Артем Петрович, существенно отличались от позднее полученных данных официальной отчетности. Это происходило, как позже объяснил Саньке финансовый директор «СНКУ», из-за необходимости налоговой оптимизации, говоря проще, от желания не платить налогов. Как объяснил Саньке финансовый директор, теперь так «оптимизируют» абсолютно все. Как раз по этой причине финансовый холдинг включал в себя огромное количество разных, на первый взгляд, ненужных фирм и компаний, в чьих запутанных взаимосвязях разобраться, особенно новичку, было крайне сложно. Также сложно было разобраться в том, кто же является конечным бенефициаром холдинга. Имена владельцев терялись за названиями оффшорных фирм. Исходя из официальной документации получалось, что предоставлять запрашиваемые сто миллио-

нов долларов такой компании ни в коем случае не следует. К тому же, компания эта запрашивала средства на покупку современного оборудования, стоимость которого, как вскоре выяснил старательный Санька из независимых источников, была раза в два меньше суммы предполагавшегося кредита. Были и прочие, не столь существенные, замечания, как то: отсутствие поручительств собственника, выдача всего кредита единой суммой и прочее… В целом, навязываемая компанией «СНКУ» структура сделки наводила на мысль о том, что добрая половина запрашиваемых ста миллионов долларов могла легко раствориться в ее оффшорных структурах. В довершение всего не было понятно, из каких источников будет осуществляться погашение кредита. Обо всем этом Санька отправился докладывать Говору при личной беседе через неделю.

Говор был сама любезность. Предложил Саньке чаю и, после нескольких общих фраз о жизни, попросил перейти к делу.

С тяжелым сердцем Санька пункт за пунктом изложил все слабые стороны предлагаемой финансовой операции.

Говор внимательно выслушал его и, к удивлению Саньки, удовлетворенно сказал:

– Ну что ж. Все в целом совсем неплохо. Предложи-ка ты им следующее: кредит должен выдаваться частями под конкретные закупки. Гаситься он тоже должен частями, по мере поступающей прибыли. Насчет стоимости оборудования, боюсь, нам придется согласиться с их доводами о его уникальности…

– Но я же проверял… – встрял, было, Санька.

Тут Говор, как при первой встрече, совершил рукой круговое вращение по стенам кабинета и приложил ладонь к своему уху.

– Насчет поручительства собственника, это, видимо, тоже не получится. Они кредитуются в твоем бывшем банке, и те будут возражать против этого. Я уже проверял. Рассылай проект кредитного решения в экспертные подразделения. И выноси предложение на Кредитный комитет. Не волнуйся, все будет нормально, тебя поддержат. А где сделки, там и бонус.

Говор произнес все это спокойно и уверенно, и озадаченный Санька, выйдя из его кабинета, отправился исполнять полученные

инструкции. С мелкими замечаниями, предложенными Говором, компания «СНКУ» быстро согласилась. Но главное было не это. К Санькиному удивлению, экспертные подразделения прислали вполне сносные отзывы. Ранее он уже имел опыт взаимодействия с ними по несравненно более надежным проектам с открытого рынка, которые под разными несущественными предлогами все без исключения были отклонены. А теперь проект «СНКУ», который совершенно не отвечал кредитной политике, почему-то не встречал практически никакого противодействия. Еще удивительнее было то, что вскоре состоявшийся Кредитный комитет, который, по мнению Саньки, как любой орган, состоявший из банковских профессионалов, должен был, без сомнения, завернуть такой проект, после непродолжительной дискуссии полностью одобрил условия сделки. На следующий день проект получил одобрение правления.

Говор пригласил Саньку к себе и поздравил с первым одобренным проектом. Потом он подвел его к столу, взял ручку и написал на листе бумаги: «0,1%»; далее следовало четыре слова: «тебе после выдачи кредита». Санька покраснел, а Говор, быстро попрощавшись с ним, уткнулся в свои бумаги.

Из кабинета руководителя Санька вышел со смешанными чувствами. С одной стороны, ему было радостно, что наконец-то был утвержден его первый проект. Особенно важным это выглядело потому, что за все полгода своей работы Санька так и не смог одобрить ни одного кредита. А так ведь долго продолжаться не могло. Условия его трудового контракта предполагали, что клиентский менеджер должен находить клиентуру, одобрять и выдавать кредиты. Из этого складывался доход банка. Поэтому менеджер без одобренных проектов рано или поздно был обречен на увольнение. Последние месяцы, до появления клиента «СНКУ», Санька стал было вновь копаться в себе, принялся спрашивать себя, что же он делает не так. Мало работает? Нет, он пахал как вол. Может быть, он не обладает достаточной квалификацией? У него нет достаточного опыта в новом деле? Но когда он сравнивал себя с кол-

легами, то не замечал, чтобы они были профессиональнее его. Или же у него есть какие-то скрытые недруги? Но откуда им взяться?

И вот, наконец-то, свершилось! Первый проект одобрен. Теперь Санька почувствовал себя гораздо увереннее.

С другой же стороны, из написанного Говором на листе бумаги Санька понимал, что он теперь вовлечен в какие-то махинации руководства. И за их исполнение ему причитается достаточно большая, по его меркам, сумма, которая, между прочим, превышала его годовой фиксированный доход! Все говорило о том, что налицо именно темные махинации, ведь Говор даже не стал произносить вслух размер причитающихся Саньке денег, а лишь написал цифру на бумаге, чтобы никто не смог подслушать. Получалось, что деньги эти, если и будут когда-либо Санькой получены, то уж точно не в кассе банка, сотрудником которого он является. Все это крайне напоминало противозаконную деятельность. А противозаконная деятельность, как мы уже знаем, Саньку пугала.

Увы, теперь-то стало ясно, отчего сомнительный проект Говора, а теперь уже даже не Говора, а лично его, Саньки, так как это он, Санька, являлся менеджером этого проекта, встретил чуть ли не единодушное одобрение в банке. В то время как другие, несравненно более надежные проекты, которые предлагал Санька по своей инициативе, под разными предлогами не находили поддержки ни у руководителей экспертных подразделений, ни у членов кредитного комитета. Александру Серафимовичу, наконец-то, стал очевиден существующий в кулуарах этой организации механизм принятия решений. А именно: быстро получало одобрение то, что приносило ключевым высокопоставленным сотрудникам дополнительный доход, то есть взятки за выдачу кредитов. Кое-что перепадало и таким мелким рыбешкам, как Санька. Но ведь это все было противозаконно! И самое главное, что будет, если кредит компания «СНКУ» не вернет вовсе? А ведь такой поворот событий был очень даже возможен. Разница между стоимостью оборудования и получаемым кредитом, о чем никем из вовлеченных ответственных лиц почему-то не было сказано ни слова, со-

ставляла пятьдесят миллионов долларов – половину выдаваемых средств! Эта сумма совершенно не умещалась у Саньки в голове. И стало Александру Серафимовичу страшно. Пойти, отказаться от денег, предложенных ему Говором? Но как? Войти в кабинет руководителя и сказать, что эти деньги ему без надобности? Нет, деньги ему были нужны. Да и спасет ли Саньку отказ от денег в случае начала разбирательств? Скорее наоборот – только ухудшит его положение. Кто ему поверит, что он отказался от денег. А если и отказался, то почему не сообщил куда следует? А раз не сообщил, значит, являлся пособником. Да и у его непосредственного руководителя Говора подобный демарш подчиненного в лучшем случае мог вызвать к нему чувство настороженности. Вряд ли после такого события Говор стал бы поручать такому сотруднику «ответственные задания». Да и случатся ли эти разбирательства? Каковы именно могли быть разбирательства, и кем окажутся разбирающиеся, Санька себе толком не представлял. Но само неприятное слово «разбирательство» все вертелось и вертелось у него в голове до поздней ночи.

Для выдачи кредита оставалось теперь лишь подписать кредитное соглашение. Через несколько дней его подготовили, и Санька понес соглашение на подпись Говору. У того в приемной царило какое-то неуловимое напряжение. Сам Говор оказался занят, и Санька, оставив договор у секретарши, отправился к себе ждать. Но ни на следующий день, ни через неделю кредитное соглашение с подписью Говора к нему так и не вернулось. Санька только напрасно по нескольку раз в день справлялся, не подписано ли оно. А потом из газет узнал, что всесильного дядю Говора сняли с занимаемого поста и отправили на пенсию. Еще через пару недель сняли и его племянника.

На место же Говора пришел некто Бондаренко, с которым Санька, на свою беду, знаком не был. Естественно, что кредитное соглашение, несмотря на принятые коллегиальные решения, подписано так и не было. Самое интересное, что и компания «СНКУ», до того одолевавшая Саньку каждодневными звонками на предмет «когда

же мы получим обещанное финансирование?», с момента снятия дяди Говора тоже совершенно перестала беспокоиться о судьбе своего кредита. Из этого Саньке стало понятно, что цепочка личных интересов уходила далеко за пределы банка. Так Санькины опасения быть втянутым в коррупционную деятельность прошли сами собой, и на смену им наступили скучные, однообразные рабочие будни. Соответствующие официальным критериям банка, но никому лично не интересные проекты Саньки снова и снова заворачивали по разным надуманным причинам. Справедливости ради стоит заметить, что банк выдавал ссуды, не носящие личной заинтересованности. Это были, главным образом, кредиты крупным предприятиям с государственным участием, но к ним Санька, к его сожалению, отношения не имел.

Какое-то время все еще находившийся в плену остатка своих юношеских иллюзий Санька вполне допускал, что Бондаренко пришел в банк на борьбу с коррупцией. По крайней мере, именно так писали в газетах, в которых также всячески поносили Говора, как нечистого на руку, непрофессионального управленца. Прочитав это, Санька даже втайне понадеялся на то, что его, Александра Серафимовича Руденко, за его честность – он ведь не успел сделать ничего плохого – заметят, оценят и продвинут по службе. Этими своими мыслями он как-то и поделился с женой за ужином.

– Ты что, Санечка! Бондаренко этот – отпетый мошенник. На нем пробы ставить негде. На него несколько раз даже уголовное дело открывали, когда он в Министерстве имущества работал. Говор – просто ребенок по сравнению с ним. Просто об этом в газетах не пишут. Ведь именно Бондаренко или, вернее сказать, те люди, которые его ставили, и есть заказчики статей про Говора и его дядю, – просветила его жена.

– Может, ты знаешь, почему тогда коррупционера Говора убрали? – нахмурившись, спросил Санька.

– Результат конкурентной борьбы – вот и все. Одни жулики сменили других. Место это сладкое больно, а потому для многих интересное. А дядя Говора как назло на пенсию ушел. Хотя тоже не

сам ушел, разумеется: просто оттерли от кормушки. Всем же есть хочется. Слава богу, что уголовного дела хоть не открыли.

– А почему же не открыли, если за ним что-то есть?

– А кому это надо? Он же сам, по-доброму ушел. А уголовное дело – это конфликт. Дядя Говора, да и сам Говор тоже отреагировать могут. Заплатят кому надо в правоохранительных органах, глядишь, и на их гонителей точно такие дела откроются.

«И откуда она все это знает?» – думал Санька. Пусть многие вещи в рассуждениях Маруси носили умозрительный характер, но некоторые из них, как, например, информация о Бондаренко, были закрыты от широкой публики. Маруся занимала совсем небольшую должность, и круг ее общения не предполагал подобной осведомленности.

– Что ж они сразу кому надо не заплатили? Глядишь, и на своих местах бы остались, – язвительно поинтересовался Санька.

– Не знаю, Сань, пытались, наверное. Может, возможностей не хватило. Может, решили по-хорошему уйти и деньги на силовиков не палить. Тут тоже думать надо, что лучше – при деньгах остаться или спалить все в борьбе с неизвестным исходом.

Санька отставил грязную тарелку и поднялся из-за стола. Он подошел к окну и уставился невидящим взглядом на улицу. Толстые пальцы его нервно барабанили по оконной раме. Потом он пробурчал, обращаясь не к Марусе – чем она могла ему помочь? – а к кому-то невидимому:

– Ладно, черт с ними, с Говорами и с их дядями. Мне-то что теперь делать?

Маруся ответила:

– Иди, упади в ноги Бондаренко, кланяйся ему, пока не поздно. В «дело» он тебя, скорее всего, не возьмет – ты не его человек, – но на вторых ролях, может быть, оставит. Должность твоя, сам знаешь, не особенно большая теперь, на нее не так много претендентов.

– Хороша перспектива, нечего сказать, – проворчал Санька, которому было обидно получать от жены унизительные советы.

«Вот, значит, какого она обо мне мнения теперь! Какое место мне в жизни предписывает!» – подумал Александр Серафимович.

Особенно был неприятен ему покровительственный тон, в котором жена с ним с недавних пор взяла манеру говорить. В нем вполне отчетливо проступали уничижительные нотки. Да и вообще, ему почему-то показалось, что она знает еще что-то важное, но не считает нужным это с мужем обсуждать. Но если разобраться, то выходило, что супруги зарабатывали теперь почти одинаково. «А раз так, то с чего ей оказывать мне уважение?» – подумал Санька. Помолчав немного, он тяжело поднялся и с тоской на сердце отправился спать. А Маруся еще долго беспечно щебетала с кем-то по телефону.

Санька долго ворочался, а потом почувствовал тупую боль в щеке. Зубы у него всегда были отменные, но и те подвели! Он подождал немного, но боль только усиливалась. Санька принял сильное болеутоляющее и только после этого погрузился в сон. На следующее утро он отправился к своему знакомому дантисту. Они были друзьями детства. Тот радушно встретил товарища в своем собственном кабинете. Глядя на него, в ожидании, пока начнет действовать анестезия, Санька в первый раз с завистью подумал, как хорошо иметь пусть небольшое, зато собственное дело, откуда никто не может тебя уволить. Несколько дней после этого Санька ломал голову, какое бы свое дело он мог открыть. Но ни одна стоящая идея его голову так и не посетила.

На работе рядом с ним стали появляться новые менеджеры, лояльные к новому руководству. Они рьяно взялись за дело. Сам Санька сделал несколько вялых попыток влиться в новый коллектив. Но к нему, как к человеку Говора, у новой команды доверия не возникало. Его даже на всякий случай сторонились.

Интуиция подсказывала Саньке, что ему не следует ходить к Бондаренко на прием. Но все же он, следуя совету жены, попытался поговорить с новым начальником по душам. Из этого, однако, ничего дельного не получилось. Для начала его около часа продержали в приемной. Саму встречу новый руководитель суховато начал с того, что поинтересовался количеством успешных проектов, реализованных Санькой. Их число не впечатляло. Потом он,

параллельно подписывая какие-то бумаги, задал несколько формальных профессиональных вопросов. Санька ответил на них, и в кабинете повисла гнетущая тишина. Тогда, нервно поерзав на стуле, Санька рискнул и напрямую спросил, сможет ли он влиться в новую команду. Бондаренко удивленно пожал плечами и, не отрываясь от чтения какого-то документа, ответил дежурной фразой: «Как работать будете. У нас все равны». Обсуждать было больше нечего. Вся встреча заняла не более пяти минут. Из его кабинета Санька вышел как оплеванный.

«Зачем ходил? Уволят, так и черт с ним, а так еще напоследок унижений натерпелся!» – ругал себя Александр Серафимович. Впервые совет жены не дал положительного результата. После этого случая он дал себе слово во всем следовать только своему внутреннему голосу и не доверять другим.

Санька чувствовал, что остается все в большей изоляции. Еще около года его никто не трогал. Видимо, кому-то надо было отвечать на запросы клиентов, которые не представляли интереса для банка. А может быть, о нем просто забыли? Но Санька твердо знал, что долго ему не протянуть. И потому, когда его однажды пригласили в отдел кадров, он даже испытал что-то сродни облегчению. Ожидание чего-то пугающего, как это часто бывает, оказалось страшнее самого события.

В фойе первого этажа Санька столкнулся с могущественным председателем правления банка и с удивлением отметил, что не испытал обычного для таких ситуаций благоговейного трепета. Санька больше не работал в этой организации, и власть ее шефа на него уже не распространялась, теперь этот чужой босс был Саньке Руденко не страшен.

Но коварная судьба приготовила для Саньки еще кое-какие неприятные сюрпризы, к которым он готов не был.

Маруся восприняла новость о его увольнении на удивление спокойно, что само по себе было достаточно странно, так как теперь материальный вопрос, к которому она по своей природе была очень чувствительна, вставал перед семьей с новой силой. Теперь

им снова стало не до любимых субботних поездок по магазинам и не до покупок новых машин. С ипотекой бы расплатиться – и то проблема. К Санькиному удивлению, Маруся лишь безучастно, как будто речь шла не о ее муже, а о ком-то совсем постороннем, отметила:

– Не смог ты, значит, Бондаренко уговорить…

Прошло несколько дней. Как-то раз Маруся задержалась на работе довольно долго. Было уже около одиннадцати часов, когда она позвонила в дверь. Погруженный в свои мрачные мысли о трудоустройстве, Санька машинально спросил, где она была. На что получил ответ, который застал его врасплох.

– Знаешь что, Саня, я должна с тобой кое о чем поговорить, – сказала Маруся, увернувшись от традиционного вечернего поцелуя мужа.

– Поговорить? О чем? – пробасил недоумевающий Санька.

– Лучше пойдем на кухню, а то Оксанку разбудим. Я чаю хочу выпить, умираю от жажды.

– Хорошо, чай как раз готов.

Они сели за маленьким кухонным столиком и налили по чашке чая – это была их традиция перед сном. Маруся отхлебнула первый глоток и сказала:

– Знаешь, Саня, я тут вот что подумала: нам следует развестись.

Голос жены звучал совершенно буднично, как будто она предлагала обсудить их воскресную поездку по магазинам. И Санька, не поверив своим ушам, переспросил:

– Что, что? Развестись?

– Ну да, развестись. Ты как на это смотришь?

– Подожди, подожди, я что-то не понимаю. Так ты хочешь развестись? Что бы мы с тобой развелись? – Санька от неожиданности никак не мог взять в толк, что ему говорили.

– Ну да, Саня. Развестись. Какой же ты у меня тугодум стал. Все только с третьего раза понимаешь.

– А почему? – Санька выпучил на жену свои слегка наивные серые глаза.

– Я встретила другого.

– Кого это еще? – недоумевал Санька.

– Ну, какое это имеет значение?

– Нет, имеет. Скажи.

– Ну, хорошо. Это Миша, двоюродный брат Говора.

При упоминании фамилии Говора мысли очень быстро завертелись в голове у Саньки. Теперь ему открылись истоки прозорливости его Маруси. Как же он раньше не догадывался, в чем тут дело? Вот откуда, получается, она была так хорошо обо всем осведомлена. Постой, постой. Значит, эта связь ее черт знает как долго длится уже. Но как маскировалась умело – Санька даже ничего не замечал. Уууу, змеюка какая!

– И давно это вы? – поинтересовался обманутый муж.

– Ну, какая разница, Сань.

– Нет, все-таки.

– Около года, может, больше.

– Врешь, это дольше продолжается.

– Ну, может, и дольше, Саня. Но только какое это значение теперь-то имеет?

– Имеет, и еще какое! – подперев голову руками и мрачно уставившись перед собой, забубнил обманутый муж. – То есть, как меня из начальников поперли, так я тебе тут же не годен стал. Раньше ты его в любовниках держала, а тут собралась замуж за него, чтобы обеспечивал, значит. Думаешь, что от меня толку больше не будет? Да? Меня, значит, на помойку…

– Фу, какие ты пакости говоришь. Не серди меня лучше, Саня.

– А меня, получается, на свалку истории, – Санька любил пафосные фразы и даже в такой момент не мог от них удержаться.

– Ладно, Саня, хватит тебе ересь нести. Тебе одному сейчас даже легче будет. Ну, подумай сам. Тебе сейчас семью все равно не прокормить.

– Ну ладно, пожалеешь еще, – попытался изобразить угрозу в своих глазах Санька и сжал для большей убедительности свои огромные кулаки.

– Саня, давай только без твоего вечного пафоса. Поговорим лучше о деле.

Но Санька молча сопел. Тогда Маруся, уверенная в безвредности своего мужа, которого, как она не без оснований полагала, за годы совместной жизни изучила вдоль и поперек, а после его второго увольнения окончательно убедилась в его полной никчемности, спокойно продолжила:

– Я предлагаю расстаться по-хорошему. Квартиру, естественно, мне с дочкой. Машину можешь взять себе. Накоплений все равно никаких нет.

– А ипотеку кто выплачивать будет? – на удивление быстро втянулся в предложенное ему конструктивное русло разговора Санька.

– Саня, ну, сколько там осталось? Сущие копейки.

– Как ты рассуждать стала? Копейки! Понятно, новый муж тебя обеспечивает! Нет. Не пойдет. Тогда и кредит на себя перевешивай.

– Какой ты у меня меркантильный все-таки. Всегда таким был. Ладно, хорошо, кредит Миша погасит, я думаю. С таким-то папой для него это не проблема. Да он и сам уже ого-го какие вершины берет. Значит, договорились? Согласен?

– Согласен, но чтоб с дочерью я видеться мог, когда захочу, – пробурчал ее муж.

– Конечно, Санечка, когда захочешь. Хотя после твоей скупости и стоило бы тебя проучить.

– Змеюка, – пробурчал Санька и вышел из кухни. Он даже не заметил, как в пылу дискуссии о разделе имущества быстро согласился на сам развод.

Ночь Александр Серафимович демонстративно провел на неудобном диване в гостиной, хотя его туда никто не выгонял. Проснулся он поздно. Маруся уже ушла на работу. Дочь была в детском саду, куда ее каждый день отводила теща. Санька неторопливо собрал свои вещи, чтобы ехать к родителям. Перед тем, как навсегда покинуть их с Марусей квартиру, он медленно обошел все комнаты, в которых был когда-то счастлив, но не отдавал себе в том отчета. Потом он сел на диван в гостиной. Санька смотрел на обои, гардины, люстру, светильники, кресла, ковер. И любой предмет напоминал ему о том, как они с Марусей, строя совместные

планы на будущее, долго и с любовью вместе ездили по магазинам и по крупицам собирали свой домашний очаг.

Странным образом сейчас к Александру Серафимовичу все больше приходило понимание, что его любовь к Марусе иссякла тоже и что произошло это как-то незаметно. И переживал Санька теперь не от того, что не будет больше Марусю видеть – ночью он тщетно искал в себе следы хоть какой-то ревности, но ревности не было, – а больше всего тревожило то, что весь привычный Санькин жизненный уклад непоправимо менялся. Что рушилась когда-то выстроенная система ценностей, в которой видел себя Санька добропорядочным семьянином, уверенно поднимающимся по карьерной лестнице человеком.

Скоро ему должно было исполниться тридцать семь. И кем он стал? И с чем пришел к этому возрасту? Без семьи. Пусть Маруся не обманет и разрешит видеться с дочерью, но разве можно это сравнить с тем, когда живешь вместе? Но самое главное – он безработный. Накоплений – ноль. Его старую малютку «Фабию» и машиной-то в приличном обществе назвать будет стыдно, хотя и она-то теперь для него была за счастье. Ни дома, ни квартиры. Жить снова у родителей-пенсионеров? Там место для него всегда найдется. Но хорошо ли это для взрослого мужчины? Нет, не таким Санька видел свое будущее в юности. Он мечтал, что станет или министром, или генералом, или еще какой-нибудь важной персоной, самоотверженно отдающей всю себя служению Отечеству. А Отечество в благодарность наградит эту персону солидным денежным достатком, добротными квартирами, большими загородными домами, дорогими машинами с водителями, а, может быть, и самолетами, которые поделит персона с многочисленной своей семьей.

До недавнего времени Александр Серафимович успешно продвигался именно по такой траектории, которая в один прекрасный день – кто знает? – могла бы взять да и вывести его на запланированные рубежи. «Отчего же все так прискорбно получилось?» – вновь и вновь вертелся в его голове неприятный вопрос. Куда подевались все члены правления, которые к нему хорошо относились и которые продвигали его по службе? Их боль-

ше не было. Его прямой начальник Виктюк устроился в какой-то небольшой банк на незначительную должность советника, где, по всей видимости, и намеревался дотянуть до пенсионного возраста. Говорили, что от тоски и обиды он злоупотребляет спиртным. Некоторые превратились в частных инвесторов средней руки. Другие, во избежание проблем с новой властью, подались за границу, главным образом, в Западную Европу, переезд в которую на Санькиной родине традиционно считался безусловным мерилом жизненного успеха. Никому из них до Саньки больше не было дела. А их теплые места заняли другие, незнакомые ему люди, которые привели своих «санек». Почему же получилось так, что не осталось у Александра Серафимовича высокопоставленных знакомых? Были же они у других! Что он делал не так? Может быть, работал не с теми? Или же это не что иное, как неудачное стечение обстоятельств? Совсем недавно ему сопутствовала удача. Почему же она отвернулась от него сейчас? В чем он провинился?

Еще каких-нибудь несколько лет назад стол Саньки под Новый Год был завален поздравлениями, а кабинет не вмещал многочисленных дорогих подарков. В прошедший же Новый Год он не насчитал и десяти телефонных звонков. Почему испарились все они, которые раньше так искренне и настойчиво искали его расположения? Вероятно, они, так же, как и его бывшие начальники, продолжали где-то существовать, кто-то лучше, кто-то хуже. Просто Санька Руденко их не интересовал больше. Былые его возможности остались в прошлом, а с ними ушли и заискивавшие перед ним лица.

Санька осмотрел в зеркале свою грузную фигуру – он сильно прибавил в весе – и с грустью вспомнил о том, что на него довольно давно перестали заглядываться женщины. Раньше, будь то на улице, в ресторане или на дискотеке, он с привычным удовлетворением ловил на себе заинтересованные взгляды представительниц прекрасного пола. Но уже не первый год они проходили рядом с ним совершенно безучастно, как проходят мимо фонарного столба или любого другого неодушевленного предмета. Санька по старой привычке порой пытался поймать их взгляд, разглядеть

там желанный отблеск былого интереса, приглашения к флирту, но находил в их глазах лишь холодное безразличие к своей персоне – неудачнику средних лет. Его посетила мысль, что если бы у него были деньги, положение в обществе, то он смог бы купить на них пусть и не настоящее сексуальное влечение, но хотя бы уважение и готовность отправиться с ним в постель. Ах, ничего подобного у него не было, а теперь не стало и семьи. Санька тяжело вздохнул и стал переносить чемоданы в машину.

Мама встретила сына-неудачника со слезами на глазах, вздохами и ахами сожаления, от которых Саньке стало только больнее. Отец, напротив, отнесся ко всему на удивление философски и не выказал особенной тревоги. Старик почему-то был уверен, что у сына все наладится. С высоты солидного возраста и жизненного опыта тридцать семь Санькиных лет отцу казались чуть ли не юношеским возрастом. Саньку такой подход ободрил.

Дальше начались тоскливые будни. Дни напролет обзванивал Александр Серафимович агентства по подбору кадров и, как только становилось возможно, встречался с потенциальными работодателями, но шли долгие недели, а ощутимых результатов видно не было.

Как-то раз к ним в гости заехала Санькина сестра Ирина, молодая красивая женщина, которой еще не было и тридцати. По устоявшемуся в семье порядку вещей Санька, сколько себя помнил, всегда являлся для младшей сестры авторитетом. А когда он пошел в гору по карьерной лестнице, то Ирина стала относиться к нему даже с некоторым пиететом. Особенно сильное впечатление оказывал на сестру Санькин современный офис, куда она в силу своей природной любознательности несколько раз приходила «просто так, повидать брата».

Самому Саньке нравилось вещать, быть в центре внимания, и в этом смысле в лице своей младшей сестры он находил благодарную аудиторию. Ирина с замиранием сердца слушала рассказы своего брата, в которых, что скрывать, присутствовала большая

доля преувеличения и даже вымысла о его бесконечных поездках по разным частям света, рафинированных приемах в лучших гостиницах мира и деловых ужинах, на которых за бокалом хорошего Шабли заключаются многомиллиардные сделки. Ей тоже очень хотелось пожить такой же интересной, яркой и сытой жизнью.

Ирина в то время, получив литературное образование, трудилась преподавателем на одной из кафедр своего же института. Но Санькина сестра была слишком амбициозна, чтобы, как она выражалась, «и дальше гробить свою жизнь среди пыльных теток за ничтожные гроши». «Хорошие женихи» в преподавательской среде литературного института Ирине не встречались. И, несмотря на протесты родителей, она бросила опостылевшую ей работу и пошла в ресторанные администраторы. И вот местом трудовой деятельности Ирины сделались дорогие заведения, где все было красиво и куда, самое главное, приходили богатые, хорошо одетые господа.

Незамысловатые обязанности администраторши смекалистой девушке с высшим образованием оказались вполне по плечу. Находясь за конторкой возле дверей ресторана, Ирина теперь должна была с милой улыбкой на красивом лице встречать всех его посетителей, провожать гостей до заказанного ими столика, предлагать им меню и желать приятного аппетита. Дальше посетителями занимались официанты. Также в течение дня от Ирины требовалось бархатным голосом по телефону принимать заказы столиков на вечер и тут же отмечать их в специальной книге. Когда посетители покидали ресторан, администраторша, снова обворожительно улыбаясь, интересовалась, все ли «дорогим гостям» понравилось. И, наконец, Ирина должна была быть одета в модный деловой костюм. Надо заметить, что это и был ее единственный стоящий костюм, второго она в те годы не смогла бы себе позволить.

И вот, в один прекрасный день счастье улыбнулось Ирине. В погоне за чем-то лучшим она попала на собеседование к начинающему, но перспективному ресторатору. Ресторатор этот открывал свое третье заведение и всех сотрудников пока еще продолжал отбирать лично. Закрутился бурный роман. Дела кавалера Ирины шли все лучше и лучше. Его рестораны появлялись, как гри-

бы после дождя, по всему городу. Совсем скоро ресторатор сделал Ирине предложение. После свадьбы Ирина исчезла из поля зрения старых друзей и родственников, и Санька не был среди них исключением. А начавшиеся у него трудности по работе не располагали и самого Александра Серафимовича искать встреч с Ириной. Поэтому брат и сестра ограничивались, в лучшем случае, телефонными поздравлениями по праздникам. Ирина переехала жить в большой дом своего мужа, отстроенный в престижном месте. Несколько первых недель совместной жизни молодые пропадали на лучших мировых курортах, откуда Ирина приехала в положении и вскоре родила двойню. После, как слышал Санька, сестра погрузилась в уход за детьми и заботу о муже, который неустанно работал, преумножая семейное благосостояние.

И вот, по прошествии нескольких лет Санька снова увидел свою сестру в их старой родительской квартире, которая больше не казалась им большой, как когда-то в детстве, и где все уже порядком обветшало. Ирина была с иголочки одета, на лице ее был ровный загар солярия, а на красивом указательном пальце непринужденно болтался брелок «Мерседеса», который сестра, как бы случайно, небрежно бросила в самый центр кухонного стола. Родители были на даче, брат и сестра оказались предоставлены сами себе.

– Ну, давай, рассказывай, – энергично прощебетала Ирина, и в ее глазах зажегся знакомый Саньке блеск любопытства.

– Знаешь, рассказывать особенно нечего, – вяло отмахнулся Санька, скучные будни которого досадным образом отличались от рафинированного стиля жизни его сестры.

– Ну, давай, давай, давай, – бурно настаивала она. Но, видя Санькино молчание, стала спрашивать сама:

– Я слышала, ты развелся?

– Было дело, – пробурчал брат.

– Ну, ничего, не печалься, новую себе найдешь. Какие твои годы. А где сейчас работаешь? Уже, наверное, совсем большим человеком стал? – тараторила Ирина.

– Нигде не работаю.

– То есть как это нигде? – сестра неодобрительно посмотрела на брата. В комнате повисло неловкое молчание.

– Вот так, шефа моего уволили и меня вместе с ним, а потом в другом месте то же самое произошло, – смущенно промямлил Санька.

– Подожди, я что-то не понимаю, а тебя-то почему? Ты же классный специалист, – в ее глазах Санька с сожалением прочитал отражение своего падения с пьедестала величия и почета.

– Да не это сейчас главное, – безвольно махнул рукой Санька.

– А что же тогда главное? – в ее тоне сквозило недоверие и разочарование.

– Быть лояльным руководству, – процедил Санька сквозь зубы.

– Так будь им, – запросто рекомендовала ему сестра, хмуря брови.

Санька со смешанным чувством удивления и раздражения посмотрел на Ирину. Он не мог в это поверить. До чего он дожил? Его младшая сестра давала ему советы так, как будто у нее за плечами имелся большой личный опыт руководящей работы, а не одна лишь непродолжительная преподавательская карьера.

– Видишь ли… – Санька уже хотел пуститься в долгие описания причин печальных обстоятельств того, как он в расцвете лет оказался за бортом жизни, но, посмотрев на сестру, осекся на полуслове и снова безвольно махнул рукой. Разве можно ей было что-то объяснить? Ей, обеспеченной даме, совершенно незачем было вникать во все хитросплетения пройденных им за много лет трудностей, которые не имели к ней никакого отношения. Подобного рода повествование навеяло бы на нее скуку. Сестра приехала совсем не за этим. Ей просто хотелось похвастаться своими достижениями. Санька и сам был такой. В некотором смысле брат с сестрой были два сапога пара.

– Расскажи лучше о себе, – предложил Санька после небольшой паузы.

Лицо Ирины снова расплылось в лучезарной улыбке, и она непринужденно защебетала:

– У нас все хорошо. Детишки подрастают. Им уже два годика. Такие прямо умнички, знаешь. Я им купила кубики с латинскими

буквами, так они уже на английском сами слова складывают! А из пластилина скульптурки какие лепят – Роден, да и только! Наверное, они впитали в себя всю европейскую культуру. Мы же исколесили всю Европу! Париж, Ницца, Баден-Баден, Рим, Вена. Видно, правду говорят, что дети еще в материнской утробе учиться начинают. И если им создать правильные условия, то результат не замедлит себя проявить. А мы для детей все делаем! Мы, конечно, всегда только в лучших гостиницах останавливаемся. Детям ведь нужен комфорт. Ты же понимаешь. Все знакомые говорят, что они у нас гениальные. Такие скульптурки лепят, такие слова на английском складывают, ты бы видел! Заехал бы как-нибудь посмотреть.

– Я не против. Я сейчас как раз ничем не занят, – печально сказал Санька, ожидая услышать приглашение на конкретную дату, которого, однако, не последовало.

Вместо этого сестра, таинственно приглушив голос и немного выкатив для большей выразительности свои большие красивые глаза, выпалила:

– А еще у меня теперь свой бизнес!

– Это какой же? – тяжело вздохнул Санька. Нескончаемый перечень достижений сестры добивал его. Получалось, что Ирина – не только жена богатого мужа, любящая мать, воспитывающая гениальных детей, но у нее есть еще и личные достижения в бизнесе.

– У меня теперь свой салон красоты и духовного оздоровления в самом центре города!

– Да что ты? И как долго он существует? – язвительно заметил Санька, которого собственные неудачи, похоже, привели к застою в желчном пузыре. «Погоди, сейчас мы посмотрим, в чем ты там еще преуспела! Тут надобно поподробнее разобраться», – думал уязвленный старший брат.

– Да, свой салон красоты и духовного оздоровления. Мы открыли его на паях с подругами около двух лет назад, – не чувствуя сарказма в словах брата, с энтузиазмом тараторила Ирина.

– Сколько же метров квадратных занимает площадь помещения вашего салона?

– Метров? Бог его знает, я не помню точно, но бизнес идет, – все еще не чувствуя подвоха и ожидая похвалу и всяческое восхищение в свой адрес, трещала Ирина.

– А сколько составляют арендные платежи? – упорствовал брат, на лице которого застыла маска утомления, какая бывает у преподавателя, принимающего экзамен у нерадивого ученика.

– Какие еще платежи? За свет, за газ, что ли? – красивые губы Ирины капризно выпятились вперед.

– Я говорю о стоимости аренды помещения, – уточнил Санька.

– Я что-то не помню. А! Вспомнила, помещение у нас в собственности. Поэтому никаких арендных платежей, – радостно сообщила сестра.

– И сколько же оно стоило?

– Я сейчас не помню, что-то около миллиона.

– И откуда же взялись эти деньги?

– Их нам наши мужья дали. Да какая разница? – в голосе Ирины послышалась досада. Она ожидала от брата выражения восторгов своим достижениям. А тот продолжал мучить ее какими-то скучными и не до конца понятными ей вопросами.

– И что, прибыльный ваш салон? Какая у него ежемесячная выручка? – упорствовал брат.

– Ну, – туманно ответила Ирина, – я же говорю: идет бизнес.

Тон ее неожиданно приобрел высокомерность, которая была призвана положить конец бессмысленным расспросам о неинтересных ей «деталях». Санька слышал, что в моду теперь вошла практика, когда богатые мужья-бизнесмены, проводившие всю жизнь на работе, покупали своим женам небольшой бизнес, чтобы хоть чем-то их занять. Бизнес этот, за редким исключением, становился убыточным, зато поглощал неуемную энергию их молодых спутниц.

– Давай поговорим лучше о тебе. Ты-то сам что собираешься делать? – спросила сестра нахмурившись.

Санька замялся. На эту тему говорить было тяжело.

– Ну, – он подпер языком щеку и, подняв брови, посмотрел в потолок.

– А знаешь, я подумала, – не дожидаясь его ответа, с энтузиазмом заговорила Ирина, – почему бы тебе не заняться бизнесом?

– Для этого нужны деньги или хотя бы идеи, – замялся Санька. О себе ему, такому умному и рассудительному, говорить было гораздо сложнее.

– А что идеи? Открой хотя бы ресторан или салон красоты, как я. А что до денег, так заложи квартиру и возьми под нее кредит, – безапелляционным тоном Ирина учила жизни брата-неудачника.

– А что будет, если ресторан или салон красоты и духовного, как его там, совершенствования обанкротится? Выезжать из квартиры? Бомжевать вместе с престарелыми родителями? – мрачновато поинтересовался Санька, помимо воли втягиваясь в дурацкий разговор.

– То есть как это: обанкротится? – с искренним изумлением спросила сестра. По всей видимости, настоящие мужчины в ее понимании никогда не банкротились. Также ей было невдомек, что по статистике подавляющее большинство бизнес-начинаний оканчиваются крахом. Как было ей, если разобраться, довольно безразлично, прибыльный бизнес у нее самой или нет. Это ведь в любом случае никак не влияло на уровень ее жизни, которую обеспечивал муж.

«И почему это она решила, что может давать мне свои идиотские советы? – в раздражении думал Санька. – Только потому, что у нее в результате удачного замужества теперь больше денег? Понятно же, что от этого она не стала больше разбираться ни в бизнесе, ни в финансах, ни в категориях управления. Видно, гусь свинье не товарищ».

Ему хотелось все это сказать вслух, но он понимал, что это будет звучать грубо и что тогда они просто поссорятся.

– Да так, к слову пришлось, – грустно пробурчал Санька.

Брат и сестра расстались, сильно досадуя друг на друга. И виделись они с тех пор совсем редко.

Вечером приехали родители и за ужином сели смотреть телевизор. В «Новостях» рассказывали о поимке какого-то проворовавшегося чиновника. Санькина мать, как обычно в подобных случаях, высказывала бурное одобрение. Санька тоже испытал радост-

ные чувства из-за того, что какого-то богача посадили за решетку. И даже пробурчал что-то вроде:

– И поделом ему будет!

На что отец неожиданно сказал:

– Не завидуй другим, Саня.

– Я? Да я… Да, причем здесь?.. Да ведь это совсем не то. Тут ведь за страну обидно… – забубнил Санька.

– И что же это тебе за нее вдруг обидно стало? Личных перспектив поубавилось? – спокойно поинтересовался отец.

– Причем здесь это, пап?

– При том, что раньше, пока ты в гору шел, тебя общегосударственные проблемы почему-то не беспокоили. Я, по крайней мере, не припоминаю, чтобы ты о них говорил.

– Я тебе, пап, про коррупцию говорю. Если бы у нас другое правительство было, то и жизнь у народа другая совсем бы была, – кипятился Санька.

– Откуда ж правительству другому взяться, Саша? Оно же часть народа. Какой народ, такая и власть. Я вот тут, кстати сказать, заметил, что чем больше человек властью в стране недоволен, тем больше, значит, завидует ей. И не дай бог, такой сам окажется там, наверху, еще хуже нынешних куролесить станет.

Санька насупился. Из замечаний отца выходило, что это он, Санька, теперь завидует другим. Но отца было не переспорить, и потому, молча допив вечерний чай, Санька в раздражении отправился спать. Перед тем, как забыться беспокойным сном, Санька подумал, что пока у него все было хорошо в главном, то есть на работе, остальное тоже почему-то ладилось. Была семья. Было постоянно хорошее расположение духа, была снисходительность к ошибкам других и нечувствительность к мелким невзгодам. Но вот стоило Александру Серафимовичу остаться без работы, как все остальное в его жизни тут же пошло кувырком. Его многое стало раздражать. А окружающие, будто сговорившись, принялись его поучать. Он досадовал на весь мир, и мир платил ему той же монетой.

Проходили недели, а Санька продолжал сидеть дома. Не то, чтобы у него совсем не было предложений. За кое-какие вакансии он смог бы побороться. Но та зарплата, что им соответствовала, подразумевала существенное понижение уровня жизни, которую он вел до недавнего времени. Да и дальнейшие карьерные перспективы выглядели совсем неважно. А это честолюбивого Саньку никак не устраивало. Тем временем его небольшие сбережения таяли на глазах, и далеко не за горами, казалось, был день, когда Санька, как это ни прискорбно, вынужден будет согласиться на то, что есть.

Но однажды бесцельно слонявшемуся по городу Саньке довелось встретить своего институтского приятеля. Они не были близкими друзьями. Так, пару раз прогуливая лекции, пили пиво вместе, порой встречались в одной компании, да еще кто-то у кого-то списывал лекции. И эта совершенно случайная встреча, как ни странно, определила всю дальнейшую Санькину судьбу.

Остановившийся на узкой улочке черный «Мерседес» посигналил, и Санька повернул голову: с заднего сидения энергично махал рукой его институтский приятель Артур Бойко. Бывшие однокурсники отправились в ресторан выпить по рюмочке.

– Чем сейчас занимаешься? – поинтересовался Артур, когда они расположились за столиком.

– Работу ищу.

– И охота тебе опять тянуть эту лямку? Слушать идиотские указания других?

– А что делать? Жить надо на что-то, – развел руками Санька.

– Не прибедняйся, Саня! Ты же на такой должности в таком месте находился, через тебя такие денежные потоки проходили! Ты же обеспеченным человеком должен быть, – шутливо погрозил ему пальцем бывший сокурсник. Было видно, что он не верит Саньке.

– Жил, конечно, совсем неплохо. Отдыхали за границей по три раза в год, но миллионером на мою зарплату не станешь…

– А при чем здесь зарплата? Там же все только и заняты «распиливанием» государственных денег, – перебил его институтский товарищ.

– Не знаю. Я к этому отношения не имел.

– Как это? – недоуменно смотрел на него приятель.

– Вот так, – с некоторым вызовом ответил Санька.

– А почему? – пытливо поинтересовался Артур.

– Считал, что воровать – нехорошо. Из-за этого и не мог, – мрачновато выдавил Санька и, подумав немного, добавил: – да и предложений-то особых не было.

– Может, ты и прав. Я полагаю, что тем, что тебе не свойственно, лучше не заниматься. Только хуже будет. Начнешь «распиливать», тебя подставят и на пару лет закроют. А другие рядом будут пилить, и им хоть бы что, – пофилософствовал Артур, а потом, после паузы, словно раздумывая, сказать еще кое-что или нет, повторил еще раз Санькин ответ:

– Значит, не мог, говоришь.

– Нет, не мог, – кивнул Санька.

Артур внимательно посмотрел еще раз на Саньку и, видимо, решив говорить начистоту, продолжил:

– Знаешь, Саня, я тебе признаюсь, я тоже раньше думал, что воровать нехорошо. Но вот какая история со мной приключилась, ты послушай. Работал я на Центрмясокомбинате имени Довженко. Начинал после института с младшего специалиста в бухгалтерии. Потом перевёлся в отдел продаж. И постепенно дослужился до коммерческого директора. Предприятие было государственное, сейчас оно уже не существует, но об этом потом. Директор, Бортко Анатолий Степанович, – честнейший человек. Безупречная репутация. Богатырь, косая сажень в плечах. Всех своих подчиненных всегда учил, что воровать у нас – ни-ни. Я ему верил, как отцу родному. И предприятие как свое родное любил.

Так вот, когда я коммерческим директором стал, то в моем подчинении все денежные потоки компании оказались: отдел продаж, отдел закупок сырья, вся логистика. Я сам решал, с кем и на каких условиях подписывать договора о поставках мяса, специй, тары. А Центрмясокомбинат, прикинь на минутку, держал двадцать процентов рынка колбасных изделий страны. Объем годовых продаж был колоссальный. Бонусы, понятное дело, мне платили. Но на

это, сам понимаешь, по-настоящему не разбогатеешь. А только я себе лишнего в карман не клал. Планировал свою судьбу вперед на годы честной работы, так сказать. До пенсии собирался там работать. Ипотеку взял, дом большой себе построил и уже вошел во вкус прогнозируемой, сытой, хоть и без излишеств, жизни.

Но тут собирает нас, членов управляющего комитета, наш начальник, Бортко Анатолий Степанович. И что я слышу? Нам сообщают, что конкуренция на рынке растет. И почему-то вдруг выясняется, что нам никак не выжить без объединения с другими производителями. Нет, я не спорю – заявление в теории довольно правильное, но на практике совсем не бесспорное. Потому как все упирается в один незатейливый вопрос: кто кого поглощает? Или же того проще: что от такого объединения светит лично тебе? Ведь если поглощают тебя, то тебе, вернее всего, скорая и прямая дорога на улицу. Из довольно путаной речи Бортко, отца родного, далее выясняется, что поглощают-то как раз нас. А на роль нашего партнера по объединению – так Бортко фарисейски называл процесс поглощения, чтобы лишний раз не возмущать менеджерский состав, – выясняется, лучше всего подходит одно из предприятий холдинга СНКУ, собственником которого является некий Судакевич, полукриминальный персонаж, сколотивший свое громадное состояние на приватизации государственного имущества. За ним тянется долгий след нераскрытых преступлений и рейдерских захватов.

– Я его знаю, – встрял Санька, обрадованный тем, что может показать свою значимость этим крупным знакомством.

– Откуда? – поинтересовался Артур.

– Ему банк, в котором я работал последние годы, собирался предоставить кредит на закупку оборудования.

– И что, предоставили?

– Нет, дело сорвалось из-за смены команды управленцев.

– Ну, ничего, еще выдадут. Он пути для откатов найдет. Либо в другом месте кредит получит. Но вернемся к моей истории.

Так вот. Я и стал прикидывать, что же это получается? Нас поглощают? А что будет со мной? Бортко, правда, тут же всех своих членов управляющего комитета заверил, и меня в том числе, что

в новой объединенной компании всем место найдется. Но через своего хорошего знакомого в службе безопасности, который за «прослушку» отвечал, я узнал, что «честнейший человек» Бортко с Судакевичем уже месяц как условился всех нас в течение полугода после поглощения уволить. Что, как ты понимаешь, вполне естественно в случае поглощения.

Дальше – больше! Стоимость компаний оценили таким образом, что находившаяся на грани банкротства СНКУ – а славного Бортко это совсем не смущало – почему-то стоила дороже нашего прибыльного комбината более чем в три раза. Соответственно, и доля государства в объединенной компании не превысила даже блокирующего пакета. Возможность влиять на деятельность объединенной компании осталась только у Судакевича. Таким образом, благодаря Бортко Судакевич получил практически бесплатно компанию, по самым скромным подсчетам, стоимостью в сто миллионов долларов. Сколько за это получил Бортко, я не знаю, но, думаю, не один миллион. Меня же, верой и правдой служившего все эти годы, цинично собирались выставить на улицу. А у меня семья, ипотека. Тут я и призадумался. И чем больше думал, тем сильнее меня охватывала бессильная ярость. Что было делать? Слить информацию журналистам? Но много ли от этого получишь, если это никому не интересно, кроме тебя? Вот если бы слить эту информацию конкурентам Бортко, а уж они бы подали ее в прессу… Но тогда я к таким методам готов еще не был. И может быть, слава богу, что так. Реакция на подобные действия со стороны Бортко и моего шефа могла бы быть очень жесткой, вплоть до крайних мер. Я думаю, ты понимаешь, о чем я говорю. Все-таки сто миллионов… Тут-то ко мне зашел мой хороший приятель, начальник отдела закупок. Мы с ним работали бок о бок десять лет и могли доверять друг другу.

– Артур, я слышал, сливают нас всех? – поинтересовался он напрямую.

– Похоже на то, Серега, – отвечал я ему.

– Пойдем, прогуляемся на свежем воздухе, – предложил он, чтобы нас никто не мог подслушать.

– Видишь, что происходит с госсобственностью, – мрачно проговорил Сергей, когда мы вышли на улицу.

– Цинично и практически бесплатно передают в частные руки прибыльное предприятие, – поддакнул я.

– А нас на улицу? – еще раз уточнил он.

– На улицу.

– Так что же мы с тобой тогда сидим сложа руки?

– А что делать? – спрашиваю.

– Какого черта мы от денег тогда отказываемся? Они у нас под ногами валяются. Только нагнуться надо. У меня есть масса предложений от продавцов мяса, конкурентов наших нынешних поставщиков. Они нам с тобой с каждой закупки будут по три процента откатывать. За оставшееся до поглощения время, пока они с антимонопольным комитетом сделку поглощения согласовывать будут, успеем кое-чего заработать.

– А общая себестоимость вырастет? Бортко заметит, – засомневался я.

– Не вырастет. Просто качество сырья чуть хуже станет, а цена закупки для компании останется неизменной. Разница нам пойдет. Если мы себе сейчас часть прибыли сами не возьмем, то она вору и преступнику Судакевичу достанется. А нас так и так уволят потом.

И тогда я подумал, что Серёга прав. Проучим этих прохвостов! Главное же, сами в накладе не останемся. Конечно, рынок должен был когда-то отреагировать падением спроса на ухудшение качества продукции нашего предприятия. Но на это уйдут многие месяцы. И этого времени нам вполне хватит, чтобы немного поправить наше финансовое положение. А что с предприятием будет потом, нам с Серегой теперь было совершенно не важно. И, засучив рукава, мы принялись за дело.

Технолог подчинялся напрямую лично мне, так что мне не составило большого труда договориться с ним, чтобы он молчал о снижении качества продукции. Откинул ему, конечно, немного бабла тоже. А как без этого? Очень скоро мы стали получать не только с мяса, но и со специй, и с тары. На продажах тоже кое-чего

смогли получить. С той части отгрузок, которая через подставные фирмы осуществлялась. С ребятами на том конце тоже поделились, конечно же. В итоге, до поглощения нашей компании я смог расплатиться по ипотеке и заработал еще столько же. Теперь хотя бы своя крыша над головой, и есть на что жить. Но самое интересное, что пока я осуществлял эти незаконные сделки, я свел тесное знакомство с большим количеством нужных людей у наших новых поставщиков. И после того, как меня новый собственник объединенной компании уволил, они, как проверенному в деле человеку, предложили мне работу. В итоге я остался в двойном выигрыше.

Я тебе больше скажу. Сейчас, Саня, уже который год по всей стране набирает обороты чудовищный распил государственной собственности. И ничего-то без личной заинтересованности чиновника никогда с места не сдвинется. Хуже того, выбор падает туда, где больше откат. Об экономической целесообразности для государства никто, кроме как в пламенных призывах к избирателю, не вспоминает. Поэтому у нас, что ни возьми, всё – любой товар, любая услуга – вдвое, а то и втрое дороже зарубежных аналогов из развитых стран, несмотря на то, что наша страна вроде как развивающаяся. Поэтому и честные управленцы теперь не в почете. Более того, в сложившейся системе честняги даже вредны – ведь порядочный человек может помешать распилу. Поэтому, если хочешь подняться по карьерной лестнице, то должен пилить сам и другим не мешать.

Санька задумался. Его личный опыт подтверждал слова Артура.

– Слушай, а если ты по-настоящему работу ищешь, то я, наверное, мог бы тебе организовать встречу со своим акционером, Игорем Цапко. Слышал такого? Я на него год как работаю.

– Нет, а кто он?

– «Хозяин заводов, газет, пароходов», – рассмеялся Артур. – У него в собственности несколько свиноферм, банк «Новый путь» и еще кое-что. Он как раз ищет в свой банк председателя правления со стороны. С предыдущим у босса не сложились отношения, и тот сейчас уходит. Тебе это интересно?

– Интересно, – ответил Санька без особенных раздумий, полагая при этом, что терять ему все равно нечего.

Через два дня он, поднявшись на бесшумном лифте на пятнадцатый этаж современного офисного центра, очутился в небольшой, но дорого отделанной приемной Игоря Цапко. После совсем непродолжительного ожидания дверь его кабинета распахнулась, и на пороге появился невысокий господин средних лет. Это был внешне ничем не примечательный человек худощавого телосложения. На нем были серый костюм и белая рубашка без галстука. Прямые и довольно короткие волосы он зачесывал набок. Можно было сказать, что у него правильные черты лица, но красавцем он отнюдь не являлся. Единственной в его внешности примечательной особенностью были глаза, которые излучали уверенность и энтузиазм. Глядя в эти честные и открытые глаза, нельзя было подумать, что их обладатель может солгать. Хозяин офиса широко улыбнулся Саньке, как улыбаются друг другу старые друзья.

– Игорь, – Цапко протянул Саньке руку.

– Александр.

– Я думаю, можно на «ты» – мы приблизительно одного возраста, – сказал Цапко, пропуская Саньку в свой кабинет.

Его простота в обращении резко отличалась от пафосного стиля, присущего служащим государственных учреждений. Там каждый второй начальник норовил «тыкать» своему подчиненному, к себе же требуя почтительного обращения на «вы». Хотя кто, если разобраться, были эти люди? Такие же зависимые клерки, как и Санька, которых так же легко могли в любой момент уволить, как их подчиненных, в отношении которых они так старательно демонстрировали свое превосходство. Сейчас же Санька стоял перед могущественным собственником, «владельцем заводов, газет, пароходов». Его-то никто не мог уволить. И этот великий человек обращался к нему как к равному!

Александр Серафимович оглядел небольшое помещение, отделанное в модном стиле минимализма. На стенах висело несколько очень больших и, на Санькин неискушенный в искусстве взгляд,

довольно нелепых фотографий, одна из которых изображала молоток, другая – какое-то подобие рубанка. Третья фотография размещалась над Санькиной головой, и он не мог видеть, что на ней было. Из широких окон открывался великолепный вид на центр города. Санька по приглашению хозяина кабинета сел в одно из неудобных кресел в стиле того же минимализма, у которых отсутствовали подлокотники, а спинки находились под углом девяносто градусов к полу. Перед Санькой стоял небольшой журнальный столик, на котором уже были заготовлены две небольшие чашки, заварной чайничек и ваза печенья.

Тут на рабочем столе хозяина кабинета зазвонил телефон. Цапко легкой походкой приблизился к столу и бросил секретарше: «Лена, я же просил меня ни с кем не соединять», – но потом махнул рукой и сказал: «Ладно, давайте, соединяйте». Санька был польщен – Цапко «просил ни с кем не соединять». Положительно, ему уделяли здесь большое внимание. Пока Цапко говорил, Санька внимательно наблюдал за ним и думал о себе: чем же он сам, А.С. Руденко, хуже хозяина этого кабинета? Они ведь приблизительно одного возраста, Цапко, может быть, даже на несколько лет моложе. Но Руденко не имел ничего, а у Цапко было все. Саньке стало немного досадно, что жизнь так несправедливо обошлась с ним, и ему страстно захотелось быть таким, как Цапко. Но тут последний со словами «Все. Завтра я тебе десятку «лямов» перегоню. Обнимаю» положил трубку и, дружески улыбаясь, снова сел в кресло напротив.

В течение нескольких минут Санька изложил свою биографию, наиболее неприятные моменты которой смягчались доброжелательными междометьями Игоря «да, понимаю, конечно». Цапко несколько раз сочувственно кивал головой, подвигая Саньку к продолжению откровенного повествования жестами и доброжелательными улыбками. Под воздействием обаяния этого малознакомого ему человека у Саньки появилось ощущение, что он разговаривает со своим хорошим приятелем, от которого можно ничего не скрывать и на порядочность которого можно полностью положиться. Естественное для кандидата волнение ушло, Санька

расслабился и поведал о себе много сокровенного, что в обычных условиях интервью никогда бы не рассказал.

Когда он закончил, Игорь сказал:

– Понятно. Вот что, Саня, резюме я твое читал. Артур тебя тоже очень хорошо рекомендовал. Я могу тебе предложить позицию председателя правления. Фиксированная часть зарплаты – пятнашка зеленых в месяц. Бонус – пять процентов от прибыли банка. Из него будешь по своему усмотрению доплачивать тем сотрудникам, кому считаешь нужным. Машина – семерка «БМВ» с водителем. Вон стоит за окном, – и Цапко небрежно ткнул коротким пальцем куда-то в сторону. – Можешь брать уже сегодня. Банк полностью твой, я в твои дела не лезу. Кого хочешь – меняй, кого хочешь – назначай. Работать надо будет много, но ты, я уверен, справишься. Подходит?

У Саньки возникло ощущение, что он попал в сказку. Еще минуту назад он был человеком без зарплаты, безо всяких перспектив. А теперь, вот так запросто, без проволочек и нудных согласований со службами кадров и безопасности, Саньке предлагали условия, о которых он и не мечтал. Так много, даже не считая бонуса, он никогда в жизни еще не зарабатывал. Вот оно, значит, как легко решается всё на высоком уровне! Саньке потребовалось больших усилий, чтобы не закричать: «Да! Я согласен!», – и еще большего труда стоило ему все же поинтересоваться финансовым состоянием банка «Новый путь», который ему предстояло возглавить.

– Саня, буду откровенен, – улыбнулся Игорь, – «тема» не самая простая. Но ты же знаешь: где все просто, туда нас почему-то не зовут, – и Цапко доверительно посмотрел на Саньку, ожидая его реакции.

Санька вспомнил, что его действительно не только не звали, но даже недавно выпроводили с нескольких теплых и насиженных мест, где можно было жить беспечной жизнью. И он убежденно кивнул головой в знак согласия.

– Понимаешь, предыдущий менеджмент, – продолжал Игорь, – председатель, в особенности, «вынес» из банка все, что смог. Я

даже думаю на них «уголовку» завести. Ошибся я в ребятах. Понимаешь? – при этих словах голос Игоря приобрел особенно доверительный тон, которым разговаривают с близкими людьми. – Но что об этом теперь говорить? Знал бы прикуп, жил бы в Сочи. Надо работать с тем, что есть, – и Цапко так уверенно посмотрел на Саньку, как будто бросал вызов суровой окружающей действительности. При этом от Цапко на Саньку повеяло недюжинной силой и уверенностью в том, что с любыми проблемами в этой жизни можно справиться.

Саньке с детства нравилась поговорка про прикуп и Сочи. Да и работать с Игорем, от которого исходила энергия, уверенность и доброжелательность, ему тоже хотелось. И Санька снова утвердительно кивнул головой.

– Так вот, капитала в банке практически нет: он рисованный весь. Впрочем, это обычная практика в нашей банковской системе. Есть даже совсем небольшой минус, но это же копейки, – и Игорь умильно ухмыльнулся, сжав большой и указательный пальцы и демонстрируя этим жестом, сколь ничтожна была недостача в банке поверх капитала.

Санька тоже улыбнулся в ответ и, в ожидании конкретной цифры, посмотрел на Игоря.

Тот тоже смотрел на Саньку, видимо, взвешивая, что лучше еще сказать, а о чем умолчать при первой встрече, а потом, с честной улыбкой на устах, продолжил:

– Дыра совсем небольшая: несколько миллионов. В государственных банках, откуда ты пришел, дело гораздо хуже обстоит, да и суммы, которые из них выносят там, с нашими не сравнить: сотни миллионов. Ну да бог с ними – нам о себе подумать надо. Правда?

– Это уж точно, – поддакнул Санька.

Игорь взял листок бумаги и стал одновременно говорить и быстро писать какие-то цифры и слова.

– Смотри, вот это мои объекты недвижимости, офисные центры, которые сейчас находятся в стадии строительства. Их можно было бы продать и сейчас – рынок на подъеме, – но тогда потеря-

ешь большие деньги. Вот их стоимость сейчас, – Игорь продолжал писать на бумаге. – А вот их стоимость после окончания строительства. Разница, как видишь, порядка ста пятидесяти миллионов. Этого с лихвой хватает, чтобы закрыть и недостающий капитал банка*, и чистую дыру в несколько миллионов. Надо немного подождать, пока они достроятся. Так что бояться тебе нечего. Если что, поддержим. Ну, так как? По рукам?

Санька внимательно наблюдал за быстрыми движениями руки Цапко, и в его голове почему-то всплыли уличные жулики–наперсточники, которые так же ловко переставляют свои наперстки. И хотя тебе кажется, что ты все видишь и понимаешь, когда наступает пора открыть наперстки, всегда почему-то выясняется, что ты ошибался и не заметил подвоха.

Быть председателем банка с отрицательным капиталом являлось уголовно наказуемым деянием. Тем не менее Санька под магическим воздействием слов Игоря рассудил, что дыра совсем небольшая: всего несколько миллионов. Закрывается она элементарно: Игорь всегда может продать свои офисные помещения. Значит, обязательства перед вкладчиками он сможет выполнить; значит, и не будет, если что, уголовного дела. А то, что капитал рисованный, так и бог с ним. Ведь это Игорь – единственный собственник банка, и это его капитал. Какие же тут могут быть претензии к Саньке? А деньги можно немалые заработать.

Сейчас Саньке нужно было что-то выбирать. Идти ли, по совету его бывшей жены, падать в ноги вальяжным, раздувающимся от собственной важности бондаренкам, новым управленцам в государственных банках. Умолять их взять к себе, позволить работать на вторых ролях с зарплатой, которой и на приличную квартиру не хватит. А сами бондаренки и иже с ними будут продолжать распиливать государственные деньги, ездить на них в Ниццу, покупать себе виллы на Майями… А его, Александра Серафимовича, как мальчика, станут заставлять на себя работать, да поругивать за неисполнение сроков «высочайших» поручений. А сроки эти Саньке надо будет в поте лица исполнять как раз для того, чтобы Бондаренко и компания еще чаще ездили в Ниццу, покупали себе

все новые яхты и меняли дорогие кабриолеты. И за всю эту унизительную перспективу, кстати, нужно еще побороться!

За прошедшие десять-пятнадцать лет очень многое в Санькиной стране поменялось. Теперь выходило, что, работая в государственном учреждении, Александр Серафимович гнул спину вовсе не на свою Отчизну, о чем он мечтал в детстве, а на группу коррупционеров, которые, что было досадно, еще и не допускали его к разделу пирога и оттого смотрели на него презрительно. На эту роль хорошо подходили молодые амбициозные ребята (и Санька когда-то входил в их число), еще не осознающие сущности происходящих процессов. Они рьяно брались за дело, им искренне хотелось во всем разобраться. Единицам из них, при благоприятном стечении обстоятельств, было суждено самим превратиться в «Бондаренок», большинство же было обречено сгинуть в серой непримечательной массе офисного планктона, погрязнуть в ежедневной отупляющей борьбе за насиженное место, которого они легко могли лишиться в любой момент при смене руководства или же по сокращению штата. Хотя так, наверное, было и в других областях. Пробиваются на верх человеческой пирамиды совсем немногие. На то она и пирамида – широкая у основания, узкая сверху.

Конечно, ничего этого можно и не делать, было бы на что жить. Понимание важности денег пришло к Саньке со всей очевидностью лишь после того, как он посидел без работы и без накоплений.

А что на другой чаше весов? Игорь Цапко – обаятельный человек, который, в отличие от разных там бондаренок, сам всем распоряжался, а не бегал за инструкциями к своему начальству. Его не могли уволить вышестоящие руководители: у него их просто не было. Он сам являлся хозяином и притом выказывал к Саньке всяческое уважение. И Саньке даже казалось, что они если еще не друзья, то непременно таковыми станут в самой ближайшей перспективе. Ну и, конечно же, деньги! И хотя это сопряжено с некоторым риском, Санька теперь понимал, что один шанс в своей жизни он уже упустил, сейчас судьба предоставила ему возможность второй попытки. Третьей может и не быть.

Он еще раз посмотрел на Игоря и твердо ответил:

– По рукам.

– Ну и отлично, – дружески похлопал его по плечу Игорь, – тогда пойдем, покажу тебе твои новые владения и познакомлю с коллективом. А потом приступай к работе.

Они спустились на бесшумном лифте на этаж ниже. Глазам Саньки открылась солидная приемная. На стене красовалась надпись «Банк "Новый путь"». За большими столами сидели две красивые девушки, его секретарши. Санькин кабинет оказался довольно большим, с дорогой мебелью и картинами. Тут же находились его личная кухня с персональным поваром и комната отдыха.

Через десять минут в зал заседаний, который располагался рядом с Санькиным кабинетом, были созваны все члены правления и руководители структурных подразделений, и Цапко в дружеской манере представил Александра Серафимовича как их нового председателя, наделенного всеми соответствующими полномочиями. Когда все разошлись, Цапко еще раз хлопнул Саньку по плечу и сказал:

– Ну, желаю удачи. Приступай к обязанностям председателя.

– Как? Прямо сегодня?

– А как ты думал, работы невпроворот.

– Но меня же еще не утвердили в Центральном Банке! А это несколько недель.

– Ну и что? Утвердят, а пока работай так.

– А Наблюдательный Совет?

– Наблюдательный Совет – это я. Документы подготовь, какие требуются.

– Но я же не могу быть председателем, пока не прошло официальное назначение?

– Саня, не парь мне мозги. Сам разберись, службу кадров вызови или еще кого. Пусть готовят документы, а пока придумают что-нибудь. Ты же здесь теперь начальник. А если что, какие проблемы, звони мне напрямую, – с этими словами Игорь пожал Саньке руку и вышел из его кабинета.

Санька был немного озадачен и одновременно очарован происходящими с ним переменами. Новоявленный председатель диву

давался, как ему неожиданно повезло, и не мог нарадоваться тому, как доверял ему Цапко.

Оставшись один в своем кабинете, Санька огляделся по сторонам и с удовлетворением отметил, что убранство его нового пристанища ничем не уступало кабинетам его бывших начальников. Потом наш герой подошел к окну. У ног Александра Серафимовича лежал большой город, по которому еще вчера он, жалкий безработный, рыскал в тщетных потугах найти себе применение и средства к существованию. Тогда этот город казался ему таким безразличным, холодным и скучным. Теперь же, с высоты своего кабинета на пятнадцатом этаже, Санька Руденко ощущал себя одним из хозяев этого города, который, как он теперь видел, кипел и бурлил своей насыщенной и интересной жизнью, частью которой снова стала и его, Санькина, жизнь.

Раздался телефонный звонок, и одна из его секретарш сообщила, что из бухгалтерии ему принесли аванс, и тут же поинтересовалась, удобно ли Александру Серафимовичу будет его получить прямо сейчас. Удобно ли? Что за вопрос? Деньги Саньке очень были кстати. Но со свойственным ему пафосом в голосе он ответил, чтобы немного обождали, потому как он пока занят.

Вечером, сидя на заднем сидении «БМВ» седьмой модели, Санька подумал про свою бывшую жену Марусю. Ему стало интересно, купила ли она ту «Ауди А6», о которой так мечтала, и вообще, что бы она подумала, если бы увидела его сейчас. Маруся же считала, что ее муж больше ни на что не годен! Но потом мысли его быстро переключились на то, где бы провести сегодняшний вечер. Немного поразмыслив, Санька позвонил своему другу детства, Пете, с которым он когда-то играл в солдатиков на скамейке у подъезда их дома, и позвал его в казино. В свое время Петя с трудом окончил институт, но, совершенно лишенный амбиций и не признающий никакого принуждения, не мог удержаться ни на какой работе больше, чем полгода. Безработный приятель не заставил себя долго упрашивать. Перспектива поесть и выпить за чужой счет всегда его привлекала. Санька вернулся домой за полночь и сильно на-

веселе. Таким образом, в жизни нашего героя наступила новая, удачная полоса.

На работе, между тем, все складывалось не так гладко, как показалось в первый день. После долгих усилий, на которые ушла не одна неделя, Санька смог все же разобраться в балансе банка. У него не получалось этого сделать раньше по двум причинам. Во-первых, с такой работой он прежде никогда не сталкивался, а во-вторых – и это было главным, – его новые подчиненные неохотно выдавали ему информацию. Из них все приходилось буквально выжимать. Истинное финансовое состояние банка, к Санькиному разочарованию, оказалось намного неприглядней того, что так ловко рисовал на бумаге Игорь Цапко. «Дырка» в балансе равнялась отнюдь не нескольким миллионам, а составляла несколько капиталов*. И что было с этим делать, никто из его заместителей не ведал. Да и не все из них владели этой неприятной информацией.

Не успел Санька докопаться до всего этого, как подоспело утверждение его кандидатуры Центральным Банком, а днем позже появился протокол Наблюдательного Совета. И он стал официальным руководителем банка. Санька был озадачен своим открытием об истинных размерах «дыры». Получалось, что либо Цапко сознательно обманывал его, Саньку, либо сам Цапко был введён в заблуждение предыдущим председателем правления Мельниченко. Оба варианта были плохи. И второй даже хуже первого, так как он предполагал, что Цапко можно в два счета обвести вокруг пальца.

Когда Санька на цифрах продемонстрировал своему акционеру реальную картину бедствия, тот закачал головой и зацокал языком, а потом сказал:

– Да, не ожидал я от Мельниченко такого! Точно пора на него «уголовку» открывать.

И с этими словами снова уткнулся в бумаги, намекая, что разговор можно считать оконченным.

– Игорь, подожди, а как с этим быть теперь? – в растерянности спросил Санька.

– Жили же до этого, и ничего, – без тени смущения отвечал Цапко.

– Но с такой дырой банк не выстоит!

– Но стоит же, – и, видя Санькину растерянность, добавил, – ты не волнуйся. Сколько, говоришь, дыра составляет?

– Двести миллионов, а считая капитал, все триста. И все выдано на подставные фирмы-пустышки. Это же половина от размера всех активов.

– Да, – почесал голову Игорь. – Но знаешь что: эта дырка, в общем-то, закрыта вот этими депозитами от дружественного нам банка «Синергия», – и он ткнул рукой в баланс.

– Но это же однодневные обязательства – они могут быть отозваны ими в любой день, – настаивал Санька.

– Не могут, я тебе за это ручаюсь. У них другие обязательства передо мной есть. Не робей, Саня, скоро «недвижку» продадим. И через год все закроем, ну, кроме, капитала. Это уж извини. Есть места, куда деньги можно и с большей прибылью разместить. Давай, Сань, пока, в общем, а то мне работать надо. Дел невпроворот.

– Но у нас через два месяца выходит проверка Центрального Банка! Мы с таким балансом ее не пройдем! У нас же отзовут лицензию, – волновался Санька.

– Не отзовут, и проверку мы пройдем. Не первый год замужем. Кстати, взаимоотношения с проверяющими оставь мне, – без тени сомнения сказал Игорь, посмотрев на Саньку своим открытым взглядом честного человека, которому нечего скрывать от других.

Санька вышел из кабинета акционера озадаченный. Из разговора он заключил, что Игорь был прекрасно информирован о настоящем положении дел в банке. Он лишь сделал удивленный вид ради приличия. Было также понятно, что это более чем плачевное положение банка его единственного акционера никак не смущало. Невозмутимость Игоря была скорее хорошим знаком и даже внушала некоторый оптимизм. «Значит, этот банк существовал так до этого, и, следовательно, у Игоря есть пути воз-

действия на проверяющих сотрудников Центрального Банка», – справедливо рассудил Санька.

Плохо было другое: оказывается, Цапко при первой их встрече рассказал Саньке, мягко говоря, не всю правду. А если сказать прямо, то акционер просто обманул своего председателя правления. А тогда – сколько еще неприятных сюрпризов поджидает Саньку на их совместном пути? Вскрытый размер бедствия неопытному в этих делах Саньке казался чудовищным. Первый раз в жизни ему стало по-настоящему страшно. Гораздо страшнее, чем тогда, когда Говор написал на клочке бумаге сумму взятки, причитающейся ему в будущем, которое, кстати, как это часто с будущим происходит, так никогда и не наступило. Ну а разговор с сотрудниками кадров и службой безопасности, когда его выдворяли с работы, казался теперь просто какой-то мелочью. Ставки в жизни Александра Серафимовича определенно возрастали.

К себе в кабинет он шел по коридорам возглавляемого им банка, смотрел на работающих сотрудников и думал о том, что, за единичными исключениями, никто из них не знает масштаба бедствия. Санька вдруг увидел себя капитаном корабля, который идет по вверенному ему громадному судну и понимает, что никто из его команды не знает, что в трюм через огромную пробоину давно хлещет вода, но что говорить об этом никому нельзя, чтобы не вызвать панику. Парадоксально, но от этого сравнения Санька с удовлетворением ощутил дополнительный прилив собственного величия.

О том, что вся эта громадная организация держится на честном слове Игоря Цапко и может рухнуть в любой момент, действительно мало кто знал. Да и зачем им это было знать? Чтобы отягощать себя ненужным беспокойством? Эти люди ежедневно приходили на работу, более или менее исправно исполняли ее и получали за это свою небольшую зарплату. Случись самое плохое – а это было банкротство, слово, которое Санька сильно невзлюбил, – их просто уволят, и всего-навсего! Они не более, чем винтики. И как бы некоторые из них ни боялись увольнения: они пойдут и найдут себе другую работу – кто-то лучше, кто-то хуже, – а вот он, Санька,

так легко не отделается. Но чем именно для него оборачивалось гипотетическое банкротство, Санька точно не знал. И судя по всему, самое время было с этим ознакомиться. Этот момент он и так слишком долго из-за какого-то суеверного страха откладывал на потом.

«Лучше поздно, чем никогда», – теперь подумал Санька и весь остаток дня, войдя в Интернет, посвятил изучению последствий банкротств банков для их руководителей, а также статей гражданского и уголовного кодекса. Из них вытекало, что его действия могут быть признаны мошенничеством и, более того, мошенничеством в составе преступной группы, одним из организаторов которой он легко мог быть квалифицирован. Также там было много и других специализированных статей, но слово «мошенничество» особенно неприятно резало слух. К тому же, по этой статье предусматривалось самое суровое наказание: до пяти лет тюрьмы.

С другой стороны, роясь в Интернете, Санька с удивлением обнаружил, что большинство банкротств и последующих судебных разбирательств чаще всего не приводили ни к каким драматическим последствиям ни для менеджеров, ни для владельцев бизнеса, что, безусловно, давало повод для оптимизма! Санька также припомнил спокойную уверенность Цапко, которого, похоже, совершенно не смущал тот факт, что принадлежащий ему банк фактически являл собой финансовую пирамиду. Банк, если разобраться, был уже трижды банкрот, но так как этого никто не знал – а кое-кто преднамеренно закрывал на это глаза, – виртуальная организация продолжала функционировать в таком безобразном виде, судя по всему, уже не первый год. Все это немного успокоило впечатлительного от природы Саньку, он несколько повеселел и попросил подать обед.

Вскоре улыбчивая повариха пригласила Александра Серафимовича к столу в маленькую столовую, прилегающую к его кабинету. Запах борща с пампушками приятно защекотал ему нос. Санька налил себе традиционную для этого времени суток рюмку водки, выпил ее, закусил горячим борщом и почувствовал, что жизнь продолжается, и при этом продолжается совсем неплохо. Мысли

о том, чтобы написать заявление об увольнении, или, как говорил Цапко, «соскочить с темы», незаметно оставили его, и после обильного второго блюда – Александру Серафимовичу подали баранью ногу с гречневой кашей – председатель правления отправился в комнату отдыха, где через пять минут умиротворенно задремал.

В течение короткого сна ему привиделся месяц назад почивший отец, который сидел за рулем автомобиля и громовым голосом повторял: «Нет, жить надо своим трудом!» Отец находился спиной к сидевшему на заднем сидении Саньке, но тот понимал, что суровые родительские слова обращены именно к нему, Саньке. Он беспокойно ерзал на месте, и, с трудом подбирая нужные фразы, робко отвечал отцу: «Но разве я не живу своим трудом, папа? Я же сам хожу на работу, рискую, как видишь, многим. Разве все это – каждое утро рано вставать, допоздна засиживаться над документами – не есть жить своим трудом?» Саньке показалось, что отец хочет сказать что-то еще, и он в тревоге проснулся.

Но вместо пугающего затылка своего родителя Санька увидел склонившуюся над ним красивую голову своей секретарши Лены. Она нежно похлопывала его по плечу и приговаривала:

– Александр Серафимович, Александр Серафимович! Вставайте! Срочное дело!

Санька положил свою большую руку на ее красивые пальчики и умильно посмотрел на очаровательную Лену. Возвращение к реальности было прекрасно.

– Ну и что у вас там еще за дело, Леночка? – вальяжно поинтересовался Санька.

– Александр Серафимович, к вам главный бухгалтер пришел. Говорит, у него что-то очень срочное.

– Да гони его в шею, Леночка, – потягиваясь спросонья, пошутил Санька. Ему нравилось играть роль могущественного начальника. И сейчас он с удовольствием наблюдал замешательство, отразившееся на лице красавицы секретарши, которая не обладала чувством юмора, и имела обыкновение все слова шефа принимать всерьез.

– Так и сказать ему? Но он говорит, Александр Серафимович, что у него что-то очень, очень срочное, – залепетала она в нерешительности.

– Ну, ежели срочное, то пускай заходит, – махнул рукой Санька и неспешно отправился к себе в кабинет.

Но уже через пять минут от Санькиной вальяжности не осталось и следа. Егор Кузьмич Семенок, доверенное лицо акционера и бессменный бухгалтер банка с момента его создания, докладывал о том, что через неделю к ним выходит с проверкой налоговая инспекция.

«Как это все не к месту!» – думал Санька, нервно постукивая толстыми пальцами по матовой поверхности своего огромного письменного стола. Багровое лицо Егора Кузьмича, нешуточно злоупотребляющего алкоголем пятидесятилетнего человека, выдавало большую тревогу.

– Александр Серафимович, проверку можем не пройти, – понизив голос, доверительным тоном сообщил Семенок.

– То есть, как это, не пройти? – сдвинул брови Санька.

– Было кое-что тут до вас, еще в прошлом году, – и Егор Кузьмич в деталях остановился на тех операциях, что вызывали его опасения. Это были операции с фиктивными фирмами-однодневками, которые легко могли быть признаны не уменьшающими налоговую базу.

– А зачем вы это делали, спрашивается? – грозно поинтересовался Санька.

– Александр Серафимович, – развел руками Главный Бухгалтер, – мы так всю жизнь делаем, в том числе и чтобы прибыль увести. Иначе нам бы налоги пришлось платить.

– Какая может еще быть прибыль у банка-банкрота? Как такое вообще возможно? – пробормотал себе под нос Санька.

– Очень даже возможно, Александр Серафимович. Из нашей официальной отчетности, сами знаете, совсем не следует, что у банка существуют… эээ… – тут Семенок замялся, подыскивая нужный оборот, и выдавил из себя, – финансовые, так сказать, затруднения.

– Неужели нельзя было малую часть этих, так сказать, затруднений отразить в отчетности? И дело с концом? – резонно поинтересовался председатель правления.

– У нас так повелось с тех пор, как Цапко еще сам председателем банка являлся, – Семенок говорил о злостных и, главное, ничем не оправданных в данном случае нарушениях, как о само собой разумеющихся вещах, как о практике обычного делового оборота.

– И чем это нам грозит? – недовольно пробормотал Санька, думая при этом: «Вот идиоты! С кем приходится работать! А хотя, нет! Постой, никакие они не идиоты. Просто таким образом они средства из банка выводили, о чем этот тип мне открыто сказать, естественно, не хочет».

– Кроме прямых убытков, когда налоги досчитают, мы в убыточный банк превратимся. Все обязательные нормативы, установленные Центральным Банком, поедут. За это лицензии лишить могут. Для руководства, между прочим, личная уголовная ответственность предусмотрена за неуплату налогов в крупном размере: подсудное дело, – продолжал Семенок.

– Что ж это такое? Куда ни плюнь, везде подсудное дело,

– Для вас лично пока это ничем не грозит. Это за предыдущий период, – добавил Семенок.

«Ну да, не грозит! Если лицензию отберут, то с нашим балансом под банкротство пойдем! А там и мошенничество припишут, и пошло-поехало…» – думал Санька, неприятно морщась при мыслях о слове «мошенничество».

– Надо что-то делать, – белоснежным платком вытирая испарину со своей лысины, напомнил о своем присутствии Семенок.

– Ладно, Егор Кузьмич, спасибо. Не волнуйтесь. Идите, готовьтесь к проверке, – сказал Санька и, когда главный бухгалтер удалился, вызвал к себе начальника службы безопасности.

Это был худощавый человек средних лет с вытянутым непроницаемым лицом. Его фамилия была Доценко. Саньке этот Доценко никогда не нравился.

– Андрей Петрович, как у нас с налоговой инспекцией обычно дела решаются? – поинтересовался Санька.

– В каком смысле? – физиономия Доценко еще больше вытянулась и приняла упрямо-недоумевающее выражение.

– Что значит: в каком смысле? А вам самому не понятно, что ли? – разозлился Санька.

– Нет, Александр Серафимович, – лицо Доценко стало вновь непроницаемым.

– К нам налоговая проверка выходит через неделю. И я спрашиваю, кто у нас обычно с ними такие дела решает?

– Какие такие дела?

– Кто их коррумпирует, черт подери? – закричал Санька, двигая бровями.

– Я вас не понимаю, Александр Серафимович, – с тем же непроницаемым видом ответил Доценко.

– Мне Цапко сказал по этим вопросам к вам обращаться.

Доценко пожал плечами и продолжал молчать.

«Издевается, скотина такая!» – подумал Санька и закончил беседу словами:

– Ладно, идите и хорошенько подумайте еще раз над тем, как нам с вами дальше работать.

Когда Доценко вышел, Санька, не теряя ни минуты, поспешил к Цапко. Тот встретил его как обычно радушно.

– Слушай, Игорь, к нам «налоговая» выходит скоро.

– Ну? – невозмутимо прокомментировал Игорь.

– С ними вопрос надо бы порешать, сам знаешь, прокоррумпировать их. Иначе нам налоги доначислят. Сумма огромная.

– Понятное дело.

– Ты мне как-то говорил, что все контакты у Доценко. А этот идиот со мной в какую-то дурацкую игру играет. Говорит, что не понимает о чем речь. Я его уволю! – негодовал Санька.

– Подожди, подожди, Сань. Доценко – хороший парень, видно, он недопонял чего-то. Ты не парься, он все сделает. Я с ним поговорю, – Игорь дружелюбно похлопал Саньку по плечу. На том они и расстались.

Из разговора Санька в первую очередь заключил, что Цапко в мельчайших деталях владеет информацией о положении дел в

банке. Он даже не поинтересовался, какая именно сумма налогов может быть по итогам проверки предъявлена к доначислению. Значит, Цапко это знал и без него. Получалось, что ему об этом докладывали напрямую, минуя председателя.

А еще Санька понял, – и это было самое главное, – что огромное поле деятельности, без которой банк не мог оставаться на плаву, было Саньке неподвластно и находилось вне зоны его контроля. Его не посвящали, как, кому и когда передаются взятки в «налоговой». Наверное, аналогичным образом решались проблемы с Центральным Банком и с силовиками. Отсюда же вытекало, что власть Саньки была незначительна. В частности, он даже не мог уволить начальника службы безопасности, который получал указания напрямую от акционера и не согласовывал с председателем их выполнение. Схожая ситуация была с главным бухгалтером и со многими другими сотрудниками вверенного председателю учреждения. Честолюбие Александра Серафимовича было задето.

Однако, поразмыслив надо всем этим у себя в кабинете, Санька пришел к выводу, что так оно, может, и лучше. Передача взяток – дело опасное. Александру Серафимовичу доводилось читать в газетах, как того или иного коррупционера ловили именно при передаче денег. Разумеется, если при передаче взятки что-то пойдет не так, то он, как председатель организации, замешанной в этом, все равно будет находиться под ударом, но удар этот все же будет косвенный, никак не сравнимый по силе последствий с казусом, когда самого председателя ловят за руку. Чутье подсказывало Саньке, что беспокоиться ему пока особенно не о чем. Эти «ребята» решали свои проблемы до него, решат и сейчас. А он, Санька, будет оставаться председателем, не пачкаясь при этом в этой грязной стороне дела.

И действительно, так и получилось. Через два месяца налоговая проверка выявила всего лишь незначительную недоплату налогов, которая не могла нанести никакого вреда злостному неплательщику – банку «Новый путь». Этот символический результат был необходим для того, чтобы шефу «налоговой» было чем отчитываться перед своим начальством.

Чего греха таить, в Санькиной стране не было принято платить налоги. В бизнесе это считалось дурным тоном, чем-то вроде проявления глупости. Но и на бытовом уровне дела обстояли не лучше. Мало кому приходило в голову заплатить налог, если этого можно было не делать. К примеру, Санькина мама после ухода его отца на пенсию давала частным образом уроки русского языка. И, конечно же, ее, как и ее подруг – частных преподавателей, никогда не посещала мысль продекларировать имеющийся у нее доход и заплатить с него налог. А когда отец в шутку сказал ей как-то об этом, то Санькина мать совершенно серьезно и с раздражением в голосе заметила, что при той нищенской пенсии, которую выплачивает государство ее мужу, налоговой не следует ожидать, что их ограбленная семья добровольно станет платить налоги. И хотя запретов на частную инициативу не существовало более полутора десятка лет, Санькины сограждане, видимо, по привычке, свято верили в то, что государство обязано их обеспечивать всем необходимым.

Когда Санька покупал квартиру, то девяносто процентов ее стоимости в договоре указано не было, а всё было передано наличными продавцу через сейфовую ячейку, чтобы тот мог не платить налога. При согласовании сделки Санька, во избежание риска остаться без денег в случае опротестования операции родственниками продавца, упорно пытался настоять на том, чтобы стоимость квартиры была указанна в договоре в полной сумме. Но риэлтор, женщина средних лет, удивленно тараща не него глаза, как будто перед ней стоял марсианин, пояснила, что такой порядок является сложившейся рыночной практикой, и не им его менять. А потом добавила: «Зачем же продавцу платить налоги, посудите сами?» И по ее тону было понятно, что она полностью солидарна с такой точкой зрения и хочет в ней убедить Саньку.

Существовали и другие примеры. У родителей Саньки были знакомые, которые имели отнюдь не самый низкий доход от сдачи нескольких квартир в аренду. Однажды эти знакомые пожаловались его матери на обнаглевших квартирантов, которые не соглашались с увеличением стоимости аренды, но продолжали жить в

их квартире, платя по-старому. Арендодатели находились в замешательстве, как быть.

– А вы вызовите полицию, – посоветовал им Санька.

Знакомые родителей в удивлении воззрились на него. Как же можно вызвать полицию, если все арендные платежи делались только «вчерную»? Тогда бы их самих поймали за руку.

На предложение заключить договор, чтобы хоть в будущем не попадать в такие истории, на него снова воззрились с усмешкой: тогда пришлось бы платить налог!

И, тем не менее, все эти граждане, которые сами считали, что платить налоги им лично ни к чему, дружно негодовали, когда из средств массовой информации узнавали, что кто-то из толстосумов проделывает то же самое.

Время шло. Подоспела проверка Центрального Банка, которая, так же, как и проверка налоговой инспекции, завершилась несущественными и потому легко устранимыми замечаниями к деятельности банка, готового в любой момент рухнуть и похоронить под своими обломками деньги тысяч мелких вкладчиков.

Пока шла проверка, Санька сильно нервничал. Он часто ходил к акционеру и настаивал на безотлагательном закрытии дыры в балансе. Просил осуществить обещанные ему продажи офисных помещений и завести вырученные средства в банк. Цапко же под разными предлогами откладывал продажи даже тех зданий, где строительство было уже завершено. Более того, как-то раз он позвонил Саньке по телефону и сказал, что ему на один из его проектов срочно требуется пять миллионов долларов и что эти деньги надо вывести через подставную фирму. Санька попробовал возразить, но Цапко пообещал, что вернет «долг» через пару месяцев, и Санька согласился. А потом акционеру снова потребовались деньги, потом еще и еще. Уходящие суммы возрастали, и в банк, несмотря на все заверения Цапко, ни рубля так никогда и не возвращалось. Санькино беспокойство нарастало. Но он понимал, что Цапко, являясь единственным акционером, мог когда угодно отправить Саньку в отставку по своему усмотрению.

Прошло несколько лет, а банк, успешно пережив несколько проверок регуляторов, между тем продолжал функционировать. Тут и там он побеждал на всяких нелепых конкурсах. За заплаченные кому следует деньги банку «Новый путь» присуждались все новые почетные, но совершенно абсурдные для такого учреждения, коим он являлся, призы: «За образцовое ведение бухгалтерского учета», «За самую достоверную отчетность», «За большой вклад в дело приумножения национального достояния», «Самому надежному банку». Санька под звуки фанфар и аплодисменты больших залов принимал все эти награды. Ему нравилось находиться в центре внимания. Купаясь в струящихся на него лучах прожекторов, с высоких трибун Санька подолгу с искренним энтузиазмом говорил какие-то пафосные речи в микрофон. В такие минуты он совершенно забывал о том, чем на самом деле является организация, которую он имеет честь возглавлять. В конце концов, кто сказал, что другие лучше? Речи Саньки были довольно бестолковы, но это почему-то никого не смущало, а, напротив, даже нравилось окружающим. Адександра Серафимовича поздравляли важные персоны. Журналисты в прямом эфире советовались с ним, как лучше вести банковское дело. А в газетах появлялись Санькины интервью, где он поучал других, как выживать в условиях жесткой конкуренции, не теряя при этом чувства социальной ответственности.

Во время одного из таких интервью Санька почувствовал острую зубную боль. Медлить с таким делом он не привык и через час уже находился на приеме у своего знакомого зубного врача. Сидя в его маленькой приемной, Санька осматривался вокруг и удивлялся, как это он мог еше совсем недавно позавидовать такому убожеству. «Чтобы вот так всю жизнь, не покладая рук, трудиться? И ради чего? Скромных доходов? – теперь думал Санька про своего дантиста. – Нет, завидовать тут совсем нечему!» С горизонтами выдающегося банкира такой удел не выдерживал сравнения.

Росли и Санькины доходы. И они не ограничивались более только официальной зарплатой, что назначил ему Цапко, и которой Санька так радовался когда-то, наивно полагая, что это и есть

предел его мечтаний. Причем, сложилось это как-то само собой. Однажды, после завершения проверки Центрального Банка, Саньке довелось проводить переговоры с клиентом о крупном кредите. Клиента этого он знал еще по работе в государственном банке. И вот они беседовали вечером, сидя за столиком в дорогом ресторане.

– Александр Серафимович, понимаете, нам нужны деньги срочно, – выкатывая глаза для большей убедительности, говорил директор предприятия «Гранит».

– Раньше, чем через две недели, боюсь, никак не получится – документы еще не все от вас получены, а у нас, знаете ли, процедуры… – отвечал Санька, которому просто хотелось продемонстрировать собственную значимость.

– Тогда для нас это теряет всякий смысл! По условиям аукциона мы должны перевести средства не позднее четверга. Александр Серафимович, ну что вам стоит немного пойти нам навстречу? Я готов поделиться двумя процентами от суммы, – понизил голос при последних словах директор «Гранита».

В Санькином сознании всплыло вытянутое пронырливое лицо начальника службы безопасности Доценко. Саньке стало тревожно, и оттого он промолчал. Но директор фирмы «Гранит» воспринял его молчание как несогласие с предлагаемой суммой «отката» и быстро поправился:

– Два с половиной процента. Вам лучше на оффшорный счет или наличными? И деньги завтра. А все документы мы подвезем в течение недели, не беспокойтесь.

Никаких тайных оффшорных счетов у Саньки тогда еще не было, и он, понизив голос, сказал:

– Наличными. И кредит, естественно, возвратный.

– Само собой, Александр Серафимович, само собой! Мы с вами знакомы не первый год. Вам совершенно не о чем беспокоиться, – облегченно выдохнул директор предприятия «Гранит» и развел в стороны свои толстые ладошки. Дальше все сложилось действительно как-то «само собой». Директор предприятия «Гранит», деловито покопавшись в своем портфеле, ловко извлек оттуда пухлый сверток, который плавно переместился в Санькин

портфель. И все! Вот так просто. Саньке даже не потребовалось ухудшать условия сделки для банка. Директор «Гранита», видно, боялся, что без отката он не получит кредита вовсе.

Тем не менее, час спустя, беспокойно ерзая на заднем сидении своего «БМВ» седьмой модели, Санька терзался сомнениями, правильно ли он поступил, обманув акционера. И было отчего. Это для Александра Серафимовича был первый опыт подобного рода. Но, если разобраться, акционер много раз сам обманывал своего председателя. Все его обещания завести деньги в банк заканчивались ничем. До настоящего времени, по крайней мере. Хуже того, дыра в балансе банка даже постоянно увеличивалась, и, соответственно, финансовая пирамида становилась все менее устойчивой. А случись что с банком, отвечать перед суровым законом надо будет в первую очередь именно Саньке. Вполне возможно, что от любого представителя закона, как Санька теперь это видел, можно откупиться. Но тех денег, которые ему платил Цапко, никогда бы не хватило на то, чтобы замять банкротство такого масштаба. На это требовались миллионы, а годовой доход Саньки измерялся сотнями тысяч. Из этого получалось, что Цапко ему несправедливо недоплачивает. Значит, рассуждал Санька, теперь он лишь сам взял то, что причиталось ему по праву.

Да и вообще, скажите на милость, что, собственно, есть такое – право, справедливость, закон? Этот самый Закон только лишь и годен, что защищать уже до него сложившийся порядок распределения материальных благ и власти. То есть, право существует для того, чтобы защищать интересы богатых. А если, допустим, кто-то родился бедным, без средств, без необходимых для продвижения по социальной лестнице связей? Тогда как? Ему что ж, предписывается, согласно существующему праву, смириться со своей незавидной участью? А если он не желает всю жизнь провести в уготованном ему жалком месте?

И что же такое пресловутая справедливость, которую призван защищать закон? Некоторые скажут, что каждому воздастся по трудам его. Но что происходит на самом деле? Взять, например, его отца, который честно работал на благо общества всю свою жизнь. При этом у него было высшее образование и даже кан-

дидатская степень. Отец занимался высококвалифицированным трудом, но когда вышел на пенсию, то выяснилось, что ее едва хватает на скудное пропитание. И это что же, справедливость? А вот еще, продолжал рассуждать Санька, возьмем мою официальную зарплату. Она раз в десять меньше, чем зарплата председателя государственного банка, из которого меня уволили. Это что, тоже справедливость? Он что, больше меня работает? Или больше знает, или, может быть, он больше рискует? Нет, нет и нет. Но закон оправдывает эту вопиющую несправедливость. Почему? Да потому, что все это не более, чем борьба за распределение материальных благ, которых никогда не бывает в избытке и которых вечно всем недостает.

Санька в задумчивости почесал затылок, и ему стало очевидно, что, если не позаботиться о себе самому, то никто другой уж точно этого не сделает. Но только решить заботиться о себе самому было совсем недостаточно. Тут требовалось еще иметь необходимые для такой заботы возможности. И эти возможности у него, Саньки, как раз сейчас образовались. А Санька из личного опыта уже хорошо усвоил, что жизнь бывает порой переменчива. Сегодня – так, а завтра, глядишь, уже совсем по-другому… Захочет, скажем, Цапко назначить другого председателя, и нет уже у Саньки никаких возможностей. Со всех сторон получалось, что отказываться от плывущих в руки денег глупо. Порассуждав еще немного в том же русле, Санька умиротворенно потрогал пачки полученных денег и сказал водителю, чтобы тот вез его в ночной клуб «Шамад».

И стал после этого случая Александр Серафимович уделять внимание только таким операциям, которые бы приносили непосредственный доход лично ему. Что за беда, если при этом интересы банка ущемлялись все больше и больше. «А как еще заработаешь деньги?» – рассуждал председатель правления, когда выдавал более чем сомнительные ссуды. Конечно же, ему пришлось делиться кое с кем из ключевых сотрудников банка, создать, так сказать, небольшую цепочку вовлеченных людей. Санька очень рисковал – обо всем этом мог узнать его акционер. Но как без этого? Иначе эти сотрудники стали бы оказывать вполне рацио-

нальное с экономической точки зрения противодействие выдаче сомнительных кредитов. А так все проходило довольно гладко. Санька даже был удивлен, с какой готовностью его подчиненные согласились на участие в противоправном личном обогащении.

Но вернемся к поездке нашего героя в ночной клуб. Это было новое, но уже хорошо раскрученное заведение. Оно мало чем отличалось от других модных ночных пристанищ подобного рода. Громко долбящие незатейливые ритмы заглушали голоса посетителей. И если гостям клуба хотелось что-либо сказать друг другу, то они вынуждены были кричать, склоняясь к уху того человека, до которого собирались довести какую-либо короткую информацию, как-то: «как дела?», «как тебя зовут?», «давай выпьем!», «в какой клуб поедем дальше?». Александра Серафимовича всё это полностью устраивало. Санька никогда не был склонен ни к излишним рефлексиям, ни к вытекающим из них долгим разговорам, в особенности, если разговоры эти не имели отношения к работе.

В помещении клуба царил полумрак, прорезаемый разноцветными лучами маленьких, на первый взгляд беспорядочно развешанных прожекторов. На самом же деле над внутренним убранством клуба серьезно поработал один из современных дизайнеров. Несмотря на дорогой декор, что-то здесь напоминало Саньке дискотеки его молодости. Только сейчас он не испытывал того неповторимого возбуждения, которое бывает только в юности. Заведение наполняли, большей частью, девушки лет двадцати – двадцати пяти. Некоторые из них были на Санькин вкус по-настоящему красивы, а некоторые так себе. Львиная доля этих девиц приехала в столицу из провинции в извечной человеческой заботе: поиске лучшей жизни. И уже само по себе нахождение в подобных клубах для них было частью той жизни, к которой девушки эти стремились. Непрестанно бегающие по стенам световые зайчики, льющееся рекой на соседних столах шампанское, дорогое убранство помещений слепили их юные глаза, привыкшие к видам унылых городских окраин, тоскливых рабочих поселков. Но главным было

то, что эти места посещали богатые мужчины и что именно здесь можно было познакомиться с ними.

Ютились девушки, иногда и по нескольку человек, в убогих съемных квартирках, совершенно не соответствовавших как холеной внешности самих квартиросъемщиц, так и вычурным декорам ночных клубов. Некоторые из девушек, кому по карману, чтобы быть в состоянии протянуть всю ночь до утра, оставаясь при этом бодрыми и привлекательными, пользовались кокаином.

Кое-кто из них легко соглашался переспать с понравившимся им мужчиной за кругленькую сумму. Другие благоразумно как можно дольше оттягивали момент соития и получали, как и бывает в таких случаях, значительно больше. Впрочем, не одни лишь провинциалки охотились здесь. В клубе можно было встретить и симпатичных жительниц столицы, офисных служащих, которые, невзирая на наличие крова над головой и вполне сносного дохода, были тоже не прочь попытать удачу и попробовать подцепить какого-нибудь богача или хотя бы временно немного подправить свое материальное положение. Также попадались и совершенно бескорыстные барышни, но они грузному Саньке внимания не уделяли.

Саньке нравилось ездить в ночные клубы, в том числе и потому, что такое времяпровождение являлось для него неким атрибутом хорошего достатка. Так было принято, как полагал Санька, в его кругу.

Здесь господин Руденко имел возможность заводить необременительные знакомства с противоположным полом, которые обычно длились не более нескольких недель. Первое время ему это очень нравилось. Это было неким прорывом в новую, неизведанную для него область свободы. Прежде этой свободы Санька позволить себе не мог. Во-первых, не было денег, а во-вторых, в силу семейного положения. Бывшая жена Маруся не позволяла Саньке особенно разгуляться. Сейчас же ничто не сдерживало его. Несметное количество молодых девушек на любой вкус было к Санькиным услугам. Разумеется, нужно было соблюсти некоторые правила сложившегося в таких местах этикета, состоявшего в

том, что не все из девушек соглашались переспать в ночь первого знакомства. Иногда приходилось встречаться еще раз в ресторане, угощать шампанским и дорогим ужином. А кое-кому требовалось купить какие-нибудь подарки. Но бриллиантовое кольцо в четверть карата, по Санькиному опыту, ломало любые преграды даже в самых сложных случаях. Иногда он приходил в ночные клубы в компании друзей, в разговоре с которыми щедро и бескорыстно делился достоинствами своих пассий.

Но с недавних пор с Санькой начали происходить тревожные перемены. Пресыщение постепенно заполняло его душу. Даже в постели он перестал получать былое удовольствие. Санька обнаружил, что секс стал настолько пресен, что не мог захватить его, как это бывало когда-то в юности с теми девушками, за кем приходилось ухаживать и кто отдавался ему по взаимному страстному влечению. Иногда Александр Серафимович вспоминал и о Юле Митковой. Очень ему хотелось, чтобы Юля увидела его сейчас, в расцвете его могущества. Санька, правда, вовсе не знал, где эта Миткова, чем сейчас она занимается и как провела все эти годы. Но это не слишком его смущало. С этим он разберется, когда, наконец, встретит ее. А пока Санька с завидным постоянством продолжал пользоваться тем, что было под рукой. Дни сплетались в недели, а недели – в месяцы. Санькины доходы росли, Санькина жизнь проходила. Со своей дочерью Оксаной он виделся все реже и реже. То не было времени у него, то она была чем-то занята. Саньке казалось, что сама Оксана не очень-то стремится к встрече с ним. Может быть, ее настраивала против него Маруся? А может, ее успешный муж хотел полностью заменить Оксане отца? Точного ответа не было. В любом случае, Александр Серафимович стал подумывать о том, чтобы завести новую семью и остепениться.

И вот в одно из посещений ночного клуба с ним произошло некое знаменательное событие. Подойдя к стойке бара, Санька, как обычно, заказал себе виски. Сделав два больших глотка горячительного напитка, он обнаружил наискосок от себя привлекательную блондинку. У нее был благородно вытянутый овал

лица. В отличие от других посетительниц, волосы ее не были распущены, но строго подобраны, открывая на всеобщее обозрение красивые уши блондинки и её длинную шею. Но самое главное в незнакомке было то, что она чем-то напомнила ему девочку из его детства, Юлю Миткову, и, наверное, от этого Санька увидел в ней нечто особенное.

Он стал за ней наблюдать. Девушка сидела одна, без подруг, нервно курила и потягивала молочный коктейль. Это показалось необычно. Редко кто из собиравщихся в маленькие группы посетительниц клуба заказывал себе молочные коктейли. Уверенность в исключительности сидящей за стойкой ночного клуба молодой особы стремительно нарастала в Санькином, быстро мутнеющем от виски рассудке. И через непродолжительное время, за которое он осушил несколько порций, господин Руденко пришел к убеждению, что перед ним девушка его мечты. Грузный Санька встал и нетвердым шагом направился к незнакомке.

Выяснилось, что его избранницу зовут Люба, что ей восемнадцать лет и что она на прошлой неделе приехала из Донецка и собирается покорить столицу. А пока она жила у перебравшейся сюда годом ранее подруги из того же Донецка и находилась в поисках приличной работы. Девушка поспешила заверить Саньку, что в ночном клубе она оказалась совершенно случайно и как раз собиралась идти домой.

Разомлевший Санька обрывисто произносил какие-то фразы о том, что Люба – девушка исключительная, дивная красавица, каких не видывал свет, что столица непременно должна лежать у ее ног, что она не знает себе цены и что она есть алмаз, который требует хорошей огранки. Он поведал ей о том, что является председателем банка и что готов многое для нее сделать, и предложил ей должность своей помощницы.

Слова «алмаз», «хорошая огранка», «председатель банка» произвели неотразимое впечатление на Любу. Да и предложение устроиться на работу в банк понравилось. «Совсем неплохо для начала», – пришло ей на ум. Они еще долго о чем-то ворковали. Под утро перед дверями своей квартиры Люба целомудренно подставила

Александру Серафимовичу щечку, справедливо рассудив, что если в вечер первого же свидания отправиться с ним в постель, как это она запросто делала с молодыми парнями у себя в Донецке, то рыбка может соскочить с крючка. Да и грузный Санька не возбуждал ни намека на страсть в любвеобильной Любе.

Незамысловатый расчет Любы себя оправдал. Проспавшись к полудню – работа в таких случаях могла и подождать, – Санька немедля помчался к своей зазнобе. Он встретил ее у подъезда с огромным букетом алых роз. Люба расплылась в улыбке, а Санька, окинув ее трезвым взглядом, сообщил:

– Сейчас же едем в бутик модной одежды. Я знаю лучший в городе!

Другая девушка могла бы обидеться, Любу же это предложение только порадовало. «Хорошее начало» – промелькнула короткая мысль в ее маленькой головке. И они помчались за покупками.

Санька опустошил полки небольшой, но очень дорогой лавки, и когда счастливая пара, тяжело груженая пакетами, набитыми дорогими шмотками, покидала бутик, весь его немногочисленный персонал, в предвкушении бонусов от произведенных продаж, выстроился в ряд проводить чудаковатого покупателя.

На следующий день Люба появилась у него в банке, а еще через неделю, несмотря на отсутствие образования, которое предполагала такая должность, благополучно оформилась его помощницей. Теперь она была уже не девушка из ночного клуба, а офисная служащая. Александр Серафимович, сама галантность, заваливал Любу цветами, водил ужинать в лучшие рестораны города. Покупал ей модную одежду в самых дорогих магазинах. И через две недели сделал предложение.

Любил ли Санька Любу? Он сам толком не мог разобраться в своих чувствах, но зато твердо знал, что хочет семью и детей. Те женщины, с которыми Санька общался в юности, в большинстве своем превратились в грузных теток и потеряли былую привлекательность. Хотя и сам он был не тот, что раньше: его все реже и реже тянуло на амурные подвиги. Пусть Люба была черным ящи-

ком, содержимое которого могло преподнести ему разного рода сюрпризы в будущем, но зато она была молода, красива и физически привлекательна. Многие Санькины хорошо обеспеченные знакомые побросали своих вечно чем-то недовольных подруг юности и женились на молодых. Так же поступил и его акционер, правота которого во всех аспектах жизни была для Саньки очевидна. Санька никогда не отличался наличием ярко выраженного личного взгляда на жизнь и часто заимствовал его у других людей, находившихся выше него на социальной лестнице. Когда-то это было мнение отца, потом к нему стали примешиваться мнения старших и более сильных товарищей. Позже он стал все больше заимствовать взгляды на жизнь у своих начальников, чутко отслеживая перемены в их вкусах и пристрастиях. Такой взгляд на вещи сильно упрощал ему жизнь. Александру Серафимовичу не надо было раздумывать, прав ли его босс. Соответственно у него не возникало внутренних конфликтов.

И вот сейчас он, наконец-то, мог продемонстрировать своим друзьям по бизнесу, которые по субботам собирались в неформальной обстановке у кого-нибудь в доме за городом, молодую невесту. Теперь он в этом смысле стал как они, «как все». У него теперь тоже молодая жена. От этого Саньке стало хорошо и спокойно. Он уже не раз справлялся у своих более обеспеченных знакомых, понравилась ли им его Люба. Как если бы это была машина, дом, новый самолет или какая другая дорогая вещь. Делал он это самодовольно, ожидая получить утвердительный ответ. И, конечно, получал его. Что же еще можно было ответить на такой вопрос?

Но прозорливый Санька довольно трезво смотрел на вещи, и потому, перед тем как делать предложение Любе, поручил своей службе безопасности провести углубленную проверку своей избранницы. Проверка эта, в сущности, не выявила ничего предосудительного. Обычная семья. Отец – бывший шахтер, мать – учетчица на шахте. Когда-то семья считалась зажиточной. После перестройки с трудом сводили концы с концами. Среднюю школу девочка закончила без каких-либо эксцессов. Приводов в милицию не было. Данные о занятии проституцией и употреблении нар-

котиков также отсутствовали. Вот и все. Можно было жениться. Свадьбу назначили через месяц. К тому времени Люба уже была беременна. Перед свадьбой Санька приобрел огромную квартиру в элитном доме в центре города. Радостное событие отметили мощным застольем на сто пятьдесят человек в одном из лучших ресторанов. А вот запланированный на Лазурном берегу медовый месяц пришлось отложить: Саньку срочно вызвали в банк, где правоохранительные органы проводили обыск.

И вот Санька уже в своем рабочем кабинете разговаривает с майором Исаченко. В его внешности нет ничего примечательного. Человек среднего возраста, среднего роста. Не красив, но и не уродлив.

– Какие обналы, спрашиваете, Александр Серафимович? Не хотите, значит, помочь следствию? – гадливо улыбался майор.

– О чем вы? – притворно возмущался Санька.

– Ну, вы это… того, как знаете. Вот тогда возьмите, ознакомьтесь, – и по приказу майора Исаченко, который уже распоряжался в Санькином кабинете, как у себя дома, внесли несколько туго набитых вещественными доказательствами ящиков.

– Там все, – небрежно указал на них рукой майор, – все подставные фирмы, активно работающие через ваш банк, их печати, карточки образцов подписей, паспортные данные ответственных лиц, бухгалтерские проводки, поручения на переводы. Кстати, кое с кем из них – я говорю о ваших подчиненных – уже была проведена беседа, и они указали на вас, Александр Серафимович. А это уже сговор. Да. Совсем другая статья, я вам скажу, – и майор Исаченко сладко потянулся в кресле. Говорил он все это очень тихо, но в Санькиной голове его голос отдавался раскатами грома.

– Тут и на вашего акционера есть показания. Можете с ними ознакомиться. И, как я понимаю, вы, Александр Серафимович, по большому счету тут ни при чем. Это же все Цапко говорил вам делать. Ведь так? – и Исаченко пытливо заглянул в глаза Саньке.

«Вот оно что! Они не под меня копают, а под Цапко!» – пронеслось в Санькиной голове, и в его душе затеплилась надежда.

– Я надеюсь, что вы, как честный гражданин, все расскажете нам, что и как тут происходит. Какие указания вы получаете от акционера. На какие счета он переводит своровaнные деньги. А то, что вы, Александр Серафимович, честный человек, у меня лично сомнений нет. Да и у моих коллег тоже. Ну, запутался человек немного. Бывает, не в тюрьму же его за это сразу сажать. Хотя это все от вас зависит, сами понимаете, – Исаченко панибратски хлопнул Саньку по плечу.

Санька молчал. С одной стороны, если они действительно копают под Цапко, а сам банк их не интересует, то такая мелкая рыбешка, как Санька, им действительно вряд ли пригодится. А так, скорее всего, и есть. Зачем им банк грохать? С этого им никакого навара. Нет, так они не действуют. Они просто денег хотят. А если это заказ конкурентов или врагов Цапко? Тогда деньги майор уже от них получил. И получит еще больше, если сможет завалить банк вместе с Санькой.

С другой стороны, признайся Санька в том, что исполнял противоправные указания акционера, он бы тут же подпал под статью о сговоре, не говоря уже о том, что сам признавал себя виновным. В то, что этому майору, которого он видел первый раз в своей жизни, можно верить, у Саньки были большие сомнения. Председатель банка никогда еще в таких переплетах не бывал и не знал, что ему теперь делать. Было очень страшно. Но интуиция подсказывала, что так эти дела не решаются, что его лишь хотят использовать, и что ему не надо раньше времени совать голову в петлю, а надо выждать. И Санька молчал.

– Так что, Александр Серафимович, поможете нам? – дружески улыбаясь, спросил майор.

– Я бы рад, но я, право, не знаю, о чем вы… – замямлил Санька.

– Ну, как хотите. Тогда в следующий раз мы будем разговаривать у меня в кабинете. Послезавтра жду вас. А пока ознакомьтесь с этим, – и майор кивнул на ящики с документами, изъятыми в банке. – Это, думаю, поможет вам освежить свою память.

Взгляд майора стал открыто враждебным. Все дружелюбие его куда-то испарилось, и заканчивал он свою речь уже командным тоном.

Оставшись один, Санька беспокойно заходил по кабинету из угла в угол. Он никак не мог поверить, что все это происходит именно с ним. Перед его глазами проплывали его детские годы, потом школа, игра на скрипке, институт, первые годы его работы. Он же всегда был, в общем-то, хорошим мальчиком! Как, как такое могло с ним случиться? Зачем к нему приходил этот майор? Его что, собираются посадить? Нет, его нельзя сажать. Ему нужно бежать, бежать от всего этого ужаса. От транзитов, обналов, откатов. У Саньки на глаза навернулись слезы. И он, как ребенок, тихо заплакал. В чувство его привел внезапно раздавшийся по селекторной связи невозмутимый голос Цапко:

– Саня, здоро́во! Зайди ко мне.

И тут Саньке стало легче. Он почему-то теперь точно знал, что все образуется, что Цапко справится со всеми проблемами банка, а заодно и с его, Санькиными, проблемами.

– Заходи, садись, – сказал Игорь, приветственно обнимая Саньку.

Председатель банка послушно опустился в кресло.

– Дело – дрянь, Саня. Доценко оказался крысой. Это он наезд организовал.

Санька не верил своим ушам. Начальник службы безопасности, человек Цапко, организовал наезд?!

– Да, да. Я сам только сейчас это узнал, когда вышел напрямую на кого надо. Никому нельзя верить, Саня, никому! Я его, суку такую, из говна поднял. Он, сапог такой, на сто долларов жил, когда ко мне пришел. А теперь у него «Мерседес», загородный дом, и ему все мало! Три миллиона у меня вымогает, якобы чтобы отбиться от людей, как его там, Исаченко, что ли, которые на нас накатывают. Деньги, естественно, сам передавать хочет. Но чтобы накатывать, надо знать, как и куда бить! Он им, сука такая, все и открыл. У него же доступ ко всей информации. Ладно, черт с ним. Все равно, даже сейчас это дело напрямую закрыть два миллиона стоит, а не три. Ну, плюс еще триста тысяч зеленых, чтобы самого́ Доценко «по беспределу» закрыть.

– Это как? – не понял Санька.

– Это так, что любого обыкновенного человека за триста тысяч в тюрьме закрыть лет на пять можно. Для тебя это новость, что ли?

– Невиновного? Как это? – не смог скрыть своего удивления Санька.

– Добро пожаловать в реальную жизнь, Саня. А как конкретно – это уж «сапогам» виднее. Кокаин подсунут в карман или поножовщину организуют. Да чего только не бывает! Но не наше это дело. Наше дело, брат, – транзит и обнал. Вон, сколько чиновников наворованные деньги за границу каждый день переводят. В том числе и «сапоги». И получается, что им без нас тоже не обойтись. Мы им нужны, брат, и потому существовали, существуем и будем существовать. Помнишь, как в анекдоте: «Партия была, есть и будет есть». Так и мы. Но это все лирика, сейчас не об этом. Сейчас либо мы его, либо он нас. С двумя лимонами, чтобы дело на банк закрыть, я сам разберусь, а ты триста тысяч, чтобы с Доценко разобраться, полковнику Сердюку сегодня вечером передать должен. Я с ним уже обо всем договорился. Вот, возьми, – с этими словами Цапко открыл сейф и достал оттуда несколько пачек зеленых купюр.

Санька трясущимися от волнения руками пересчитал пачки и положил их в обычный полиэтиленовый пакет.

– Ладно, Саня, дуй скорее, – напутствовал его акционер.

Санька нерешительно замялся в дверях. Видя это, Цапко добавил:

– Ты, Саня, молодец, в трудный момент не дрогнул. Я тебе предлагаю стать моим младшим партнером в банке «Новый путь». Пять процентов акций я тебе передам до конца месяца.

– Спасибо, Игорь, – промямлил Санька.

– Сейчас не до благодарностей. Закрывать его надо, закрывать! Иначе он нас закроет. И никаких акций ты не получишь, а сядешь в тюрьму. Слышишь!

– Мне послезавтра в прокуратуру идти, – сказал Санька.

– Знаю, но до этого доводить не надо. Туда ходить нельзя. Это хана, пойми. Дуй скорее, и ходить никуда тебе не придется, это я тебе говорю, – и Игорь дружески хлопнул его по плечу.

Сидя на заднем сидении своего длинного автомобиля и глядя на пакет с увесистыми пачками долларов, Санька вслух произнес: «Я ли это?» Потом Саньку начали одолевать сомнения. А что, если Игорь его подставляет? А что, если майор Исаченко прав? И надо просто все откровенно рассказать про Цапко, сдать его, да и дело с концом. Вдруг после этого от него, Саньки, и вправду отвяжутся. А если он не сдаст Цапко, может статься, вместо того, чтобы отпустить на все четыре стороны, его, Саньку, сейчас возьмут с поличным при передаче взятки. И тогда уже не отвертеться. И тогда на него все спишут. А Игорь скажет, что он ничего не знал про то, какими темными делишками занимается председатель правления его банка. Скажет: «Давайте обратимся к документам! Чьи подписи на них стоят?» Понятное дело, подписи председателя банка, а не его акционера, который больше года как не числился даже в Наблюдательном Совете банка. Может быть, Саньке следовало прямо сейчас ехать к майору Исаченко? Но машина все продолжала свое плавное движение и, наконец, достигла условленного места. Это был один из тихих переулков в центре столицы.

Черная махина внедорожника полковника Сердюка стояла на оговоренном месте. Санька решил в очередной раз довериться своей интуиции и взялся за ручку двери. Кроме того, опыт подсказывал ему, что люди в погонах, как и все остальные, прежде всего, желают получать деньги, а отнюдь не вскрывать противоправную деятельность разных жуликов. Для того, чтобы сыто жить, надо просто вовремя давать деньги правильным людям. Санька, бросив водителю: «Подожди меня здесь», – вышел из машины и направился к громадине внедорожника. Стекла его были затемнены, и Санька не мог видеть, кто сидит внутри. На Саньку вновь накатили сомнения. Что, если внутри его поджидает группа захвата? И стоит ему с пакетом денег в руках сунуться внутрь автомобиля, как его тут же скрутит несколько здоровых молодцов?

Тут до Санькиного слуха донеслись слова двух поравнявшихся с ним неброско одетых женщин пенсионного возраста:

– Вона, понаставили свои машины на тротуарах, не пройти, не проехать стало, – говорила одна.

– Конечно, им что? Этим толстосумам все дозволено, у них все в жизни схвачено, – вторила ей другая.

Дрожащей от страха рукой Санька потянул за ручку двери стоявшего перед ним внедорожника. Он не знал, как повернется его жизнь в следующую минуту.

Полковник Сердюк находился в автомобиле один. Это был человек лет пятидесяти с большими залысинами, открывавшими его массивный череп. На нем была темная водолазка и черные мятые брюки. Он имел вид человека, бесконечно уставшего от жизни. Они обменялись рукопожатиями и коротко представились друг другу. Саньке стало ясно, что никто не собирается его арестовывать. Беспокойство его быстро улетучилось, и он передал пакет с деньгами.

– Говорил я тогда Игорю, чтобы он был с Доценко осторожнее. Я же его не первый год знаю. Не послушал меня Игорь. А сейчас вон что получилось.

– Так вы закроете его? – осмелел Санька.

– Не волнуйся, закроем.

– Меня тут в прокуратуру вызывают послезавтра, – пошел еще дальше Санька на свой страх и риск. С Цапко они условились, что Санька только передаст деньги.

– Кто? Фамилия? – коротко спросил Сердюк.

– Майор Исаченко. Он ко мне приходил, принес кучу документов, доказывающих мою причастность… – затараторил Санька с надеждой в голосе.

– Не волнуйся, все нормально будет. На его увольнение из органов уже приказ подписан. Хотел, сука, сам по себе работать, а у нас так не полагается. Игорь уже все передал.

– Так мне не ходить?

– Никуда не ходи. Больше тебя никто не побеспокоит. Вот тебе мой номер, это мобильный. Звони, если что, – и полковник протянул руку.

Санька шел к своей машине уверенной походкой. В его поведении произошли чудесные метаморфозы. Это уже был совершенно

другой человек, а вовсе не тот дрожащий субъект, что три минуты назад ощущал неприятную слабость в коленях. Ситуация в корне изменилась. Самого его не арестовали, Доценко должны были на днях закрыть, а проклятого майора Исаченко должны были убрать из органов! В довершение всего у Саньки появился свой прямой контакт в правоохранительных структурах. В результате всей передряги Санькина позиция только упрочилась! Рука провидения не подвела его в критический момент, неожиданно поменяв минус на плюс.

На следующий день в вечернем выпуске новостей промелькнуло короткое сообщение, что некий Доценко задержан при попытке продажи кокаина несовершеннолетним. Еще через пару месяцев появился новый начальник службы безопасности, который так же, как и предыдущий, стал подчиняться напрямую акционеру. Но часть взаимодействия с правоохранительными органами после того случая так и осталась за Санькой. Отныне он регулярно встречался с полковником Сердюком и передавал тому деньги за так называемое «абонентское обслуживание». Во время этих встреч они обменивались информацией, из которой Санька почерпнул для себя много нового. В частности, у него сложилось стойкое впечатление, что сотрудники правоохранительных органов ничего не делают просто так, то есть не исполняют своих прямых служебных обязанностей, если им за это дополнительно никто не заплатит. А поскольку деньги они получали от коммерческих структур, то и получалось, что правоохранительные органы работали на частный бизнес, а отнюдь не на государство. И если теперь Санька слышал в новостях, что где-то кого-то арестовывали за взятки или за экономические преступления, то он твердо знал, что все это результат борьбы различных коммерческих группировок, использующих силовые методы конкуренции. То же самое, как теперь видел Санька, происходило с налоговыми органами, да и с другими регулирующими жизнь государственными службами. Получалось, что все можно было купить. Любые нарушения оставались ненаказанными, стоило только правильно, кому следует, «занести» деньги. Исключения составляли прямые президентские указы. Тут

практически ничего не помогало. С верховной властью ссориться было нельзя, и было это неписаным правилом. Практика показывала, что нарушители этого неписаного закона заканчивали либо в тюрьме, либо, кто поумнее, в изгнании, на чужбине.

Хоть и с запозданием, Цапко все же выполнил данное Саньке в трудный момент обещание и передал ему пять процентов акций банка. Правда, это не сильно отразилось на официальных доходах Саньки. В любом случае дивидендов банк своим акционерам не платил. Те деньги, которые ему были нужны, Цапко выводил через черные схемы, постоянно увеличивая дыру в балансе. Санька тоже не терялся и получал через откаты от выданных кредитов суммы, равные его нескольким официальным годовым доходам. Первое время он получал все деньги наличными.

Но однажды с ним произошел неприятный случай. Несколько лет назад в банке «Новый путь» появился клиент, фирма «Шинатрейдинг», которая, оправдывая свое название, занималась импортом шин. При очередной пролонгации кредита Санька, по своему уже сложившемуся обыкновению, получил от директора фирмы четверть миллиона долларов наличными и спокойно возвращался домой с деньгами. Неожиданно его машину подрезал черный «Мерседес Гелендваген», а второй такой же заблокировал пути для отступления. Из «Гелендвагенов» выскочило несколько крепких ребят с короткими стрижками, один из которых ударил битой по лобовому стеклу Санькиной машины, превратишемуся тут же в стеклянную крошку. Другой бандит разбил стекло задней двери, распахнул ее и, наставив на Саньку пистолет, скомандовал: «Деньги сюда и быстро, скотина!» У Александра Серафимовича сердце ушло в пятки. Председатель банка не привык к такому обращению. Дрожащей рукой он протянул пакет с наличностью. Бандит схватил пакет со словами: «Только пикни, падла, убьем!» После этого все трое сели в свои машины и были таковы. Вся операция заняла у них не более одной минуты. Бандиты уехали, а Санька продолжал сидеть в оцепенении. Так прошло пару минут. Потом он, наконец, расслышал слова своего водителя:

– Александр Серафимович, Александр Серафимович, вам плохо? Милицию вызывать?

– Нет, мне хорошо! – осознав себя целым и невредимым, пошутил в ответ Санька и добавил: – Поехали домой. Милиции не надо.

Пока они ехали, Санька пришел к выводу, что рассказывать о происшествии никому нельзя. Если дело начнет раскручиваться, может запросто всплыть, что у господина Руденко отняли четверть миллиона наличными. А с какой бы стати их ему с собой возить? Как он объяснит это Цапко? Поэтому, подъехав к своему подъезду, он сказал водителю:

– Ты вот что, Данила, поезжай сейчас на ночной сервис и поменяй стекло, сколько бы это ни стоило. И никому ни слова. Нам с тобой еще дальше работать.

В водителе, которому он ежемесячно доплачивал из своего кармана за сверхурочные, Санька был почти уверен. А чтобы такие случаи не повторялись, Санька открыл себе оффшорные счета, и причитавшиеся ему взятки потекли на них в безналичной форме.

Вскоре выяснилось, что фирма «Шинатрейдинг» еще год назад попала в трудное финансовое положение, и ее акционеры договорились между собой ее обанкротить, предварительно, конечно же, тихо выведя все оставшиеся средства. Отчетность, приходившая в банк, равно как и в «налоговую», была, естественно, поддельная. Пролонгация кредита банком «Новый путь» была для них щедрым подарком, дающим им дополнительное время, на который они не надеялись. Но и откаты они платить больше не хотели. Когда на Саньку совершалось вооруженное нападение, акционеры «Шинатрейдинга» как раз садились в самолет, который держал путь по направлению к островам Карибского моря. А отобранные у Саньки деньги пошли на закрытие их долгов перед теми, с кем нельзя было не рассчитаться – достали бы из самой преисподней.

Банкротство довольно крупного заемщика в очередной раз ухудшило положение банка, который и без того являлся объектом виртуальной реальности. Суммарные активы не покрывали и четверти его обязательств. Но Санька уже привык к такой жизни.

Практика показывала, что подобная «пирамида» может существовать очень долго. Миновал уже не один год Санькиного председательства. Он купил себе большой дом. У него родился сын. А его жена Люба полностью освоилась со своим новым положением молодой жены богатого мужа.

Любящая молочные коктейли, какой Санька первый раз увидел Любу, тихая девушка из бедной семьи быстро привыкла к своей новой роли жены банкира и превратилась в принцессу на горошине. Куда бы Люба ни попадала, ей всегда казалось, что окружающие не уделяют ей должного внимания. Особенно страдал от нее безропотный обслуживающий персонал.

Как-то раз, месяца три спустя после их свадьбы, молодая чета с еще одной супружеской парой отправилась на отдых в Дубай. Это была первая в жизни поездка Любы за границу. Но уже на вылете в ресторане ВИП-зала Люба закатила чудовищный скандал. Началось с того, что в наличии не оказалось шампанского «Дом Периньон», а Люба к этому моменту от своей новой подружки, соседки по дому, уже твердо усвоила это название. На предложение заменить его имеющейся бутылкой «Буланже» она капризно скривила губы так, как будто с раннего детства у себя в Донецке только и делала, что дни напролет дегустировала лучшие сорта шампанского. Да и само название было ей пока не знакомо. Когда же выяснилось, что по бокалам шампанское не разливают, а подают только бутылку, раздражению Любы не было предела. Симпатичная официантка, ровесница Любы, на долю которой не выпало счастья подцепить обеспеченного жениха, после нескольких минут унижения убежала в слезах за своим руководством, которого шумно требовала взыскательная посетительница.

– Как со мной разговаривает ваш персонал? – ледяным тоном интересовалась Люба у вытянувшегося по стойке смирно менеджера ресторана.

– Что вас не устроило? – учтиво наклонив голову, спросил он на свою беду.

– Что не устроило? А вам непонятно? У вас в ресторане нет нормального шампанского, которое подают во всем мире. А то,

которое есть, не разливают по бокалам. А девчонка, которая нас обслуживала, вместо извинений, которые должна была принести, стала учить меня жизни. Сказала, что это ваше, как его, «билькинзе» ничем не хуже. Да откуда ей знать, я вас спрашиваю, что лучше, а что хуже. Она что, пила когда-нибудь такие дорогие марки? У нее что, есть деньги на это?

– Я все понимаю, но… – стал оправдываться менеджер, но был тут же перебит новой тирадой.

– Не перебивайте, когда вам говорят. Я хочу, чтобы этой девчонке был сделан выговор по работе. Чтобы она знала, как себя вести с людьми.

Говоря все это, Люба сохраняла каменное выражение лица. Только брови ее ползли все выше и выше, пока не достигли уровня, где высокомерное выражение стало отчасти комичным. Устрашающая мимика была усилена неестественно прямой осанкой юной посетительницы ВИП-зала. И менеджеру стало совсем не до смеха.

– Непременно, – сказал он и быстро ретировался во избежание эскалации локального конфликта.

– И замените официантку. Нам эта истеричка не подходит! – крикнула ему вслед Люба, видимо, запамятовав, что светские львицы, которые ей запомнились по одному из старых английских фильмов, голоса никогда не повышали.

Когда менеджер удалился, товарищ Саньки, который испытывал неудобство в течение всего разговора, пробормотал:

– Можно было бы, наверное, и помягче.

– Помягче? Нет, но они должны же понимать, с кем разговаривают. Да они видели, на какой машине я езжу, в какой квартире живу?

Вежливые приятели Саньки хранили молчание. Что тут можно было сказать? Если разобраться, Люба напрямую высказала лишь то, что многие из них в глубине души сами думали о себе, но в силу полученного воспитания вслух не произносили.

Разумеется, была выбрана самая лучшая гостиница, где стоимость номера за ночь равнялась цене недорогого автомобиля отечественного производства, на котором, лет десять как, ездил отец

Любы. Санька постарался на славу. Но и там Любу почему-то все не устраивало. Портье принес чемоданы недостаточно быстро. Комнату убирали не достаточно чисто. Даже бокалы в ресторане как-то грязновато выглядели. Стоит ли упоминать, что с течением времени тяжелый нрав Любы не становился лучше.

После рождения сына со своей дочерью Оксаной Санька стал видеться еще реже. А потом, как-то само собой, общение это и вовсе сошло на нет. До него доходили слухи, что его первая жена Маруся родила второго ребенка и что она живет в согласии со своим новым мужем, который вполне ее обеспечивает. Ни Саньке, ни Марусе ничего не надо было друг от друга. Они редко вспоминали о своей совместной жизни.

В те счастливые годы Саньке казалось, что все у него в жизни складывается самым великолепным образом. Нашего героя не покидало ощущение, что у него очень много денег. А происходило это по той причине, что рост потребления господина Руденко не поспевал за ростом его же доходов, и в Санькином распоряжении оставалось довольно много неиспользованных средств. Это продолжалось до того момента, пока он случайно не попал в один из личных реактивных самолетов Игоря Цапко, когда они летели куда-то вместе по делам. Вся пропасть, которая отделяла его от действительно богатых людей, вдруг открылась перед Санькой, и, обычно разговорчивый, он даже притих и молчал весь полет.

Большой психолог и чтец человеческих душ, Игорь Цапко заметил молчание своего подопечного и, хлопнув его по плечу, сказал:

– Не боись, Санька. Какие твои годы. Еще и не такое себе заработаешь!

– Это как же это? Мне, между прочим, уже за сорок перевалило в прошлом месяце.

– Есть идея, Саня! Есть идея! Выполнишь – обогатишься.

У Игоря, как у всякого прирожденного бизнесмена, в любой момент голова была битком набита дерзкими идеями, и этим он отличался от управленца Саньки, равно как и от большинства других. Кроме того, воплощая свои, порой казавшиеся другим чистым

безумством, идеи в жизнь, Игорь был готов принимать личный риск, подсчитать последствия которого было невозможно. Зато Цапко с большим трудом давалось правильно выстроить бизнес-процессы в своей раздувавщейся день ото дня империи, нужным образом структурировать задуманные им же сделки. На него это нагоняло тоску, хотя бизнес-империя Игоря настоятельно требовала надзора. И здесь Санька гармонично дополнял своего шефа.

– Какая идея? – поинтересовался Санька.

– Будем продавать банк! Соответственно, ты получишь свою долю.

Санька недоверчиво воззрился на своего акционера. Если бы это не было сказано тем самым человеком, который являлся для Саньки авторитетом, чье мнение он уже привычно стал принимать за собственное, то он бы непременно подумал, что Игорь не в своем уме. Пытаться продавать банк «Новый путь», по Санькиному мнению, было сродни потуге продать дырку от бублика. Недостача в балансе была чудовищной. Деньги эти были выведены из банка и потрачены Игорем на покупку его фермерских хозяйств, офисных центров и на красивую жизнь: яхты, замки во Франции и личные самолеты, которыми он всерьез увлекался. А если прибавить сюда все плохие кредиты, то получалось, что гипотетический покупатель добровольно вешал бы на себя задолженность в полмиллиарда долларов. Где же найдется такой чудак?

– И кто же его купит? – недоверчиво спросил Санька после короткого молчания.

– Эх, Саня, не следишь ты за рынком, не следишь. Сидишь там всё у себя в кабинете, штаны зря протираешь.

Санька сделал обиженное лицо, отчего стал похож на большого ребенка.

– Ладно, я шучу. Слушай, сейчас за сетевые банки типа нашего иностранцы дают по пять капиталов и больше. Слышал о сделке по продаже банка «Новый Кредит»?

Это Санька слышал и даже дивился глупости иностранцев, потому как доподлинно знал, что по своей сути банк «Новый Кредит» ничем не отличался от банка «Новый путь». Но в его голове эта информация с их банком никак не соотносилась.

– А как же мы дыру закроем? – все еще не понимая, спросил Санька.

– Зачтем встречные обязательства, да и все.

– То есть их же деньгами и закроем?

– Можно и так сказать, а сами в ноль уйдем. Все, что больше этой суммы, – считай, твой бонус. В размере пяти процентов, конечно. Соразмерно участию в капитале. Ты же мой партнер.

– Но нам придется раскрывать покупателям всю информацию!

– Ну и что? Раскроем, когда принципиальное согласие будет достигнуто.

Мысль о том, что чистоплюям-иностранцам надо будет рассказать обо всех грязных делишках, повергла Саньку в смятение.

– А если они после этого откажутся покупать банк?

– Не откажутся, Саня. Они сами – такие же жулики, как мы. У них все припомажено да припудрено, но суть от этого не меняется. Большие деньги – это всегда надувательство. Ты ведь до этого встречался с офисным планктоном, вот у тебя и сложилось о них превратное впечатление. А наверху у них все как у нас.

Но Санька все равно не чувствовал уверенности. Высокопоставленные сотрудники Центрального Банка с высоких трибун неустанно заявляли, что будут еще сильнее бороться с недобросовестными банкирами.

– А если они будут нас шантажировать, что пойдут в Центральный Банк и все там про нас расскажут? А если они всё-таки накапают? – спросил он.

– Никуда они не пойдут.

– А если все-таки пойдут и все расскажут?

– В третий раз тебе повторяю, Саня: никуда они не пойдут. А если б даже и пошли? Что с того? И пусть идут. Только себе хуже сделают. У них сделка сорвется. А у нас там все схвачено. Все эти люди, и я говорю не только о Центральном Банке – регуляторы, налоговики, силовики, – которым по закону полагается бороться с нами, на самом деле живут за наш счет, за те откаты, которые от нас получают. Более того, именно они и пользуются нашими услугами. А кто нелегальные переводы их капиталов за границу

организовывать станет, если они нас с тобой удушат? А кто «обнал» для них осуществит? Нет, Саня, все эти люди не меньше нас с тобой заинтересованы в нашем дальнейшем существовании. Было бы по-другому, нас бы с тобой вообще не существовало, – резонно рассуждал его акционер, старший партнер и учитель в широком смысле этого слова.

Игорь вещал, как обычно, спокойно и авторитетно. Его уверенность постепенно передалась и Саньке. И то, что ему пять минут назад казалось нелепой фантазией, теперь обрело в его голове вполне осязаемые очертания. Немалую роль в этом процессе, безусловно, сыграл и обещанный ему бонус от продажи банка.

– Это будет грандиозная афера! – с энтузиазмом проговорил Санька, прищурившись. Громадные кулаки его сжались, а наивный взгляд серых глаз вырвался за пределы иллюминаторов личного самолета его акционера и горделиво устремился в заоблачную даль, где ему на мгновение померещилось великое, но пока еще плохо различимое будущее. Санька подумал, как еще пять лет назад он завидовал часам Муркина. Как это было смешно с высоты его нынешнего полета! Сейчас дело было за малым – как можно дороже продать банк. Нехитрые подсчеты показывали, что тогда он, пожалуй, даже сможет купить себе личный самолет, как у Игоря Цапко.

– Ну вот, так-то оно лучше! – Игорь дружески хлопнул Саньку по плечу. Для этой масштабной задачи ему требовалась искренняя поддержка его младшего партнера, и сейчас он ее получил.

– А вообще-то, вся жизнь, Саня – это большая афера. И лучше в ней быть аферистом, – завершил разговор Игорь словами, которые надолго остались в Санькиной памяти.

Стартовала предпродажная подготовка банка. Были наняты консультанты из первой четверки мировых лидеров в области аудита и консультаций. Они запросили непомерно высокую сумму вознаграждения за свои услуги, но дело того стоило. Пусть сами их консультации приносили мало пользы, зато идти рука об руку с таким именем было залогом успеха. Для начала они провели го-

довой аудит банка, который, к удовлетворению Саньки, не выявил практически никаких серьезных замечаний к деятельности организации.

Потом при их содействии была подготовлена стратегия развития на пять лет вперед. Это была красивая толстая брошюра на английском языке, в которой рассказывалось о том, каким солидным и надежным финансовым институтом является банк «Новый путь», и о том, какие радужные перспективы ожидают его в ближайшем будущем. Любой пользователь этой брошюры также узнавал о высоком профессионализме команды менеджеров, управляющих банком, равно как и готовности акционера в трудную минуту предоставить финансовую поддержку в неограниченном размере. Оттуда же следовало, что вероятность наступления трудной минуты для такого солидного и устойчивого финансового учреждения, каким являлся банк «Новый путь», практически сводится к нулю.

Пролистывая страницы творения именитых консультантов, Санька и его заместитель Роман Писаренко смеялись до слез.

– Нет, ты вот это читал? – тыкая толстым пальцем в одну из страниц, прерывающимся от душащего его смеха голосом спрашивал Санька. – «Одним из важных преимуществ банка «Новый путь» является готовность акционера оказать необходимую финансовую помощь».

– Цапко? Финансовую помощь? Своему банку?! Хороший помощник, нечего сказать. Все, что в банк приходит, он тут же выводит на оффшор. А своих денег он никому не отдает! – вторил своему шефу Писаренко. – Ловко мы их одурачили, консультантов этих. Ничего они так и не поняли!

– Я думаю, все-то они понимают. Ну, может, не все, но многое. Я говорю не о клерках, конечно, а об управляющих партнерах. Просто за те деньги, что мы им платим, они родную маму продадут, – довольно улыбался Санька.

Из трех претендентов на роль организаторов сделки был выбран один из известных голландских банков, точнее, его Лондонское инвестиционное подразделение, комиссионные доходы кото-

рого в случае успешного проведения операции составляли заоблачную цифру.

Все несколько месяцев, пока шла эта работа, Санька в предвкушении большого куша находился в приподнятом, если не сказать, возбужденном расположении духа. С работы он возвращался домой за полночь и, просиживая в офисе все выходные, заставлял то же самое делать и других, хотя его подчиненные от продажи банка ничего не выигрывали, а лишь серьезно рисковали остаться без работы. Все шло как нельзя лучше. Из круга потенциальных инвесторов остановились на двух крупных банках с мировыми именами. Один был из Франции, другой – из Америки. На первых порах покупатели из Америки казались более перспективными. Но после проведения детального аудита они предъявили большие претензии к полученной ими отчетности, а также к низкому уровню ликвидности и платежеспособности банка «Новый Путь».

Игорь только махнул рукой, сказав Саньке на это:

– На себя бы посмотрели, они цену сбить пытаются, и всё. Не на таких напали. Мы что, рынка не знаем, что ли?

Тогда сосредоточились на французах. И после некоторых проволочек дело начало продвигаться тоже очень быстро. Уже обсуждался текст меморандума о намерениях, и оговаривали даты проведения ими детального аудита банка «Новый путь». Но неожиданно пыл французов к скорейшему завершению сделки угас. Пустяковые сложности, которые до этого преодолевались без проблем по телефону, теперь приводили к длительной переписке, которая отнимала много времени. Ключевые лица с французской стороны, от которых зависело принятие решений, почему-то постоянно стали находиться то в отпусках, то в деловых поездках, а то на больничном. Видя такое положение дел, Санька обратился к организаторам сделки, чтобы они на всякий случай подыскали нового инвестора. Те заверили его, что нет ничего проще. Но шли недели, а от них не приходило свежих новостей. Интуиция подсказывала Саньке, что все это неспроста. И как-то раз он заглянул к Цапко поделиться своими опасениями. Тот выглядел как обычно уверенно.

– Затаились французы, говоришь? – переспросил он.

Санька кивнул головой.

– Не мудрено. Похоже, опоздали мы с тобой чуть-чуть. Ценник на банки вниз пошел, – Игорь встал с кресла и энергично заходил по своему кабинету.

– Я тебе больше скажу: похоже, что нас суровые дни ожидают. Смотри: все биржевые индексы который месяц на месте топчутся. Что-то назревает нехорошее. У меня лично такое впечатление, что перекуплен рынок-то, будь он неладен! Как бы сейчас назад все не начало отматываться. Вот это будет дело! Такое может начаться!

Игорь сел в кресло и, потирая щеку, стал озабоченно смотреть в окно.

«Что может начаться?» – подумал Санька. Все выглядело отнюдь не плохо. Да, индексы бирж топтались на месте, пусть это и были их максимальные исторические значения. Ликвидности на рынке тоже пока было в достатке. Ставки, по которым они ежедневно привлекали деньги от других банков, были невысоки. А курс национальной валюты продолжал медленно укрепляться. Саньке не хотелось верить в плохое.

– Твоему бывшему работодателю немцы вчера не пролонгировали миллиардный кредит. А на прошлой неделе то же произошло с нашим ведущим национальным сталелитейщиком. А ты читал о трудностях, постигших крупнейшую американскую ипотечную компанию? – неожиданно коснулся темы американского рынка Цапко.

Санька о трудностях компании читал, но не обратил на это внимания. Как и многие другие финансисты, которые тоже не придали этому событию особенного значения. Но только не Игорь, у которого трудности далекой американской компании почему-то вызывали озабоченность.

– Понимаешь, Саня, речь идет о многомиллиардных суммах. У них там, на Западе, похоже, с деньгами неважно стало. Цепная реакция может пойти. Она уже идет. Знаешь что, Сань: ты подумай лучше о том, как можно укрепить платежеспособность банка.

– Ты что, думаешь, что все так серьезно? – с тревогой спросил Санька, который привык доверять своему акционеру.

– Да не волнуйся ты! Пока еще ничего не случилось, а если и случится, то все равно прорвемся как-нибудь, – улыбнулся Игорь и после небольшой паузы сказал, – и вот что еще, мне тут срочно десять миллионов на оффшор поставить надо. Ты выведи из банка их как обычно.

Игорь дружески обнял Саньку на прощание и подвел к двери кабинета, так что тому ничего другого не оставалось, как только промямлить:

– До свидания.

Указания Игоря, как это уже не раз бывало, противоречили одно другому. Нельзя укреплять платежеспособность банка и одновременно выводить из него все больше и больше денег на свои личные нужды. На какие конкретно – Санька точно не знал, а мог лишь догадываться. Свой бизнес, выходивший за пределы банка, Игорь с Санькой не обсуждал. Бизнес этот был не маленький. В открытой прессе писали, что Цапко постепенно становился крупным игроком на отечественном сельскохозяйственном рынке. Кредитный портфель банка «Новый путь» во многом был сформирован ссудами сельскохозяйственным предприятиям, принадлежащим Цапко, финансовое положение которых в большинстве своем вызывало серьезные опасения. А из статьи в журнале «Форбс» Санька однажды выяснил, что Цапко к тому же является крупным инвестором на западноевропейском рынке недвижимости.

Наступал летний период отпусков. Сделка по продаже банка по-прежнему буксовала. Но кроме этого ничего особенно плохого пока не происходило. Финансовые рынки, словно в ожидании чего-то, топтались на месте. И Санька вместе с семьей уехал в Ниццу на две недели. А после августовского затишья разразилась буря.

К сентябрю одновременно два громадных ипотечных агентства Америки заявили своим кредиторам о необходимости реструктуризации* своих обязательств перед ними и фактически объявили себя банкротами. За одну ночь вскрылось, что огромное количе-

ство американских домохозяйств неплатежеспособны, а отчетность кредитующих их финансовых институтов была признана не отражающей настоящего положения вещей или фиктивной. Инвесторы начали в спешке изымать свои активы. И тут один из столпов мирового финансового рынка, ведущая американская управляющая компания, объявила, что ее отчетность, которую она рассылала своим инвесторам со всего мира, являлась недостоверной уже многие годы. И что миллиардные средства, управлять которыми они ей доверили, растворились неизвестно где. А тот самый американский банк, который, являясь потенциальным покупателем банка «Новый путь», еще несколько месяцев назад, на правах старшего брата, высокомерно поучал Саньку, как правильно следует управлять финансовым институтом, объявил себя банкротом после снятия с его счетов всего-навсего пяти процентов вкладов!

Читая все эти сводки в газетах, Санька думал: «И эти люди учат меня жить! Рассказывали мне о том, как лучше управлять банком! Что значат мои мелкие проделки в сравнении с глобальным мошенничеством заокеанских коллег! Цапко был тысячу раз прав. Это действительно афера мирового масштаба. Глобализация в действии!»

Однако же, несмотря на то, что мировой финансовый кризис начался в Америке, расплачиваться за его последствия, судя по всему, следовало другим странам. И чем беднее была страна, тем выше была плата. Инвесторы со всего мира в панике выводили деньги с развивающихся рынков, одним из которых и являлась Санькина родина. Цена нефти за короткий промежуток времени упала на треть. Биржевые индексы поехали вниз с поразительной скоростью. Все это спровоцировало резкое падение курса национальной валюты Санькиной родины, которая в течение одного месяца потеряла почти половину своей стоимости и продолжала обесцениваться день ото дня. Обезумевшие граждане, вернее, те из них, кому было что терять, выстроились в очереди у обменных пунктов, чтобы хоть как-то спасти свои сбережения. Но самым печальным для Саньки было не это. Спровоцированный оттоком

иностранных вложений, кризис банковской ликвидности* разрастался все больше. В течение нескольких недель ставки на рынке межбанковских депозитов достигли немыслимых величин, но даже по ним невозможно было привлечь средства. Каждый рабочий день Саньки начинался с беспокойных сводок, какой еще банк отказался от пролонгации своего депозита банку «Новый путь».

Санька все дни проводил в переговорах. Ездил по банкам и клиентам, предлагал взятки, просил не выводить деньги из его банка, уговаривал не закрывать лимиты, умолял подождать с представлением векселей к оплате. Но все было безнадежно. Вокруг мелкие и даже средние банки лопались, как мыльные пузыри. И Санька чувствовал, что черед банка «Новый путь» уже не за горами.

– Нам нечем отдавать очередной депозит банку «Правобережный», – сказал Саньке дождливым октябрьским вечером начальник казначейства. Это был молодой человек лет тридцати, субтильного телосложения.

– Так возьми у других, – раздраженно ответил Санька, хотя понимал, что сделать это невозможно.

– Другие тоже не дают. Все закрыли на нас лимиты. Вы же знаете, Александр Серафимович, – ответил казначей, мрачно глядя перед собой в стол.

– Сейчас я позвоню Заворотнюку, пусть пролонгируют депозит хотя бы на неделю, – пробурчал Санька.

Заворотнюк был председателем банка «Правобережный» и Санькиным старым приятелем, с которым они обошли бесчисленное количество ночных клубов и саун. Они вместе делали бизнес, дружили семьями. У кого же еще просить в такой ситуации?

– На неделю точно не пролонгируют, – мрачно глядя на свои руки, сказал казначей.

– Пусть пролонгируют хотя бы на день.

– И это вряд ли, – упрямо промычал казначей.

– Заворотнюк поможет, – пробормотал Санька и стал нервно набирать номер его мобильного телефона. Длинные гудки были ему единственным ответом. Саньке казалось, что вся его жизнь со-

средоточилась в этих гудках. Хмуря брови, он изо всех сил вжимал трубку в свое ухо, как будто это могло спасти дело.

В это самое время Заворотнюк сидел в своем кабинете, пил чай и с недовольством, как смотрят на надоедливую муху, поглядывал на разрывающийся от звонков телефон. Заворотнюк, конечно же, видел, что это звонит его старый друг. Прекрасно знал он и о причине его звонка. Но депозит пролонгировать не мог. Его бы, мягко говоря, не поняли акционеры. По информации, которой он располагал, банк «Новый путь» в ближайшие дни был обречен на неминуемое банкротство, а он, Заворотнюк, и так сильно оплошал, что не забрал свои деньги раньше. И теперь он надеялся, что Санька, борясь до последнего, все-таки найдет средства и вернет ему депозит, а только потом объявит себя банкротом. Но пытаться объяснить все это самому Саньке было глупо. Проще было не снимать трубку. Если Санька выкрутится, то потом всегда можно будет сказать, что пропустил звонок. И неважно, что этих звонков могло быть бесчисленное множество. А если не выкрутится, то трубку снимать тем более незачем.

Пока Санька ожидал ответа, его эмоции претерпели драматические изменения. Чувство надежды уступило место чувству ярости, которое, когда он понял, что Заворотнюк не будет с ним разговаривать, охватило его с неудержимой силой.

– Сука! Попомнит мне еще этот день! – диким голосом заорал Санька и изо всех своих недюжих сил метнул мобильным телефоном в угол кабинета. Продукт высоких технологий, просвистев прямо над макушкой казначея, врезался в стену и с треском раскололся на части. Субтильный казначей в нескрываемом ужасе пригнулся, опасаясь, как бы за телефоном не последовали и другие более увесистые предметы со стола председателя. Видя же, что его шеф просто сидит и вращает белыми от ярости глазами, казначей испуганно пробормотал:

– Я сейчас, Александр Серафимович, сейчас, подберу. Я все соберу, сейчас, не волнуйтесь, – и тут же ринулся исполнять сказанное.

– Сидеть! – по инерции проорал Санька, а потом, посмотрев на своего испуганного подчиненного, добавил спокойнее:

– Не надо – я сам. А ты пока иди и снимай клиентские платежи – за счет них с «Правобережным» расплатишься. Банку нельзя не заплатить – об этом тут же Центробанк узнает, и нас лицензии уже завтра лишат.

Расчет Заворотнюка оправдал себя. Такое поведение было единственно верным в создавшихся обстоятельствах.

– А что потом?

– Потом видно будет, – устало махнул рукой Санька.

Так они продержались еще дней десять, а потом Санька отправился на переговоры в Центральный Банк. Накануне государство объявило о том, что будет оказывать временную финансовую помощь банкам, попавшим в трудное положение. Но в Центральном Банке Саньке разъяснили, что банк «Новый путь» не удовлетворял критериям отбора финансовых учреждений, достойных государственной помощи. В первую очередь в нее попадали государственные банки, которые, как Санька теперь это знал, являлись такими же финансовыми пирамидами, как и его банк, но масштабы их проблем исчислялись суммами, на несколько порядков превосходящими проблемы банка «Новый путь». Санька также не понаслышке знал, что проблемы эти появились не сами собой, а являлись следствием целенаправленного воровства, нити которого уходили на самый верх. Они тянулись к тем, кто назначал руководителей этих банков, то есть в самые что ни на есть высокие государственные кабинеты. И наиболее успешными являлись те руководители, кто мог в полной мере расплатиться за оказанное доверие со своими благодетелями. Именно они оставались у руля. И никакие экономические показатели эффективности тут были ни при чем. Таковы были законы этой системы. И что же, спрашивается, тогда оставалось в ней остальным? Справедливости ради стоит отметить, что заработные платы многих честных служащих были отнюдь не такими уж ничтожными. В целом на них мож-

но было неплохо жить. Путешествовать по свету экономическим классом, тянуть до пенсии лямку ипотеки за добротное, хоть и без излишеств жилье. В общем, жить, как живут миллионы представителей среднего класса развитых стран.

Вечером валящийся с ног от чудовищного нервного напряжения Санька добрался до своего загородного дома и плюхнулся в кресло перед телевизором. С голубого экрана на него полилась речь президента, посвященная финансовому кризису, охватившему страну. Президент негодовал по поводу нечистых на руку банкиров частных, уже обанкротившихся к тому времени, банков. Из всей его речи Саньке почему-то особенно запомнились две фразы. Первая была «жирные коты» – так Президент обращался к банкирам. А вторая – «из глотки вырвем». Под этим подразумевалось, что все наворованное «жирными котами» Президент собирался достать у них из глотки, и, по всей видимости, он не шутил. Президент был человеком решительным.

Санька налил себе стакан виски и залпом осушил его. Потом он машинально подошел к зеркалу и посмотрел на свое толстое холеное тело. Сомнения не было: это он был «жирным котом». Президент обращался именно к нему. И именно у него собирался вырывать из глотки наворованные деньги.

«Но позвольте, – думал Санька, – разве это справедливо? Почему же тогда только у меня? Разве только я один нечист на руку? Почему же тогда не начать доставать из глоток у тех, кто своровал неизмеримо больше, то есть, у приближенных к Власти?»

– Да потому, дурак ты такой, – сам себе ответил Санька вслух, – что вряд ли кому захочется лезть себе в глотку.

Получалось, что Власть с высокой трибуны посылала сигнал, который посвященный в суть процессов распределения материальных благ Санька интерпретировал следующим образом: денег стало меньше, и потому отныне воровать будем только мы. Ну и те, кто стоит с нами у власти. А разные там цапки, саньки и другие толстые коты, которые без нашего спроса пошли на это дело, будут сидеть у нас в тюрьме.

«Но что же было делать тем, кто не попал в команду Власти, хотя и очень этого хотел? – думал Санька. – Таким, как Цапко и он сам? Понятно же, что там на всех места не хватит!» Получалось, что всем другим в лучшем случае отводилась роль скромных и по Санькиным нынешним представлениям низкооплачиваемых тружеников, которым в поте лица надлежало горбатиться на власть предержащих. И за эту роль, между прочим, еще надо было побороться. Такой удел Саньку никак не устраивал. Он даже был ему омерзителен. Вообще-то, никто больше этой роли Саньке и не предлагал. Свой выбор господин Руденко уже давно сделал. И даже пытаться что-либо менять было поздно.

Александр Серафимович в ярости налил себе второй стакан виски и стал думать дальше. Образ Цапко в его голове стал постепенно увеличиваться в своих масштабах и рос до тех пор, пока не достиг очертаний Робин Гуда, пренебрегшего сложившимся порядком вещей и вступившего в неравную схватку с превосходящими его силами противника. Именно на него, на Игоря Цапко, сейчас и была вся надежда. Он мог и должен был спасти свой банк, тем самым спасая и Саньку Руденко. У Игоря всегда получалось выходить сухим из воды, должно получиться и сейчас. Пусть он заведет в банк свои деньги! С этой мыслью Санька и заснул.

– Игорь, если сейчас не перевести в банк хотя бы миллионов двадцать зеленых, то банкротство неминуемо, – говорил своему акционеру Санька на следующий день.

– Откуда я тебе их возьму?

– Продай недвижимость! Продай свои сельхозугодья, продай фермы!

Цапко недовольно посмотрел на своего зарвавшегося подшефного и процедил сквозь зубы:

– Это в мои планы не входило.

– Если накроется банк, тебе тоже не поздоровится!

– Ничего он не накроется, держаться надо.

– Как держаться? Клиентские платежи уже по пять дней задерживаем! – в волнении повысил голос Санька.

– Это, конечно, нехорошо, – констатировал Игорь.

– А что делать? – развел руками Санька.

– И дальше задерживай!

– Куда уж дальше?! На нас в суд собираются подавать! – перешел почти на крик председатель правления.

– Договаривайся, чтоб подождали, – твердил свое Игорь.

– Если не подгонишь хотя бы двадцать миллионов, то завтра крышка, – заключил его подшефный.

– Откуда я тебе их подгоню?

– Недвижимость продай, фермы.

– Сейчас не продается ничего. Ни по какой цене! Не понимаешь, что ли? Все ждут, когда еще дешевле станет!

– А наличность?

– Что тебе моя наличность? Нет у меня никакой наличности. Свои деньги лучше считай, – злобно пробормотал Игорь.

Санька молчал, но и не уходил из кабинета. Он встал с кресла и, насупив брови, стал расхаживать из угла в угол. Игорь никогда не видел у своего подчиненного такого сурового и решительного выражения лица, и ему стало немного не по себе. «А ну как кинется сейчас на меня», – мелькнула тревожная мысль в голове хозяина кабинета. Напряжение в комнате нарастало с каждым мгновением.

– Ладно, продержись еще немного. Есть у меня немного нала. Через пару дней я двадцатку лимонов зеленых смогу подогнать. Мне для этого нужно только в Цюрих слетать. Оттуда деньги выгоню. А ты пока клиентов успокой, – пошел на попятную Игорь.

– Я уже пытался, – промычал Санька.

– С Бериевым говорил?

Бериев был одним из личных клиентов Цапко и держал в банке немалые средства. Санька его видел всего один раз на переговорах в кабинете у своего акционера. Но и одной встречи для осторожного Саньки было вполне достаточно, чтобы избегать с ним любых контактов в дальнейшем. Это был суровый кавказец, по виду бывший борец, с вросшей в широченные плечи маленькой головой и бычьим взглядом черных глаз. Его левую щеку пересекал багровый шрам, а на пальцах правой руки красовались синие наколки. Про-

водить с ним переговоры означало брать на себя личные обязательства перед этим типом, чего Саньке совсем не хотелось.

– Ты же обычно сам со своими клиентами разговариваешь, – уклончиво произнес Председатель.

– Сам, сам… – замахал руками Игорь. – А ты когда дело будешь делать? У меня на все рук не хватает. Мне в Цюрих надо срочно лететь, обеспечивать приток свежих денег тебе в банк. Так что давай, встречайся с ним. Он деньги еще неделю назад хотел забрать. Я его еле уболтал тогда. Теперь твоя очередь. Он в восемь часов вечера придет, а я в это время уже в самолете должен сидеть.

– А двадцать лимонов зелени точно подгонишь? – пытливо глядя в глаза акционеру, процедил Председатель Правления.

– Точно, – буркнул Игорь.

– Через два дня? – не отставал Санька.

– Через два дня.

– Гарантируешь?

– Гарантирую, иди, звони Бериеву. Время теряем впустую. Сейчас каждая минута на счету!

– Ладно, – неохотно согласился Санька.

Он вышел из кабинета своего шефа, обнадеженный его заверениями о скором подкреплении банка деньгами. Но, когда Санька сел за свой письменный стол и уже занес руку над телефоном, чтобы секретарша соединила его с Бериевым, на него вновь накатили сомнения. И вместо того, чтобы просить соединить его с бандитом, он попросил чашку чаю, а сам стал напряженно думать.

Да, Игорю Цапко постоянно сопутствовала удача. Словно невидимым коконом она защищала своего любимца от всевозможных напастей. За десять лет Игорь пережил два покушения, но чудесным образом остался невредим. Один раз в него стреляли из автомата, но все пули почему-то попали в его телохранителей. Другой раз его машину взорвали, но Цапко в тот вечер поехал вместе со своим другом в его машине. Самым же главным было то, что в бизнесе Цапко удавались такие финансовые авантюры, которые не-

минуемо привели бы любых других предпринимателей к полному краху. Это все, конечно, было так. Но из того, что Игорю удавалось выходить сухим из воды раньше, совсем не следовало, что у него все получится и на этот раз. Санькино чутье подсказывало ему, что когда-то этот головокружительный парад удачи должен был завершиться, и очень даже возможно, что это могло произойти именно сейчас.

Частенько до Саньки доходили слухи, что его акционер, мягко говоря, не всегда щепетильно относится к своим обязательствам перед другими. Санька знал это и на своем опыте. Несколько раз Игорь под разными предлогами не выплатил оговоренных бонусов. Возможно, именно нежелание Цапко платить по своим долгам и являлось причиной совершавшихся на него покушений. И теперь, сидя у себя в кабинете, Санька мучительно ломал голову, правду ли говорил ему Цапко час назад? А что, если он собрался пуститься в бега? Для Игоря такой выход из создавшейся ситуации был бы вполне логичным. Банк должен был вот-вот завалиться. А с ним, как ни верти, у Игоря возникнет куча неисполненных личных обязательств перед такими типами, как Бериев. А сколько еще было долгов, о которых Санька ничего не знал? Найдутся ли у него такие деньги? И если да, то захочет ли Цапко с ними расстаться? На Игоря это было непохоже. Если была хоть какая-то возможность не платить, уж кто-кто, а Игорь всегда ее использовал.

А что было на другой чаше весов? Попытка спасти банк? Но обещанные Игорем двадцать миллионов долларов его все равно не спасут, особенно, если начнется паника и мелкие вкладчики прибегут снимать деньги. Стоимость остальных активов Цапко в стране упала в результате кризиса в несколько раз и не сможет покрыть все обязательства банка. Если начнется процедура банкротства, то вскроются все их художества, и тогда вся эта история, скорее всего, закончится для Цапко, так же, как и для Саньки, уголовными делами. И тогда… Об этом было лучше даже не думать. До банкротства нельзя было доводить ни в коем случае. Если только, конечно, не пуститься предварительно в бега! Но если Игорь его обманывал,

то Саньке самому пора было паковать чемоданы. И уж тем более, не встречаться ни с какими бандитами Бериевыми, и не давать им никаких личных обещаний. Настенные часы отмеряли минуту за минутой, а Санька никак не мог найти выхода из ситуации.

«Думай! Думай! Думай!» – бормотал он, сжимая кулаки.

И тут ему неожиданно пришла в голову светлая мысль: а не послать ли на встречу с бандитом вместо себя своего заместителя Романа Писаренко? Тот был отчаянным малым и не раз с готовностью брался за подобного рода дела. Точно! Пусть Роман поговорит с Бериевым! От такой хорошей идеи Санька заметно оживился. Он с чувством удовлетворения несколько раз потер ладонью о ладонь, улыбнулся и по внутренней связи набрал номер своего заместителя.

Того, однако ж, не было в кабинете. Тогда Санька набрал номер его мобильного телефона. Но и тут его поджидало тяжелое разочарование. После длинных гудков до Санькиного уха донесся невнятный голос Писаренко, который с трудом можно было различить из-за громко играющей разудалой музыки.

– Алло, Рома! Слышишь меня? – прокричал в трубку Санька.

– Слышу, Саня, – глухо ответила трубка. У председателя банка с его заместителем уже давно сложились неформальные отношения.

– Рома, где ты? Ты мне срочно нужен! У тебя через два часа переговоры.

В ответ наступила тишина.

Санька, думая, что его не слышно из-за музыки, снова прокричал, и на этот раз уже с угрозой в голосе:

– Ты где, Роман?

– В ресторане я, – раздалось из трубки после паузы.

– Какой к черту ресторан! Бросай все и приезжай в банк скорее! Через два часа переговоры! Судьба банка решается сейчас!

– Не могу я, Сань, сейчас, – голос Романа звучал как-то отстраненно и неуверенно.

– Что такое? Почему не можешь? – в недоумении спросил Санька. Но в его мозг уже прокралась неприятная догадка. Действительно! Он не видел своего зама последние два дня. А теперь еще вся эта

нечленораздельная речь. По всему выходило, что Роман Писаренко уже как минимум второй день находился в состоянии нирваны, вызванной постоянным приемом алкоголя. Такое с заместителем уже случалось несколько раз, и Санька по опыту знал, что никакие угрозы тут не помогут и что вывести его из этого состояния под силу только времени.

– Почему не можешь? – не желая верить фактам, прокричал Санька еще раз в трубку.

– Бухаю я, Сань, извини, – обреченно прогудел Писаренко.

Санька положил трубку. Его заместитель ушел в запой, и с этим обстоятельством предстояло смириться.

Санька в отчаянии схватил голову обеими руками и, раскачиваясь из стороны в сторону, забормотал:

«Что за люди? Что за люди! Боже мой! Ни на кого, ни на кого нельзя положиться. Бежать, скорее бежать отсюда!»

– Вам плохо, Александр Серафимович? Может быть, пригласить врача? – далекий женский голос привел его в чувство. Санька поднял голову и увидел свою секретаршу с подносом в руках. Она тревожно смотрела на своего шефа, в нерешительности стоя посередине кабинета.

Санька посмотрел на нее отсутствующим взглядом и сказал, что все в порядке, что это обычная усталость и сейчас все пройдет. На его устах промелькнуло даже некоторое подобие вымученной улыбки. Когда секретарша ушла, Санька вернулся к своим мыслям.

Бежать, допустим. Но куда? В Европу. Нет, лучше, наверное, в Лондон. Англия не выдает преступников другим странам. Но на что там существовать? Привыкший жить сегодняшним днем, Санька не был готов к такому сценарию. Он прикинул, какие средства у него были в распоряжении. Картина получалась неприглядная. Вся его наличность, размещенная на депозитах в банках, не превышала и трехсот тысяч долларов. Да, у него имелся большой и красивый загородный дом, который он приобрел за два с половиной миллиона зеленых. Эх, как бы они сейчас ему

пригодились! Но этот дом в настоящий момент нельзя было продать и за половину цены его приобретения. Хуже того, быстро реализовать его, судя по всему, было невозможно. С роскошной квартирой в центре столицы, кредит за которую он исправно погасил за неделю до этого, была та же история. Получалось, что денег на то, чтобы жить за границей с семьей, у Саньки не было. А без них он был там никому не нужен. Значит, и выбора у него не было. Все, что ему оставалось – это бороться за банк и верить Цапко. А следовательно, вечером надо встречаться с Бериевым.

Санька проследовал в туалетную комнату и несколько раз обдал лицо холодной водой. Посмотрел на себя в зеркало и поправил галстук. Он был готов продолжить борьбу за свое существование.

Через два часа благоухающий дезодорантами Санька отправился на судьбоносную встречу. Бандит с готовностью согласился приехать в банк, чтобы прояснить судьбу своих денег.

– Господин Бериев, меня зовут Александр Серафимович. Я председатель банка, – приветствовал клиента Санька, входя в переговорную.

– Здравствуйте, Александр Серафимович. Мы с вами виделись как-то. Разве не помните?

– Как же, как же. Я это так, на всякий случай. Думал, может, вы запамятовали, – приторно улыбаясь, затараторил Санька.

– Память меня, слава богу, пока не подводит. А где же ваш акционер? Что, не хочет со мной говорить? – в голосе Бериева зазвучал сарказм.

– Нет, что вы, ему действительно надо было срочно улететь в Цюрих по делам.

– Как – уже в Цюрих? А мне казалось, что у него и здесь дел сейчас не в проворот. Вот, второй день не могу средства со счета вашего банка снять. Хотел с ним посоветоваться, как быть дальше, – Бериев говорил очень спокойно, но в воздухе почему-то повисла угроза.

– Видите ли, уважаемый господин Бериев…

– Зовите меня Аслан, – прервал его посетитель. Бериев, несмо-

тря на свою непривлекательную внешность, был очень вежлив. Говорил он тихим голосом, но от взгляда его стальных глаз Саньку брала оторопь.

– Спасибо, а меня тогда – Александр. Аслан, мы просим вас войти в положение и подождать с выводом денег из банка.

– Кто это «мы», Александр, я что-то не понимаю?

– Мы – это банк, финансовый институт.

– Нет, Александр, я так не понимаю. Финансовый институт, банк, – и бандит повел рукой в сторону, – это очень много людей. Но я не могу разговаривать со всеми. Я так не привык. До этого я обычно разговаривал с Цапко. И я понимал, что это он *отвечает* за мои деньги. Теперь его нет. И у меня есть опасения, что он не вернется. Сейчас я говорю с вами. Значит, теперь вы будете отвечать за мои деньги?

– Я как председатель в рамках закона возглавляю финансовую организацию, в которой вы держите деньги. Таким образом, я хотел бы попросить вас о рассрочке ваших требований хотя бы на несколько дней, – пытался уйти из неприятного русла личной ответственности, в которое зашла беседа, Санька.

– Хорошо, значит, я правильно понял, теперь вы, Александр, отвечаете за мои деньги.

При этих словах Бериева Санька поперхнулся и торопливо начал было снова объяснять, что он, конечно, отвечает, но только в рамках закона, как председатель банка, и все такое прочее. Но Аслан спокойно перебил его:

– Хорошо, хорошо. Я понял: вы, Александр, как председатель, отвечаете передо мной за мои деньги. И это хорошо. От вашего акционера я ничего не мог добиться целый месяц. Но теперь я вижу: мне есть с кем разговаривать. Тогда к делу. Так на какое количество дней вам нужна рассрочка?

– На семь дней, – сказал Санька упавшим голосом.

– Хорошо, через семь дней вы, Александр, мне отдадите мои деньги.

– Само собой разумеется, банк же вам должен. И банк, и его акционер, Игорь, мы все сделаем, чтобы… предпримем, так ска-

зать, усилия… мы можем подписать соответствующие документы от лица банка…

– Не нужны мне никакие документы, просто вы, Александр, вернете мне мои деньги через семь дней, да и все.

– Но как же, документы – это гарантия…

Но Аслан его больше не слушал. Ему не нужны были гарантии. Он неторопливо встал, расправил свои широченные плечи и молча вышел. Санька остался в переговорной один. Несколько минут он вертел между пальцев перьевую ручку, которую непонятно для чего вытащил из внутреннего кармана пиджака, и тупо смотрел в стену.

Дело приняло очень плохой оборот. Санька понимал, что все его пространные пояснения Бериев истолковал самым неприятным для Александра Серафимовича образом. В понимании бандита Санька теперь лично отвечал за его деньги. Хорошо бы было пойти и теперь же отдать распоряжение казначею перечислить все деньги этому опасному типу. Но в банке их не было. И кроме как от Цапко им больше неоткуда было взяться. Оставалась, правда, еще слабая надежда на поступления клиентских средств по торговым контрактам. Но это были небольшие суммы, которые не могли спасти дело. Санька махнул на все рукой. Был поздний вечер, и в банке делать ему было больше нечего. Все, что мог, он уже сделал, а там – будь, что будет. Он сел в машину и сказал водителю, чтобы тот вез его домой.

Машина тронулась с места, и тут же зазвонил мобильный телефон. От неожиданности Санька почувствовал неприятное покалывание в области сердца.

«Кого это еще черт несет?» – подумал он с раздражением и поднес трубку к уху.

– Санечка! Как ты? Ты живой! С тобой все в порядке?

– В порядке я, в порядке, мама, если это так теперь называется, – устало проворчал Санька.

– Ты точно в порядке? Саня, ты меня не обманываешь? Ты где сейчас?

– В машине домой еду. Да что случилось-то? Что ты так разволновалась?

– Только что по телевизору передали, что на председателя совета директоров банка «Новый путь» совершено покушение! И что он убит! Но ведь это же твой банк, Саня? Ты и есть его председатель. Или тут какая-то ошибка?

Саньке вдруг стало очень жарко. Он достал платок и вытер испарину со лба.

– Я председатель правления, мама, а не совета директоров… – и после паузы добавил, – со мной все нормально, я тебе перезвоню, пока.

«Что за ересь! Покушение на Цапко? Но он давно уже не председатель совета. Или, может, журналисты опять все перепутали? Ладно, сейчас разберемся», – понеслись тревожные мысли в голове Саньки, и он включил телевизор. Ему пришлось переключить несколько программ прежде, чем он попал на нужную.

На фоне развороченного взрывом внедорожника охраны Цапко молодая журналистка бойко сообщала: «Я веду репортаж непосредственно с места событий. Час назад именно здесь было совершено покушение на известного бизнесмена и банкира Игоря Цапко. Среди прочих активов ему принадлежал банк «Новый путь». Прямо за мной вы видите машину, в которой ехал бизнесмен, когда его настигли гранаты, выпущенные из гранатомета. Стреляли профессионалы, и по всей вероятности, с расстояния не более двухсот метров. Игорь Цапко получил ранения, несовместимые с жизнью, и скончался до приезда скорой помощи. По имеющимся данным бизнесмен направлялся в аэропорт, чтобы на личном самолете вылететь в Лондон».

– Они, наверное, что-то путают. Это же машина его охраны, в которую попала граната! Он должен быть жив! Вон же его «Мерседес» стоит рядом нетронутый! – с надеждой подумал Санька. Он взял телефон и набрал номер начальника службы безопасности.

– Убили Игоря, Александр Серафимович! Убили! Убили! – прокричал тот.

– Но ведь его «Мерседес» остался нетронутый! Я видел! – в отчаянии заорал Санька.

– Что с того? Последний месяц он часто садился то в одну, то в другую машину сопровождения. Угрозы получал. Знал, что пасут его. Но до последнего тянул. Думал, рассосется само собой. И вот когда уже до Лондона оставалось каких-то несколько часов, это случилось!

– Какой Лондон? Он же в Цюрих лететь должен был? – машинально спросил Санька.

– Что он в этом Цюрихе забыл. Я-то уж знаю, куда он летел. Я лично поездку готовил. Но какая сейчас разница, куда он летел! Цюрих, Лондон... Нет больше Игоря с нами, Александр Серафимович, нет! – начальник службы безопасности разъединился.

«Э, нет! Разница, куда он летел, как раз таки есть! – размышлял Санька, который почти полностью пришел в себя после первого шока от суровых новостей. – Если Цапко летел не в Цюрих, то получалось, что он и не собирался вовсе переводить деньги на подкрепление банка. Вместо этого Цапко, по всей видимости, хотел со всеми деньгами, которые он «спиливал» все эти годы, скрыться в Лондоне, попросив там политического убежища на случай, если банк накроется и возбудят уголовные дела. А из Лондона никого из богатеев не выдают. Игоря давно уже одолевали угрозы от типов вроде Бериева, чьи деньги он отдать не мог, да и не хотел. Кто-то из них, а может, как раз Бериев, потеряв последнее терпение, собрался припугнуть своего должника, взорвав машину сопровождения. Но прозорливость Игоря сыграла с ним на этот раз дурную шутку. Он пересел из своей машины, в которую никто и не собирался стрелять, как раз в ту машину охраны, подрыв которой, по замыслу его кредиторов, должен был стать всего лишь предупреждением серьезности их намерений. Кто же будет убивать своего должника, не получив предварительно с него всю сумму долга?»

Что теперь ни говори, факт оставался фактом. Игорь мертв. И это конец всему. По приезде домой председатель банка «Новый путь» достал бутылку виски и с интервалом в десять минут опро-

кинул стакан темно-желтой пахучей жидкости, что не принесло ему никакого облегчения. Зато Санька немедленно отключился и беспробудно проспал всю ночь.

С утра не подозревающая о неприятностях мужа Люба – Санька никогда не делился с молодой женой рабочими новостями– поинтересовалась, будет ли он, как обычно, кофе со сливками, свои любимые сосиски и яичницу-глазунью. Санька ненадолго задумался. Перед его глазами вдруг всплыла суровая физиономия Бериева, его квадратная голова, вросшая в плечи, толстые пальцы в наколках, и он сказал:

– Знаешь что, Люба, тебе с Кириллом – так звали их сына – стоит поехать за границу, отдохнуть месяц-другой.

– Чего это вдруг? Я не хочу никуда ехать. Я прохожу сейчас курс омоложения: хит сезона для тех, кто не знает, – беспечно прощебетала Люба.

– Курс омоложения подождет. Возьми билеты и сегодня же улетай, – сказал Санька механическим голосом, думая о чем-то своем. Потом он залпом выпил чашку черного кофе без сливок и встал из-за стола.

– Что значит, подождет? Почему ты распоряжаешься моим временем? Почему это я должна ехать куда-то? У меня другие планы! – запротестовала Люба, но, поймав на себе тяжелый взгляд Саньки, осеклась и замолчала.

Под завистливые взгляды случайных прохожих тяжелая туша Санькиного черного представительского автомобиля плыла по улицам города. На его пути довольно часто попадались вывески отделений банка «Новый путь», тут и там виднелась пестрая реклама, навязчиво доносящая до населения неоспоримые преимущества его банка перед конкурентами, главным из которых являлась надежность.

«Не убежишь! Не скроешься!» – мрачно думал Санька. А в недалеком прошлом все эти атрибуты империи Цапко внушали Саньке чувство собственного величия. Он был председателем всего этого добра! Сейчас же ему хотелось спрятаться, сжаться в комочек,

стать маленьким-маленьким, а еще лучше – совсем невидимым. И чтобы все вдруг забыли, что это он, Санька, является председателем банка «Новый путь». Он с тоской думал, что совсем скоро, возможно, даже уже завтра, у дверей этих многочисленных отделений выстроятся очереди из разгневанных вкладчиков, которые будут отчаянно пытаться вернуть свои деньги, и отвечать перед ними будет теперь только он. Больше некому. Цапко мертв. А от его заместителей, главного бухгалтера, начальника службы безопасности и иже с ними, толку не будет никакого.

Первым, кого Санька увидел у себя в приемной, был казначей.

– Добрый день, Александр Серафимович, нам на счета упало несколько миллионов поступлений в пользу клиентов. Я хотел с вами согласовать очередность платежей. Сегодня у нас по плану в первую очередь налоговые платежи, а также переводы тем клиентам, которым мы на несколько дней уже задержали выплаты. Вот их перечень, – и казначей передал Саньке список.

Санька задумчиво отодвинул протянутый ему листок бумаги в сторону и медленно произнес:

– Это хорошо, что пришли деньги. Плохо только, что их мало. Ты вот что. Ты всю сумму переведи фирмам Бериева.

– Но вы же вчера договорились с ним об отсрочке на неделю, а у этих клиентов, которые в моем списке, просрочка уже больше пяти дней. Они теперь могут пойти в суд и подать на банкротство. А налоговая?

– А я тебе говорю: переведи все деньги фирмам Бериева. Ты новости смотрел?

– Нет, а что там? Я с самого утра у вас в приемной.

– В приемной он! Цапко убили. Сейчас физические лица в кассы банка ломанутся свои деньги снимать. Через неделю от банка в любом случае камня на камне не останется.

Казначей побледнел и молча вышел. А к концу дня стали поступать сведения о массовых снятиях наличных со счетов физических лиц. К утру следующего дня у всех отделений банка «Новый путь», как и предполагал Санька, выстроились очереди разгневанных вкладчиков, тщетно надеющихся спасти свои сбережения. Позд-

но! Сбережения их уже давно находились совсем в другом месте. А те незначительные суммы, которые по инерции падали на счета банка в пользу других клиентов, Санька без промедлений переводил Бериеву. Но полностью закрыть перед ним долг не успел. Совсем скоро в банке была введена временная администрация Центрального Банка. Санька был лишен права подписи и отстранен от руководства, как и все верные ему сотрудники. Очень скоро выяснилось, что кредитный портфель банка «Новый путь» являет собой мыльный пузырь, и, соответственно, что долгое время вся банковская отчетность фальсифицировалась. Прямая ответственность Саньки за все эти противоправные деяния ни у кого не вызывала сомнений. Встал вопрос о возбуждении уголовного дела. Началась процедура банкротства банка.

Но и Санька не сидел сложа руки. Охватившая его паника быстро прошла, и на ее место пришла спокойная и даже несколько отстраненная сосредоточенность. В эти трудные дни его впервые посетило странное ощущение, что он как бы наблюдает за своими действиями со стороны. Он будто бы парил над действительностью, а все события происходили как-то замедленно. Возможно, такие изменения постигли его восприятие под влиянием кокаина, который он в небольших дозах стал употреблять со дня своего отстранения от должности. Это произошло совершенно случайно. К нему в загородный дом приехал казначей, чтобы согласовать свои действия при даче показаний. Люба с сыном были за границей, и в доме никого не было. Санька предложил ему выпить виски. Казначей же, достав из кармана завернутый в пакетик белый порошок, сказал:

– Может, лучше нюхнем, Александр Серафимович? Продукт чистый. А нам сейчас свежая голова нужна, а после виски похмелье.

Санька с опаской относился к наркотикам.

– А не подсядешь на это? – спросил он с сомнением.

– Да нет, что вы, – ответил казначей, почувствовав свое превосходство в знании этой стороны жизни.

– А ты это часто?

– Раз в недельку, не чаще.

– И что, зависимости нет?

– Да будет вам, Александр Серафимович! Какая к черту зависимость?

«А что мне зависимость? Весь мой мир рушится. Не сегодня-завтра в тюрьму посадят!» – подумал Санька и нюхнул дорожку вслед за казначеем. Через пять минут его охватила приятная эйфория, тревоги ушли куда-то вдаль, а ситуация перестала казаться неразрешимой. Он нюхнул еще дорожку и еще. И тут в его голову пришла одна мысль. Санька быстро попрощался с казначеем, позаимствовав у того часть белого порошка. Когда дверь за ним закрылась, Санька взял трубку своего мобильного телефона. Он набирал номер Аслана Бериева, от которого в страхе скрывался уже целую неделю, не отвечая на его звонки.

– Это хорошо, Александр, что ты позвонил, – раздался в трубке голос с сильным кавказским акцентом, – а я уже подумал, что ты, как твой бывший шеф, соскочить хочешь.

– Нет, что вы, я ничего такого и не думал. Я же порядок знаю, – торопливо затараторил Санька.

– Приезжай завтра утром ко мне, – и Бериев назвал адрес, а потом, как будто вспомнив что-то, добавил:

– Только в машину свою не садись, не надо.

– А как же я доеду?

– Я пришлю тебе машину с водителем.

– Мой адрес… – произнес Санька.

– Не надо адрес. Он знает, куда ехать. Завтра в девять.

– А почему не надо в машину свою садиться? – в тревоге спросил Санька, но Бериев уже разъединился.

«Неужели они заминировали мою машину? Неужели они собирались меня взорвать?» – в отчаянии подумал Санька, хотя именно такого развития событий он и ожидал. После всех переводов банк «Новый путь» остался должен Бериеву пять миллионов. Таких денег у Саньки не было. А председателем он уже не являлся и не мог воздействовать на текущие выплаты. И было совершенно очевидно, что после окончания процедуры банкротства Бериев не получит ничего.

Санька отправился спать, но стоило ему закрыть глаза, как под воздействием кокаина они непроизвольно открылись. Даже после дозы снотворного сон пришел к нему только глубоко за полночь.

Проснувшись от будильника в семь утра, Санька почувствовал себя разбитым и опустошенным. В его памяти всплывали ужасные события вчерашнего вечера. Вспомнил он и о том, что его машина заминирована, и о том, что сейчас ему пора собираться на встречу с Бериевым. Что он, Санька, этому бандиту скажет? Что у него нет денег? Но разве для подобных типов это аргумент? Тогда зачем вообще к Бериеву ехать? Чтобы получить пулю в лоб? А вдруг будут пытать? Не будет ли правильней отправиться напрямую в аэропорт? Но куда лететь без денег? Влачить за границей жалкое существование? Но, может быть, лучше влачить жалкое существование, чем гарантированно получить пулю в лоб? Санька снова стал склоняться к мысли о бегстве.

Привычная чашка кофе не принесла облегчения. Давящая тоска не покидала его, пока он не вспомнил об остатках белого порошка, оставленных ему казначеем, и не нюхнул одну дорожку. Его голову тут же оставила свинцовая тяжесть, которую сменило беззаботное легкомыслие. Бериев перестал казаться ему таким уж жутким. В конце концов, он тоже был человеком. Саньку охватила уверенность, что он сможет его убедить. В чем конкретно, Санька пока не знал, но это было не так уж важно, и он, напевая свою любимую песню «My Way», отправился в душ. Через час благоухающий одеколонами, гладковыбритый Санька, миновав многочисленную охрану, входил в двери громадного безвкусного дома из красного кирпича. Его провели в столовую, своими размерами напоминающую футбольное поле, где во главе длинного стола в полном одиночестве заканчивал завтракать бандит Бериев.

– Садись, Александр, – сказал хозяин дома и пальцем указал на стул, стоявший от него по правую руку. Только тут Санька заметил, что Аслан как-то само собой перешел на «ты» и что это почему-то не вызывало у него внутреннего неприятия.

– Ну, что будем делать, Александр? – и черные, как маслины, глаза Бериева мрачно уставились на Саньку.

– Понимаете, я все сделал, чтобы вывести ваши деньги из банка. Казначей может подтвердить. Все, что приходило в банк, я сразу же переводил на ваши фирмы. Но сейчас я уже ничего не могу. Меня отстранили от должности. А потом, это ведь не я у вас их брал, а Цапко.

– Это верно, но ты мне пообещал, что вернешь все через неделю, и поэтому я их оставил в банке. Понимаешь?

– Но тогда в банке все равно уже ничего не было. Все, что мог, я и так потом перевел. Вы же знаете.

– Знаю. Но остальное все равно отдавать надо.

– У Цапко много чего есть.

– А что у него есть?

– Пять свиноферм.

– Их три недели назад на моего брата переписали. За долги, – махнул рукой Бериев.

– Офисная недвижимость…

– Она за долги собственникам банка «Днепродзержинский» две недели назад отписана. А еще долгов у твоего шефа на четыреста миллионов зеленых осталось. Конечно, у него есть недвижимость за границей, но ее на всех не хватит. В целом вся его империя – это мыльный пузырь. Когда-то он должен был лопнуть. Вот и лопнул. Ты думаешь, почему он в бега подался? Но ты о себе подумай, как отдавать собираешься?

Санька задумался, но ничего в голову ему не приходило.

– Ладно, Александр. Я тут один банк собираюсь купить. Он мне кое для чего нужен. А управлять им некому. Нет у меня банкиров проверенных своих. Понимаешь? Становись его председателем. За пару лет долг отработаешь, – пробасил Аслан после долгой паузы.

Санька воспрял духом, но потом закачал головой и ответил:

– Я готов, но на меня же уголовное дело должны открыть. Того и гляди, в тюрьму закрыть могут.

– Ну, это твои вопросы. Решай их, а потом приходи. Имей в виду, что за тобой долг. Через неделю жду тебя.

По возвращении домой Санька набрал номер полковника Сердюка. Вечером того же дня он сидел в его огромном черном внедорожнике и рассказывал о постигших его несчастьях. Полковник Сердюк внимательно выслушал его и коротко спросил:

– Ты чего от меня хочешь?

– Чтобы на меня уголовное дело не заводили. А еще лучше, чтоб никаких дел не заводили. Это как, можно?

– Можно. Два миллиона, – ответил немногословный Сердюк.

– А дешевле можно?

– Дешевле никак. Как бы дороже не вышло.

– А от чего это зависит?

– Если тебя заказывать начнут.

– Типа, как мы Доценко заказали? – забеспокоился Санька.

– Ну да, типа того. Есть у тебя недруги?

– Если только кто из обиженных кредиторов, – предположил Санька.

– Это уж тебе виднее, – безразлично ответил Сердюк. Он был человеком дела и не любил тратить время на пустые разговоры.

– Когда деньги приносить?

– Завтра.

– Завтра не успею собрать.

– Это плохо – начинать надо было вчера. Усложняешь ситуацию.

– А можете пока так начать, а я деньги потом поднесу?

– Тут цепочка людей вовлечена. С тобой случится что, кто рассчитываться с людьми станет?

Убийственная, в буквальном смысле этого слова, логика полковника была неоспорима. Если даже такие крупные бизнесмены, как Игорь Цапко, не могли поручиться за свою жизнь, где уж было Саньке, который после отстранения от должности неожиданно ощутил собственную ничтожность и незащищенность. Раньше в его распоряжении была огромная организация, от внешнего мира

он был защищен ее толстыми стенами. После ее банкротства он был предоставлен сам себе.

– Ладно, до конца недели деньги будут, – кивнул головой Санька. Он вышел из машины полковника и пересел к себе. Подручные Аслана разминировали ее и заверили Саньку, что ездить на ней теперь ничуть не опасно.

Безработному Саньке нужно было срочно где-то раздобыть два миллиона долларов. При этом риск, что и эти деньги не спасут его от карающей руки всевидящей Фемиды, все равно присутствовал. Тот же Сердюк мог запросто и совершенно безнаказанно его обмануть. Теперь, когда за Санькой не стояли ни Цапко, ни мощная структура банка, с ним, как это ни печально было признавать, могло случиться все что угодно.

Думая так, Санька почувствовал, как голова его снова наливается знакомой свинцовой тяжестью безысходности. Он достал заветный белый порошок и втянул носом одну дорожку. Голова его быстро просветлела, и мир перестал казаться столь мрачным. Все было совсем не так уж плохо. Он худо-бедно уладил проблемы с Асланом. По крайней мере, этому бандюку совершенно незачем было его теперь убивать. А у Саньки была перспектива заработать немалые деньги. Пусть его только назначат председателем, а там уж он разберется. О том, под какими документами ему придется ставить свою подпись, он предпочитал пока не думать.

С силовиками вопрос тоже, скорее всего, решался положительно. Конечно же, на следующей встрече, при передаче денег, Сердюку надо будет сказать, что он теперь работает с Бериевым и должен вот-вот возглавить одну из его структур. Соответственно, если Сердюка уже и посетили мысли безвозмездно прикарманить его два миллиона или еще хуже – после получения денег на всякий случай вовсе ликвидировать Саньку, то, имея такую информацию, он сто раз подумает, нужны ли ему дополнительные сложности в жизни. Бериев был человеком авторитетным. Да и с самим Санькой у них теперь может продолжиться выгодное для Сердюка сотрудничество, как было раньше.

А что до двух миллионов, то здесь тоже было не все так плохо. Загородный дом Саньки и его городская квартира пойдут в обеспечение его долга. Вот только перед кем? Он стал припоминать всех своих знакомых бизнесменов средней руки и поочередно звонить каждому из них, сжато излагая суть дела. На шестом звонке Саньке повезло. Некий Рустам был готов выдать ему требуемую сумму, но совсем ненадолго. Санька облегченно выдохнул. На Рустаме его список потенциальных кредиторов, вообще-то, заканчивался. Чем он будет отдавать долг в конце оговоренного срока, Санька не знал. Но сейчас ему было не того. И он пообещал своему кредитору, что деньги будут уплачены согласно договоренности. После чего отправился оформлять залог в пользу Рустама на все свое недвижимое имущество.

Так, волею судьбы в короткое время Санька кардинально изменил свой подход к жизни. Если раньше он принимал на себя только те обязательства, которые был в состоянии исполнить, то теперь он раздавал направо и налево обещания, пути исполнения которых были ему неведомы.

Не дожидаясь конца недели, Санька с чувством выполненного долга отправился к Бериеву на доклад. Тот внимательно выслушал его и сказал:

– Это хорошо, но я навел справки: после банкротства быстро твою кандидатуру в Центральном Банке все равно не согласуют.

Тяжелый взгляд бандита не сулил Саньке ничего хорошего.

– Им надо просто заплатить, – забеспокоился Санька, который преднамеренно умолчал об этом «мелком» обстоятельстве, когда они беседовали с Бериевым в прошлый раз.

– Это так, но это дополнительный расход. За чей счет? И кто будет решать?

– Дайте мне в долг, а я сам все порешаю.

Бериев задумался.

– Хорошо, я дам тебе в долг. И вот еще что: мое имя не должно никак упоминаться в связи с деятельностью банка. Это может затруднить покупку. Поэтому тебя, как владельца, придется поставить.

Данное условие только усугубляло ответственность Саньки в случае появления неприятностей у банка, который он собирался возглавить. Но деваться ему было некуда, и Санька тут же дал согласие.

– Хорошо, – сказал Бериев. – Имя банка – «Надежный». Завтра я пришлю тебе юристов, чтобы оформить на тебя право собственности, а со следующей недели приступай к новой работе. Получать указания будешь либо от меня, либо от Славы Калинчатого, – с этими словами Аслан снял трубку телефона и распорядился пригласить своего подручного в кабинет.

Минуту спустя в дверях появился Слава Калинчатый. Это был человек среднего роста, лет сорока пяти. Внешность у него была самая невыразительная. На устах играла гадливая улыбочка. Руки его были испещрены наколками. При разговоре с ним возникало ощущение, что этот человек только что вернулся из мест не столь отдаленных. Таких Санька обычно опасливо сторонился. И сейчас ему потребовались усилия, чтобы скрыть свою антипатию, смешанную с боязнью. Они пожали друг другу руки, и Калинчатый быстро перешел к делу:

– Тема у нас будет обычная: обнал и транзит. Я буду подгонять клиентов. Надеюсь, у нас проблем с тобой не будет.

При этих словах Санька энергично закивал головой, давая понять, что с ним проблем быть не может.

– Ты, главное, людей надежных подгони, а то ребята, которые там сейчас работают, похоже, с этой темой плохо знакомы. Вот они концы с концами свести и не могут. Мы у них задаром банк берем, – завершил разговор Калинчатый и, по кивку головы Бериева, вышел боком из кабинета. Было заметно, что Калинчатый боится своего босса.

Тем же вечером, сидя перед экраном компьютера, Санька изучал официальную отчетность банка «Надежный». Это было очень маленькое финансовое учреждение, у которого не было никаких перспектив. Из слов Калинчатого Санька сделал вывод, что перед скорым неминуемым банкротством банка «Надежный» Бериев, путем проведения незаконных операций, собирался выжать из

него солидную прибыль, а его просто подставить под очередное уголовное дело. Сколько у него оставалось времени до того момента, когда правоохранительные органы начнут обыски? Полгода, год? А может, несколько месяцев? Его раздумья были прерваны телефонным звонком.

– Это я. Ты сейчас в своей городской квартире? – зазвучал деловитый голос полковника Сердюка.

– Допустим, – вальяжно ответил Санька.

– Это плохо. Слушай, там накладка вышла. К тебе сейчас машина с оперативниками выехать должна.

– Это зачем еще?! – встревожено закричал Санька в трубку.

– Арестовывать тебя.

Руки Саньки затряслись. Его взгляд беспокойно заскользил по сторонам, как будто подыскивая надежное место, куда можно было бы спрятать его большое тело, будь то гардины или платяной шкаф.

– Тебе надо что-то придумать пока, – продолжал деловитым голосом полковник.

– Что, что тут можно придумать? Мы же договаривались. Я уже почти все деньги подготовил! Что же я могу придумать? – в истерике завыл в трубку Санька.

– Ну, ляг в больницу, допустим, срочно. Из-под капельницы они пока еще за экономические преступления никого не брали. А как у тебя будет то, о чем мы с тобой договаривались, сразу неси. Медлить больше нельзя. Давай, – и полковник разъединился.

– Ладно, – ответил Санька в уже молчавшую трубку. Темп его жизни все больше ускорялся, не оставляя места ни для сожалений, ни для ненужных раздумий. Надо было быстро действовать. Трясущимися руками он выгреб из сейфа всю наличность и опрометью выбежал из своей городской квартиры. Уже находясь на улице, Санька с мобильного телефона, номер которого он приобрел только вчера, вызвал водителя. Тот подхватил его на условленном месте, и они помчались к одному знакомому врачу, который заведовал отделением кардиотерапии. Когда-то Санька помог ему получить кредит на покупку дома. В других банках врачу кредит не давали, так

как официальные его доходы не позволяли погасить такую большую задолженность. Теперь была его очередь помочь Саньке.

Врач не подвел, и уже той же ночью Санька был помещен в отделение интенсивной терапии с диагнозом острой коронарной недостаточности. К его большому удивлению, через несколько дней диагноз этот оказался не так уж надуманным. Проведенные медицинские исследования показали, что состояние Санькиного сердца было далеко от идеального, хотя интенсивная терапия пока все же была преждевременна. Тем не менее, фиктивная капельница спасла его от ареста. А через неделю Санька в черном внедорожнике Сердюка передавал ему два миллиона наличными.

– Я тут на прошлой неделе с Бериевым пересекся, – небрежно бросил Санька фамилию уголовного авторитета.

– Да? – брови немногословного Сердюка в удивлении приподнялись.

– Собираюсь возглавить его банк «Надежный».

– Не знал, что он банковским делом занимается.

– Он и не занимался. Это его первый опыт.

– Понятно.

– А я его партнером становлюсь. Банк будет частично мне принадлежать, – соврал Санька.

– В добрый путь, – в интонации Сердюка проскользнули уважительные нотки.

– Там большие обороты по обналу пойдут. Я думаю, мне твоя помощь опять понадобится.

– Это можно, – в голосе Сердюка послышалась заинтересованность.

– Я двойную цену платить буду, но и обороты по-настоящему большие будут.

– И это можно, – подумав немного, сказал Сердюк.

– А с моим делом как?

– Считай, все порешали, – Сердюк был как обычно немногословен. Но в его эффективности Санька не сомневался.

– И вот еще что: мне нужны хорошие контакты в Центральном Банке. Сможешь помочь?

– Ты же у нас банкир! – Сердюк в удивлении посмотрел на Саньку.

– Банкир-то, конечно, я. Но мне нужны *правильные* контакты наверху, чтобы мою кандидатуру на новую должность согласовали и чтобы меня в черные списки не вносили после банкротства.

– Понял. Я спрошу кое у кого. Дам знать.

На этом они и расстались.

Плюхнувшись на заднее сидение своего «БМВ», Санька от радости забарабанил своими огромными кулаками по подлокотникам. Все, похоже, опять складывалось совсем недурно! Полковник Сердюк согласился «крышевать» деятельность банка «Надежный». Он пока не догадывался об истинных масштабах планируемых операций, но в любом случае это давало Саньке некоторое время для маневра. И временем этим оставалось только правильно воспользоваться. Пока еще Санька не знал, как именно, но интуиция подсказывала ему, что выход из сложившейся ситуации теперь найдется. Главное, на него не будут заводить уголовное дело.

Вскоре он смог найти необходимые контакты в Центральном банке. Сердюк и тут не подвел. Обеспечил встречу с *правильными* людьми, благодаря которым через месяц Санькину кандидатуру, конечно же, не бесплатно, согласовали на пост председателя банка «Надежный».

В натруженных Санькиных руках банк «Надежный» очень быстро превратился в полную помойку. Зато прибыль потекла рекой. Из-за границы вернулась Санькина семья, и вскоре Люба снова забеременела. Время бежало быстро, и вскоре Люба родила ему еще одного сына. Это был крепкий мальчик, которого назвали Сашей. Санькины личные доходы стали расти. Пока он еще не мог расплатиться по всем своим долгам, но в целом жизнь его, потихоньку налаживалась.

Правда, несмотря на все Санькины предостережения, Бериев ежедневно требовал увеличения объемов «грязных» операций, и банк все больше погружался в пучину теневого бизнеса. Сердюк, конечно, продолжал прикрывать банк, но Санька резонно опасался, что не все на свете во власти Сердюка. Вечно так продолжаться не могло. И Санька все чаще задумывался, как же быть дальше. Но сколько ни думал, выхода найти никак не мог. В такие минуты голова его от тяжелых мыслей наливалась свинцовой тяжестью. Тогда он втягивал дорожку-другую кокаина, и мрачные думы уходили прочь, а жизнь снова начинала казаться ему необременительным приключением.

И вот однажды Бериев вызвал его к себе и сказал, что нужно вывести деньги из банка на подставные фирмы, и на них купить еще один банк. На вопрос, зачем это нужно, Бериев только недовольно посмотрел на Саньку, но потом все же добавил:

– Будем строить банковскую империю.

При этом, собственником этого банка на короткий срок, пока Бериев не подберет кандидатуру другого номинального владельца, должен был стать тоже Санька. По дороге к себе в офис Санька радостно напевал свою любимую песню и постукивал громадными кулачищами по подлокотникам недавно приобретенного представительского «Мерседеса». Проблема, как это часто бывает в жизни, похоже, решилась сама собой. Бериев захотел строить банковскую империю, и значит, банкротство банка откладывалось. Санькина жизнь давно превратилась в ежедневное хождение по минному полю, даже его дом продолжал оставаться под залогом, и потому любой короткий привал посреди заминированных троп был Саньке в радость.

Название приобретаемого банка было АДД. Почему Бериев выбрал именно этот банк, Санька не знал. Шеф с ним практически никогда не советовался. Сделка прошла гладко. И через месяц в газетах написали, что известный банкир Александр Серафимович Руденко приобрел еще один финансовый институт. Читая эти сообщения, Санька испытывал двойственные чувства. С одной сто-

роны, он опять был в центре внимания, и это не могло не льстить его тщеславной натуре. С другой, он из личного опыта знал, что подобная публичность, если что-то обернется не так, пойдет только во вред. От этого Саньке было неуютно и тревожно. К тому же его все больше донимал Калинчатый, который стал в последнее время не в меру подозрителен. Он всюду совал свой нос, демонстрировал при подчиненных свое более высокое положение и часто открыто угрожал Саньке, что, если вскроются какие-либо злоупотребления, ему несдобровать. Однажды под каким-то надуманным предлогом Санька даже попытался пожаловаться на Калинчатого Бериеву. Но, получив жесткий выговор, вынужден был и дальше мириться со своим унизительным положением.

Все эти страхи и унижения изводили Саньку. Однажды он поймал себя на мысли, что завидует своему шефу, грозному и бесстрашному горцу Аслану. «Хорошо быть Бериевым! Никого и ничего не бояться. И только тебя все боятся, включая разную сволочь вроде Калинчатого», – думал Санька, тревожно ерзая на председательском кресле.

Как-то раз, по прошествии некоторого времени после приобретения банка АДД, просматривая в Интернете новости, новоявленный номинальный собственник неожиданно наткнулся на сообщение о покушении на известного криминального авторитета Бериева. Короткая заметка гласила: «Вчера поздним вечером на выходе из фешенебельного ресторана криминальный авторитет Бериев был застрелен из снайперской винтовки в голову. Смерть наступила не сразу. Могучий организм агонизировал еще несколько часов, причиняя своему владельцу тяжелые страдания».

Санька здорово перепугался. Что же теперь будет с ним самим? Но потом, поразмыслив немного, он рассудил, что эта смерть по большому счету ему была только на руку. Бериев был не женат, у него не было детей, и Санька никогда не слышал про его родственников. Прямых наследников у бандита не было. Но это все, конечно же, нужно было еще перепроверить. Но пока получалось,

что из подставного владельца двух банков Санька превратился в их настоящего собственника. Ведь все официальные правоустанавливающие документы были оформлены на него! Бериеву даже не пришло в голову подписывать с Санькой какие-либо дополнительные соглашения. Они Аслану были ни к чему. Он привык вести дела без излишней бумажной волокиты. Если бы Санька вдруг попытался самовольничать, то Бериев просто убил бы его, предварительно силой заставив переписать все права собственности в пользу какого-нибудь другого своего подельника. Санька заметно оживился и стал расхаживать по кабинету. Радость его была недолгой. По селекторной связи раздался голос секретарши:

– Александр Серафимович, к вам господин Калинчатый.

«Черт подери! Как же я забыл о нем!» – пронеслось в Санькиной голове. Лицо его сморщилось, как будто бы он только что проглотил дольку кислого лимона.

Калинчатый был единственным человеком, который знал, что Санька не является настоящим владельцем банков. Но после смерти Бериева статус Калинчатого, по крайней мере, в Санькином понимании, перестал быть столь определенным. В конце концов, кто такой был этот Калинчатый? Какие у него теперь были права? Да он такой же наемный солдат криминального авторитета, как и Санька, также беспрекословно выполнявший его приказы. Но что у этого типа было на уме сейчас? Зачем он пришел? Санька боялся подручного Бериева, и ему не хотелось с ним ни о чем говорить. Но выбора у него не оставалось. Он знал, что такие типы, как Калинчатый, шутить не будут.

«Жаль, что тебя не прихлопнули вместе с Асланом», – подумал Санька и после короткой паузы сказал секретарше:

– Пусть заходит.

Впрочем, эти слова были излишни. Калинчатому не требовались приглашения, он и так, по своему обыкновению, уже открывал дверь в кабинет к Саньке ногой.

– Здоро́во, брателло, – тихо прогнусавил бандит, и его маленькие глазки недобро сверкнули из-под низкого лба.

– Здоро́во, Слава, – ответил Санька, и они совершили действия, напоминающие объятия. Это была не более чем обычная церемония взаимных приветствий. Эти двое ненавидели друг друга.

– Видишь, какие дела? – продолжил Калинчатый.

– Да уж, – с притворным сожалением развел руками Санька.

– Перетереть надо, как с банками поступать, где ты номинальным собственником числишься.

«Вот гадина, как столбит свою территорию», – подумал Санька и произнес:

– Ну, давай, перетрем. Садись, Слава, – Санька сделал широкий жест в сторону кресел.

– Давай-ка банки на меня перепишем пока, – процедил сквозь зубы Калинчатый.

«Вот что, гадина, хочет!» Получалось, что напрасно Санька до последнего момента надеялся на компромиссный вариант.

Отказать Калинчатому означало вступить с ним в конфликт, который совершенно точно закончился бы стрельбой. Причем стреляли бы по Саньке. И охрана, которой он обзавелся, могла тут не помочь. К этому Санька готов пока не был. Но и расстаться с внезапно свалившейся на него собственностью ему тоже не хотелось.

«Надо торговаться», – подумал Санька.

– Давай пополам. Тебе один банк, а мне другой…

– Банк он захотел! Ты, видно, забыл про свой должок. Ты его не весь отдал. За тобой еще миллион числится. Когда отдавать будешь? – недовольно перебил его Калинчатый.

Значит, Бериев рассказал ему и про Санькин долг! Ситуация становилась совсем неприятной. Калинчатый выставлял себя правопреемником Бериева. Но на каком основании он это делал? Санька не знал, а спросить боялся.

– У меня с Асланом была договоренность, что я отрабатываю свой долг. А как же я буду отрабатывать, если ты у меня банки заберешь? – еще раз попытался урезонить Санька Калинчатого.

– Ни про какие такие договоренности я не знаю. Банки на меня переписывай, сука, и миллион гони! – злобно прошипел Калинчатый, и его маленькие глазки свирепо уставились на Саньку. Дело

принимало совсем неприятный оборот. Санька почувствовал, как липкий страх заползает в его душу.

– Ладно, ладно, Слава, ты только не кипятись. Если надо переписать, значит, перепишу. На это только несколько дней понадобится, – испуганно забормотал председатель правления.

– Другое дело. Но чтоб до конца недели все закончил, а с твоим председательством мы еще посмотрим. От твоего поведения зависеть будет. Послезавтра я тебе человека пришлю. Он от меня смотрящим будет. Его в курс дела введешь, – говоря все это, Калинчатый постукивал своим нечистым пальцем, испещренным наколками, по дорогому Санькиному столу, инкрустированному карельской березой.

Потом он добавил:

– И смотри, не балуй у меня, а то шею сверну! – встал и, не прощаясь, вышел из кабинета.

Несколько минут после его ухода Санька находился в полной прострации. Досада и ужас охватили его. Отвратительная рожа Славы Калинчатого, его постукивающий по столу нечистый палец стояли перед глазами председателя правления. Но дорожка белого порошка быстро сделала свое дело. Голова Саньки прояснилась, и к нему вновь вернулась уверенность и способность принимать решения. Из произошедшего этим утром вытекало, что Калинчатый не только собирался узурпировать власть покойного Аслана, но и загонял Саньку в угол. Было понятно, что присланный им «смотрящий» сменит Саньку на его посту, как только войдет в курс дела. Санька посмотрел в потолок, а потом набрал номер полковника Сердюка. И через два часа он сидел в его большом черном внедорожнике и повествовал о своей нелегкой судьбе банкира.

Внимательно выслушав его, Сердюк сказал:

– Калинчатый – это фуфло. Много на себя берет. Мы его закроем.

– Сказать, где его найти? – поинтересовался Санька.

– Обижаешь…

– Понял, – уважительно кивнул головой Санька.

– Стоить будет миллион, деньги завтра.

– За один день не успею вывести.

Сердюк молча посмотрел в окно.

– Понимаешь, Калинчатый не даст деньги вывести. Он все под контролем держит. Давай через три дня, после того, как его закроем.

– Понимаю. Договорились.

– Только его закрывать прямо сейчас надо! Ждать никак нельзя, – взмолился Санька.

– Сделаем, не переживай, не первый год знакомы.

Они ударили по рукам и расстались. Со стороны могло показаться, что это старые друзья условились пойти на рыбалку.

«Видали мы таких друзей! Знает, кровосос, что деньги у меня теперь есть и что я от него никуда не денусь», – подумал Санька, садясь к себе в машину.

Через два дня вечером Санька заехал навестить маму. Когда они ужинали перед телевизором, в новостях прошло сообщение о том, что в результате хорошо спланированной операции правоохранительными органами страны задержан известный криминальный авторитет Слава Калинчатый. Далее следовали кадры самого задержания, мелькнули люди в бронежилетах и злобная морда самого Калинчатого, на которого надевали наручники, при этом старательно вжимая его голову в асфальт. И хотя до суда было еще далеко, также почему-то сообщалось, что общество будет ограждено от своего непутевого сына минимум на десять лет.

– Вот видишь, Санечка! А ты все говоришь, что у нас ничего не меняется, что вся страна погрязла в коррупции. А ты погляди, какого негодяя поймали. Работают, работают наши правоохранительные органы! – радостно сказала мама, не отрывая взгляда от экрана телевизора.

– Особенно если им кто-то за это заплатит, – с удовлетворением проурчал сын.

– Что ты там себе все бурчишь под нос да бурчишь, ничего разобрать нельзя, – недовольно молвила мама, которая с годами стала глуховата.

– Я говорю: ты права, мама. Кое-что точно меняется, – громко и членораздельно ответил ей Санька, думая о том, что теперь он стал полноправным собственником одновременно двух банков.

Оставалась только одна проблема: Санькины банки являли собой финансовые пирамиды, и перевести их в разряд добропорядочных финансовых учреждений было уже невозможно. «Точка невозврата» ими была пройдена. Банкротство могло наступить в любой момент. И до этого нужно было каким-то образом выскочить из мчащегося к пропасти поезда. Но был и другой путь: объединить имеющиеся банки и за счет средств населения укрупнить полученную структуру до размера социально значимой, банкротство которой стало бы неудобным для государства. То есть именно то, что собирался сделать Бериев.

«Сажают того, кто украл батон колбасы, а того, кто ворует вагонами, обычно чествуют, как уважаемого человека», – думал Санька после очередной дорожки кокаина. А ему очень хотелось стать уважаемым человеком. И к этому времени у него были все основания рассчитывать на успех. Его щедро подкрепляемые деньгами связи в правоохранительных органах и коридорах государственной власти, которые появились в последние годы его кипучей деятельности, должны были обеспечить достижение поставленной цели. И Санька, в который раз засучив рукава, принялся за дело.

Председателем банка АДД Санька назначил своего старого знакомого Муркина, человека, знавшего толк в таких делах. Через год к банку АДД присоединился банк «Надежный», а потом постепенно еще четыре небольших банка, которые Санька приобрел также за счет средств простых вкладчиков. Один из этих банков, кстати, носил название «Правобережный». Стоит ли говорить, что его председатель и бывший друг Саньки Заворотнюк, который в трудное момент отказал ему в помощи, был незамедлительно уволен, хотя и обладал самой высокой квалификацией среди прочих руководителей присоединяемых банков. Объединенный банк вошел в тридцатку крупнейших финансовых институтов страны, но своей сути при этом не поменял и продолжал оставаться финансовой пирамидой, только социально значимой. И для того, чтобы он мог

продолжать функционировать, огромные суммы ежегодно уходили на подкуп должностных лиц, в обязанности которых вменялось не допускать существования финансовых учреждений подобного типа. Постепенно за счет средств, выводимых на подставные фирмы, Санька стал приобретать себе другие виды бизнеса.

Вся его жизнь протекала вне дома. Пусть рабочий день и начинался около полудня – Санька любил поспать, – зато заканчивался глубоко за полночь. Все выходные Санька также проводил за встречами с полезными людьми, и Люба все реже и реже принимала в них участие.

Круг его знакомых был жестко определен потребностями бизнеса и потому постоянно менялся. Да и единственным Санькиным интересом в жизни давно, по большому счету, стала работа. Любые разговоры с партнёрами на другие темы были не более, чем необходимым приложением к достижению общей цели в делах. Если Санька участвовал в строительных проектах, у него появлялись друзья-строители и друзья-чиновники, гарантировавшие получение необходимых разрешительных документов. Когда Санька занимался торговлей, появлялись друзья-коммерсанты. А когда деловая необходимость в тех или иных людях отпадала, они незаметно растворялись в забытой массе бывших друзей. И очень часто недавние друзья сердились на Саньку, когда не могли до него дозвониться. Сетовали, что он, видно, совсем зазнался, что оторвался от народа. Но это происходило не потому, что Санька стал к ним хуже относиться. Если дело того требовало, то он легко сходился с людьми более низкого социального статуса. Но дружба эта длилась, пока жило их общее дело. Санькино время было ограничено, и на всех его не хватало.

Как и прежде, Санька никогда ничего нового не изобретал. Лишь когда наступало время, созревали необходимые предпосылки для той или иной финансовой инициативы, а под финансовой инициативой в данном контексте нужно понимать хитроумное присвоение чужих денег или их эффективное размещение. Санька смотрел по сторонам, вспоминал имеющийся, часто чужой, известный ему опыт и выбирал правильное решение. Так, по примеру своего быв-

шего акционера Игоря Цапко, Санька за счет средств банка, выведенных через подставные фирмы, в течение нескольких лет приобрел большие пакеты нескольких сталелитейных заводов. Конечно, не всем пришлись по душе подобные инициативы. И потому вновь потребовалась помощь Сердюка. Но вскоре Александр Серафимович вошел в число богатейших людей своей страны. Имя его стало появляться в журнале «Форбс», что льстило Санькиному самолюбию. Господин Руденко дорожил общественным признанием своих достижений. Можно было бы на этом успокоиться. Но Санька хорошо понимал, что если он хочет продолжать вести бизнес на территории своей родины, то необходимо дружить с властью. А лучше всего было бы стать ее частью. Тогда, заплатив круглую сумму откатов, Санька прошел в ряды народных избранников от одной из партий управляемой оппозиции. Так Александр Серафимович приобрел парламентскую неприкосновенность.

Эпилог

«Душа молода, пока не хочет мира.»
Ницше

Шли годы, незаметно закончилось второе десятилетие двадцать первого века, и уже подходило к концу третье. Неумолимое время безразлично взирало на Санькины достижения, а он, между тем, богател день ото дня. Все мечты его юности давно сбылись. Санька собрал невероятных размеров коллекцию часов. И любой образец этой коллекции был несравненно ценнее того скромного механизма Муркина, которому когда-то завидовал будущий магнат А.С. Руденко. В Санькиных гаражах, разбросанных по нескольким странам, скопилась впечатляющая коллекция спортивных и ретро-автомобилей. Почти все они простаивали без дела. Александр Серафимович обзавелся зарубежной недвижимостью: виллой в полторы тысячи квадратных метров на Лазурном берегу, куда магнат изредка летал на своем реактивном самолете. У него было несколько больших замков во Франции, которые он никогда не посещал с момента их покупки, хотя на их поддержание ежегодно уходила круглая сумма. И, само собой разумеется, на случай внезапного изгнания – а такое частенько случалось с бизнесменами в его стране – имелся особняк в Лондоне, городе, который своим благополучием не в последнюю очередь был обязан капиталам

беглых мошенников многих стран. И все это были, однако же, мелкие атрибуты богатства, несравнимые со стоимостью его предприятий и вложений на финансовых рынках. Правда, эти предприятия были обременены большими долгами, и кто знает, чему бы равнялась стоимость Санькиных активов за вычетом этих самых долгов. Но об этом история умалчивала, об этом будет она молчать и дальше, по крайней мере, до тех пор, пока наш герой не поссорится с властью. Пока же он оставался ее частью. И положение его на ближайшую перспективу было достаточно прочным.

Санька, как и мечтал, вошел в круг избранных, как он некогда полагал, небожителей, находящихся на вершине власти и богатства. Правда, он не обнаружил у этих людей ни уникальных умений, ни сакральных знаний, за исключением, пожалуй, обладания недоступной для обычных людей информацией, которая поступала власть предержащим уже в силу самого их положения. Зато он заметил, что ошибаются они не реже, чем остальные. Хотя расплачиваться за их ошибки чаще приходится другим.

Он также заметил, что власть предержащие не были какой-то особой незыблемой кастой, куда нет входа со стороны. Напротив, участь их отпрысков парадоксальным образом часто была незавидной. Сами они легко могли впасть в немилость правителей и тогда стремительно «выпадали из обоймы». Да и происходили эти люди, в своем большинстве, как и сам Санька, из пусть и довольно обеспеченных, но вполне обычных семей, и ничто во времена их юности с определенностью не могло указать на ожидавшее их большое будущее. В целом, их место вполне могли занять любые другие. Жизнь постоянно тасовала колоды человеческих судеб в соответствии с одним только ей понятным порядком.

Пожалуй, единственное, что у Саньки так и не получилось в жизни, так это встретиться с Юлей Митковой. Но к этой встрече Санька с недавних пор перестал стремиться. Как-то раз, когда ему уже перевалило за пятьдесят, по привычке мечтая о встрече с ней, он неожиданно осознал, что девушке его мечты теперь тоже должен был идти шестой десяток. И если бы им довелось встретиться, то они, скорее всего, не узнали бы друг друга. А если бы и узнали,

стала бы им в радость такая встреча? Санька, надо признать, всегда питал склонность к молодым особам. И даже если допустить невозможное, что он увлекся бы женщиной старше тридцати, мог ли он сам понравиться Юле сейчас? Порой, внимательно изучая свое отражение в зеркале, Санька тщетно искал, но никак не мог найти следов того удалого парня, которого тридцать с лишним лет назад заинтересованно разглядывала красивая девушка Юля. За прошедшее время черты лица его сильно укрупнились, а лоб прорезали глубокие морщины. Взгляд давно потух. Волосы поредели настолько, что Санька все чаще подумывал побриться наголо. Некогда тренированное тело его теперь напоминало желеобразный бочонок.

Санька с тоской ощущал, что какая-то дверь, в которую, как он по привычке полагал, можно всегда войти, навечно захлопнулась перед ним, а он так толком и не узнал, что же за ней находилось. Санька желал этого всю свою жизнь и надеялся, что за следующим поворотом его ожидает прекрасная встреча. И вот теперь стало понятно, что неумолимое время истекло, и за следующим поворотом его не ждет ничего интересного.

Так растворилось в небытие одно из самых сильных стремлений Санькиной юности. И не было ему никакой замены. А потому на месте этой светлой мечты возникла серая пустота, которая, разрастаясь, все больше заполняла его душу, превращая жизнь в скуку и рутину.

Но однажды Саньку посетил беспокойный сон. Ему привиделось, будто он, подросток, бежит по заснеженной улице от своего подъезда к дому Юли. Санька точно знает, что она где-то там, что она ждет его. Плавно, как в новогодней сказке, падает мягкий пушистый снег, теплым желтым светом струится свет уличных фонарей. Мысли о предстоящей встрече с Юлей согревают его душу. И вот он видит ее. Девочка идет к нему навстречу. Они берутся за руки. Санька целует ее в щеку, а потом Юля подставляет ему свои пухлые губки, которые так мило когда-то надулись при виде предательского солдатика, зажатого в руке ее кавалера. Но оба они знают, что и солдатик, и все недоразумения ушли в прошлое. И что

двадцатилетний красавец Санька никогда не терял номера ее телефона, а вместо этого, отбросив все остальные никчемные дела, тут же пригласил ее пойти пройтись вдоль берега реки. А она, конечно же, с готовностью согласилась. Был теплый майский вечер, благоухали каштаны. А Юля все смотрела на него заинтересованным взглядом своих чудесных глаз, которые так многое обещали ему. И вот в их сердца одновременно входит надежда, что они будут всегда вместе. Взявшись за руки, молодые люди пошли на набережную и с высокого берега стали смотреть вдаль, где им мерещилось прекрасное будущее их вечной любви. Но тут Санька по неизвестной причине опускает свой взгляд. Ах, зачем, зачем он сделал это? Вдалеке, в темной холодной воде Санька вдруг замечает пловца. Как же это? Разве можно плавать в такой холодной воде? Санька пытается разглядеть, кто это может находиться в реке так далеко от берега в это время года. Ведь на дворе уже декабрь! Идет колючий снег! Поначалу Саньке удается рассмотреть только синего цвета резиновую шапочку на голове пловца. Но совсем скоро и его лицо становится вполне различимо. Оно сурово и сосредоточенно, пловец сильно гребет руками. Видно, что ему очень холодно. Но что это?! Боже мой! Санька видит, что пловец есть он сам, Санька. И что теперь он безнадежно далек и от Юли Митковой, и от родного и милого его сердцу весеннего берега с цветущими каштанами, на котором они только что стояли вместе. И к этому берегу он теперь стремится изо всех сил. Но суровое течение большой реки относит его прочь. Берег постепенно превращается в точку. Пловцу становится все холоднее и холоднее. Он очень устал, и нет больше сил грести! Дыхание его сбивается и становится прерывистым. От напряжения у него начинают сильно болеть запястья. Особенно левое. Боль отдается вверх по руке до самой груди и становится невыносимой.

От этой боли Санька и проснулся. По его лбу струился пот. Сердце билось неровно, дыхание было прерывисто. Его мучила стенокардия. Впрочем, такое с ним случалось не редко, и у него все было готово на этот случай. Толстыми пальцами дрожащей руки он нащупал таблетки на ночном столике возле кровати. С ними

Александр Серафимович теперь никогда не расставался. Проглотив таблетку, Санька запил ее стаканом воды, и сердце слегка отпустило. Авторитетные врачи много раз настоятельно предлагали ему операцию, но Санька с завидным упорством почему-то откладывал ее раз за разом. Возможно, это происходило оттого, что где-то в глубине души он полагал, что все самое хорошее в его жизни уже состоялось. А те немногие цели, которые им не были еще достигнуты, потеряли для него всю притягательность. Бороться Саньке стало больше не за что, да и не хотелось предпринимать никаких усилий. Некогда беспокойная Санькина душа желала мира и покоя. Но и отойти от дел он не мог. Не мог потому, что не знал, чем заполнить разраставшуюся пустоту. Он стал сродни механизму, отработавшему свою программу, но продолжающему функционировать только потому, что его забыли отключить.

Постепенно пульс вошел в норму. Сердце же продолжало ныть. Санька повернул голову и посмотрел в окно. На улице брезжил тусклый ноябрьский рассвет. Мутная тоска нахлынула на него. Санька сел на край кровати и бесцельно уставился в осеннюю непогоду. Ветер срывал последнюю листву, обнажая мокрые от холодного дождя крючковатые ветви деревьев. На днях должен был пойти снег. Санька снова лег. Ему ничего не хотелось. Энергия, переполнявшая его в молодости и в зрелые годы, иссякала с каждым прожитым годом, и вместе с ее оттоком исчезал и некогда великий интерес к жизни. Санька был, в общем-то, еще совсем не старый человек, но болезнь сердца, усугубленная пять лет назад открывшимся диабетом, постепенно забирала все его силы. Когда-то он хотел многим очень многое доказать. Но некоторые из них, как его друг детства Петька, безвременно ушли из жизни, другие стали ему совершенно безразличны.

На несклонного к рефлексиям Саньку в последний год стали накатывать периоды длительной задумчивости, в течение которых он размышлял, кем он был, кем стал и почему все получилось так, а не иначе. В запутанной череде событий своей жизни он тщетно пытался отыскать причинно-следственную связь, но, глядя на себя объективно, никак не мог этого сделать. Причины, приведшие Саньку на вершину социальной лестницы и ко всему тому, что на-

зывается успехом, оставались сокрытыми от его понимания. Наверное, ими должны были являться черты его характера, качества, присущие его натуре? Допустим… Но тогда какие конкретно? Он пытался их определить.

Может быть, это было благоразумие? Тут лучше всего было бы попытаться проследить свой путь с самого начала карьеры. Санька припомнил, как когда-то не стал скандалить с начальником управления кадров, а покорно подписал заявление по собственному желанию. Не сделай он этого, ему могли бы серьезно подпортить жизнь.

«Нет, не то, это все мелочи», – мысленно махнул рукой Санька. Следует взять кое-что поважнее. Например, судьбоносное решение бросить службу на государство и уйти в частный бизнес. Но если разобраться, то выбора как такового: работать на государство или стать председателем правления частного банка, – ему никто не предоставлял. Было совсем не так. Вначале его просто уволили, а он еще изо всех сил цеплялся за то, что нельзя было спасти. А уже потом, совершенно случайно, он встретил своего знакомого, который познакомил его с Игорем Цапко. Надо было на что-то жить, и Санька быстро согласился. Какой же это обдуманный жизненный выбор, спрашивается?

Или вот, хотя бы, случай с Калинчатым. В памяти живо всплыла омерзительная морда бандита, когда тот ворвался к нему в кабинет и, тыкая своим грязным пальцем в чистый стол из карельской березы, стал требовать передать ему права собственности на банки. Тут можно было легко схлопотать себе пулю в лоб, начни он перечить такому типу. Но Санька благоразумно усыпил бдительность бандита лживым согласием, а потом позвонил полковнику Сердюку, и Калинчатого на долгие годы отправили в тюрьму, где бандит потом и сгинул. Но, если быть до конца откровенным, то следовало признать, что, когда Санька соглашался с бандитом, никаких расчетов в его голове не было – страх диктовал ему, что делать. Это уже потом, оставшись в одиночестве и сопоставив все факты изменившихся обстоятельств, он пришел к выводу, что настало время срочно звонить Сердюку.

Получалось, что страх подсказал ему единственно правильную линию поведения? Тот самый страх, который однажды, сковав его разум, заставил скрываться от кровожадного Бериева и тем самым чуть было не погубил Саньку. Всего несколько часов в тот вечер отделяли его от смерти. Спасительная мысль позвонить опасному горцу пришла под воздействием кокаина, который случайно нашелся в кармане его подчиненного, а отнюдь не по точному расчету и уж никак не из соображений благоразумия. Если бы не эти две дорожки кокаина, то на следующий день Саньку бы взорвали в его же машине. Получалось, что в разных обстоятельствах одни и те же черты характера приводили к разным результатам!

К тому же признать себя трусом Санька совершенно объективно не мог. Пусть бывали моменты, когда от ужаса у него тряслись руки и ноги. Но кто не боится в таких ситуациях? Разве что дураки. При всех своих страхах он, Санька, всегда, несмотря ни на что, шел вперед и делал свое дело.

Санька прошел большой путь наверх, но путь этот оказался совсем не таким, каким он его себе рисовал в юношеских мечтах: не чистым и не светлым. Когда-то Саньке казалось, что на каждой новой ступеньке этого пути новые люди, которых он там встретит, будут ему очень рады. Выяснилось же, что жизнь была жестокой борьбой за распределение материальных благ, за положение в обществе и, главное, за утверждение своей воли, себя самого в среде себе подобных. И в этой борьбе, изменившей его самого, пока Санька был силен и здоров, он находил свою радость и, может быть, свое счастье. Оглядываясь назад, он видел, что вся его жизнь много раз висела на волоске и только какое-то чудо спасало его от неминуемой гибели, уберегало от неудач.

До недавних пор Санька был склонен приписывать свои достижения личным выдающимся достоинствам. Самомнению господина Руденко активно содействовали и многочисленные льстецы, всячески превозносившие черты характера их благодетеля. Теперь же, когда ему больше не надо было никому ничего доказывать,

Санька заметил, что многие, встречавшиеся на его пути, обладали несравненно более выдающимися данными, которые, с точки зрения логики, должны были обеспечить им никак не меньшие достижения, чего в действительности почему-то не случилось.

Постепенно острая тоска, вызванная сном, прошла. А Санька, сидя на кровати, продолжал размышлять. Мысли, повторяясь, неспешно кружили в его голове. Торопиться ему было некуда. Он снова подумал о том, что многие из тех, кто был сильнее, умнее, решительнее и богаче его, теперь остались далеко позади.

Примеров тому было много. Взять хотя бы того же Игоря Цапко. Санька не мог сравниться с ним по живости и изворотливости ума. У Игоря голова постоянно была полна гениальных идей, в то время как Санькин ум никогда на это не был способен. Санька, правда, мог отбирать наиболее ценное из многообразия чужих мыслей. Но это же совсем не то! А что получилось? Где сейчас находится гениальный в своем роде финансовый аферист Цапко, перехитривший сотни конкурентов? В каком-то смысле его прозорливость сыграла с ним дурную шутку, неверно подсказав ему, в какую машину садиться. И вот он мертв. А Санькино богатство уже в десятки раз переросло былую империю его наставника.

Может быть, тогда все дело во внутренней силе или бесстрашии? Но с Бериевым Санька и рядом не стоял по этим «показателям» человеческой натуры. А куда в итоге привели Бериева его сила и бесстрашие? Бескомпромиссный и суровый горец, который ничего не понимал кроме силы, тоже покоится в сырой земле с пулей в голове, полученной от таких же бандитов, как он сам.

А если взять разных там Бондаренко и Петренко, некогда, как бы смешно это теперь ни звучало, могущественных Санькиных недругов, которые цинично увольняли его с работы! И тот, и другой обладали огромными, по тем меркам, связями. Их родители занимали крупные посты в Администрации Президента и Правительстве. Но эти связи в перспективе оказались не столь уж действенны. Они не смогли уберечь их обладателей от жизненных невзгод.

Судьба Бондаренко была совсем печальной. Он пять лет провел за решеткой, куда его в результате конкурентной борьбы отправили за взятки. Когда в банк в очередной раз пришла другая команда,

ему бы надо было уступить им. Уйти по-хорошему, смирившись с изменившейся ситуацией. Но тщеславному Бондаренко все казалось, что он велик, что только он может увольнять других, а с ним такого произойти никак не может. Бондаренко принялся писать во все инстанции о том, что его собираются заменить совершенно непрофессиональными сотрудниками, вообще, всячески противился переменам. Тут-то к делу, как это бывает, подключились правоохранительные органы, и сразу же вскрылись все его многочисленные злоупотребления. После тюрьмы он так и не оправился, опустился и спился.

Петренко же так и остался на уровне управленцев среднего звена. С Санькиного ныне высокого горизонта он стал неразличим, как карлик для великана.

Вспомнил Санька и своего добросовестного начальника Виктюка, порядочность которого не была востребована новым укладом жизни. Его, беднягу, старательного специалиста высочайшей квалификации, после тридцати лет верной службы выбросили на улицу как отходивший свое старый башмак. Теперь он, забытый всеми, где-то доживал свои дни на крошечную государственную пенсию, так как в свое время не смог или не захотел воспользоваться возможностями личного обогащения, которые открывали новое время и его должность. А Виктюк был исключительно профессионален и тщеславен и незадолго до увольнения метил на должность Председателя первого банка страны. «Может быть, все дело заключалось в его неготовности идти нечестным путем? Воруй, и все будет в порядке!» – рассуждал Санька.

И снова нет! Бондаренко и Петренко были отъявленными коррупционерами, но один совсем плохо кончил, а другой так ничего особенного и не добился. Хотя справедливости ради стоило бы отметить, что «ничего особенного» – это по сравнению с Санькой, тогда как для людей среднего достатка Петренко с его добротным загородным домом, шикарной квартирой и несколькими миллионами на депозите являлся предметом бурной зависти.

А куда подевались ухажеры Юли Митковой, которые когда-то так портили Саньке жизнь? Они были так красивы и сильны. Его память до сих пор хранила их имена! Перед его глазами временами

появлялись их глумливые лица! Но о них никогда ничего не было слышно. Скорее всего, они тоже так ничего и не добились в жизни. А он, Санька, не обладая всеми этими данными, оставил позади их всех! Он стал миллиардером, и через две недели у него была назначена встреча с Президентом страны. Саньке прочили позицию заместителя Премьер-министра. Все договоренности были уже достигнуты. Ему оставалось только формально «присягнуть на верность» у Президента.

Санькины мысли снова вернулись в прежнее русло, тщетно пытаясь найти ответы на вечные вопросы бытия. Если не личные качества и не связи родителей, то что же тогда предопределило его жизненный путь, привело его к вершинам социальной лестницы, рассуждал он. Тогда, может, это судьба? Но не слишком ли много думает о себе человек, когда полагает, что кому-то захочется обременить себя написанием сценариев миллиардов переплетенных между собой судеб?

В задумчивости Санька почесал затылок, его взгляд упал на Священное Писание, и он попытался вспомнить, что он прочел там накануне перед сном. Как же это звучало?

«Воистину, свой случай и свое время для каждого. Но не знает человек ни своего времени, ни своего случая и от того порой бьется как рыба об лед в тщетных потугах взять то, что ему не принадлежит. А другой, проходя мимо, без излишних усилий подберет то, что ему предначертано». – Так, что ли?

За окном уже совсем рассвело. Пора было одеваться. Сегодня он с младшим сыном Сашей собирался лететь на свою виллу на Лазурный берег, где они планировали провести неделю. Они, как обычно, летели вдвоем. Свою жену Любу Санька редко видел, хотя и жил с ней под одной крышей. Когда супругам доводилось случайно встретиться в длинных домашних анфиладах, то они обычно отделывались ничего не значащими суховатыми приветствиями. Жена не разделяла ни его музыкальных пристрастий, ни его юмора, уходящих корнями в образы и символы времен ее родителей, и последние годы перестала это скрывать. Все общие темы для обсуждения себя исчерпали. Да и были ли они когда-нибудь? Когда-то Санька, на-

равне с другими своими приобретениями, как то: автомобили, яхты, самолеты, – демонстрировал окружающему обществу свою молодую и красивую жену. Но в силу пошатнувшегося здоровья светские рауты он более не посещал, да и сама потребность что-либо доказывать другим тоже прошла. Тем временем у его молодой жены появились свои друзья, которых Санька не хотел ни знать, ни видеть. Наверное, у нее были любовники. Санька в этом был даже уверен, но это не сильно его беспокоило. Он с трудом припоминал, когда последний раз женщины пробуждали в нем сильные эмоции, не говоря уже о страсти и ее родной сестре ревности.

Санька грузно поднялся с кровати и пошел в душ. Он долго молча стоял под струей теплой воды, а в его голове по привычке звучала мелодия его любимой песни Фрэнка Синатры «My Way». Вслух петь Санька теперь разлюбил.

Освеженный утренним туалетом, Александр Серафимович на лифте спустился на первый этаж своего дома и тяжелой поступью проследовал на кухню. Там его ожидала утренняя порция ненавистной овсяной каши и жидкого чая. От крепкого чая, кофе, бекона, яичницы-глазуньи с жареными сосисками, как и от много другого, что его радовало, под нажимом врачей Саньке ныне пришлось отказаться.

На большой кухне, обставленной дубовой мебелью, в ожидании хозяина дома суетилась крепко сбитая баба, повариха. Это была, в сущности, совершенно чужая женщина, которую для Саньки по объявлению подобрала его секретарша. Между тем, именно повариха ежедневно составляла ему компанию за домашней трапезой.

Неужели это было именно то, к чему он стремился в своих мечтах? Санька мечтал стать главой семьи и иметь много детей. И Господь в целом выполнил его пожелания. Его титул хозяина никому не приходило в голову оспаривать. Что до детей, то у него их было трое. Но, может быть, тогда Санька в свое время просто забыл кое-что уточнить в своих мечтах? Например, пожелать себе любви, взаимопонимания и сочувствия, в которых он ныне так нуждался. Или хотя бы, чтобы его дети иногда собирались вместе с ним за одним большим семейным столом?

Его дочь Оксана очень редко навещала отца. Когда она была ребенком, а позже подростком, Маруся прилагала немало усилий, чтобы девочка нечасто виделась с ним. Следует признать, что Санька и сам не очень-то настаивал на этом. Обычно, гуляя с дочерью, он терялся и не мог найти нужную тему для разговора. К тому же, у него никогда не было свободного времени. Всегда нужно было куда-то звонить, срочно ехать, что-то решать. А новый муж Маруси с готовностью заменил Оксане отца. Потом Маруся родила ему сына. В мире и согласии, как слышал Санька от Оксаны, они сытой жизнью прожили все эти годы. Сам Санька со времени развода практически не виделся со своей первой женой и не ощущал в том никакой потребности. Конечно, его деловые возможности были неизмеримо больше возможностей мужа Маруси. И когда Оксана закончила факультет журналистики, она обратилась к отцу за протекцией. Санька с радостью помог ей, и с тех пор она стала навещать его несколько чаще. Но душевной близости между ними так и не появилось. Саньку все время терзали подозрения, что дочь общается с ним только из соображений сухого расчета.

Старший сын Саньки по требованию матери давно был отправлен на обучение в Англию. Иногда Санька задавался вопросом, сделала ли она это из-за маниакального желания во всем следовать моде или же, чтобы просто отделаться от трудного подростка, который, попав под влияние дурной компании, стал плохо управляемым. Но вечно отсутствующему дома Саньке было трудно спорить с женой, и он уступил ее нажиму. Подросток поначалу противился отъезду. Дома ему было дозволено делать все, что вздумается. Но постепенно свыкся со своим новым положением и, похоже, действительно воспринял другую культуру. И вот во время коротких наездов старшего сына Санька стал замечать, что юноша стал больше чувствовать себя дома там, за границей. Изменились его мимика, жестикуляция, и даже родная речь приобрела иностранный ритм.

Только младший сын Саша, хоть с неохотой, но иногда все же составлял компанию отцу за столом. По обыкновению мальчик был занят компьютерными играми, оторвать от которых его не было никакой возможности. Санька в нем души не чаял и с го-

товностью исполнял любой его каприз, а тот принимал это как должное.

Повариха заботливо повязала своему хозяину вокруг шеи салфетку и принялась накладывать кашу в тарелку. Закончив с этим, она подняла взгляд на экран телевизора, который работал без звука, и произнесла:

– Ой, Александр Серафимович, вас опять по телевизору показывают!

Похоже, что кроме поварихи это никого из его близких не интересовало. Последним человеком, который проявлял бескорыстный интерес к его делам, была мать, но она уже несколько лет как отправилась вслед за отцом на тот свет.

Не вставая из-за стола, Санька щелкнул пультом дистанционного управления. На экране телевизора отобразилась энергичная девушка в соблазнительном деловом костюме, который придавал ей несколько легкомысленный вид. Напротив нее расположился тучный усталый человек, на вид за шестьдесят, с крупными чертами лица. Из-за своих размеров он с трудом помещался в кресле. Девушка говорила:

– Александр Серафимович, в заключение нашей беседы я еще раз хотела бы поблагодарить вас: несмотря на всю свою занятость, вы сумели найти время прийти на нашу передачу «Лидеры в прямом эфире».

При этих словах девушка лучезарно улыбнулась, а Санька утомленно кивнул ей.

– Но перед тем, как попрощаться, Александр Серафимович, не могли бы вы ответить еще на некоторые вопросы, не имеющие прямого отношения к бизнесу и политике?

Санька недовольно поморщился, но снова утвердительно кивнул головой.

– Александр Серафимович, наши телезрители интересуются извечным вопросом: в чем вы видите жизнь?

Санька поднял глаза, и в его утомленном взгляде промелькнуло нечто, напоминающее удивление.

Видя его замешательство, телеведущая поспешила уточнить свой вопрос:

– Что для вас жизнь, Александр Серафимович? Это, прежде всего, достижение, борьба, опыт или что-то еще? Любовь, например?

После затянувшейся паузы Санька неспешно заговорил:

– Достижение, вы говорите – да, конечно. Личный опыт – безусловно. Наверное, и любовь, куда же без любви, – ухмыльнулся Санька.

– Какие точные определения, Александр Серафимович! – с готовностью заулыбалась симпатичная телеведущая, всем своим видом давая понять, насколько она разделяет взгляды финансового магната на жизнь.

– Как вам, наверное, известно, Александр Серафимович, наш канал смотрит молодежь, которая стремится найти свое место под солнцем в этом непростом мире. Не могли бы вы, как человек, прошедший столь блистательный путь наверх, поделиться с ними своим богатым опытом, рассказать о дорогах, которые ведут на вершину социальной лестницы. Подсказать, как при этом не оступиться, не сломать себе шею?

Санька подумал о том, что, даже если бы можно было вместить всю его жизнь в оставшиеся несколько минут эфирного времени, вряд ли это могло чему-то научить других. Тем более, кого-то уберечь от ошибок. Когда он совершал значимые поступки, то никогда не знал, чем это может закончиться. Ему просто везло в нужный момент. А как можно научить везению? Да и вообще, у каждого в жизни свои обстоятельства и свои возможности.

– Дорогам нельзя научить, их можно только пройти[2], – ответил Санька коротко. Накануне он прочел эту фразу на перекидном календаре у себя на кухне, а сейчас она неожиданно всплыла в его памяти и, похоже, пришлась к месту. Везение не покидало его. Потом Санька сделал прощальный жест рукой и с трудом поднялся из тесного кресла.

В машине по дороге в аэропорт Санька, как обычно, слушал новости по радио. На этот раз говорили о разоблачении одной аферы, связанной с торговлей оружием. Санька прекрасно знал, о чем идет речь. Он много раз собирался вторгнуться на этот при-

[2] Лао Цзы

быльный рынок, а несколько месяцев назад передал своему старому знакомому, генерал-майору Сердюку, попавшую ему в руки информацию о незаконных поставках оружия одним из его бывших коллег-парламентариев. Сейчас настал час разоблачения его конкурента, устранение которого давало возможность Саньке самому заняться этим доходным делом. За прошедшие годы многое изменилось, но методы конкурентной борьбы оставались прежними. Что говорить, в его стране «силовые» традиции ведения бизнеса были очень сильны.

Когда самолет вырулил на взлетную полосу, по телевизору снова передали сообщение о разоблачении Санькиных конкурентов. Мелькнуло слово «афера», и его десятилетний сын поинтересовался значением неизвестного ему слова.

– Папа, а что такое афера? – спросил мальчик.

Появившаяся с тележкой напитков стюардесса вежливо осведомилась:

– Александр Серафимович, вам, как обычно, виски? Ваш любимый сорт?

– Да, спасибо.

Санька сделал глоток виски и, задумчиво глядя в иллюминатор, произнес:

– Что такое афера? Афера, сын мой – это жизнь. Вернее, вся жизнь – это большая афера. А потому, лучше всего в ней быть аферистом.

Глаза Саньки закрылись, и он провалился в короткий сон. Это с ним часто стало случаться. Ему привиделся его почивший отец. Вернее, спина отца, ведущего их машину. Рядом с отцом на переднем сидении сидела его мать. А маленький Санька ехал на заднем сидении. Он с живым интересом смотрел из окна на окружающий его мир. Но вот после слов, сказанных кем-то по радио, в машине повисла тяжелая тишина, которую неожиданно разорвал порицающий голос отца: «Нет, жить надо своим трудом!» И хотя отец произнес эти слова, не поворачивая головы, маленький Санька был совершенно уверен, что отец обращается именно к нему. В его словах явственно слышался неумолимый укор. Маленькому мальчику стало неуютно и стыдно. Он весь съежился и в волнении то-

ропливо начал оправдываться: «Но разве я не жил своим трудом, папа? Разве я не работал, как вол, чтобы достигнуть всего этого? Разве я не брал на себя все непомерные для обычного человека риски? А они были немалые! Конечно, мне приходилось идти на компромиссы. Но разве можно хоть чего-нибудь без них достигнуть? Много раз меня могли обанкротить, арестовать и даже убить. Но не я ли самостоятельно прошел через все трудности на своем пути? Меня никто не вел за руку! И мне никто не помогал! Я это все сам, своим трудом!» Но отец молчал. Видимо, он имел в виду нечто совсем другое: то, что Санька тоже знал когда-то, но теперь никак не мог вспомнить. От напряжения у Саньки даже заложило уши.

В этот момент самолет преодолел низкую облачность, и в его иллюминаторы ударило яркое солнце. Теплые лучи, весело скользнув по Санькиному лицу, пробудили его ото сна. Усталым взглядом Санька равнодушно окинул чарующую панораму открывшейся перед ним бескрайней дали голубого неба и белых облаков, и толстые пальцы закрыли шторку иллюминатора. Потом он снова погрузился в дремоту.

Март 2012

Словарь финансовых терминов, упоминаемых в данном произведении

(Составлен для облегчения восприятия читателей, далеких от финансовой сферы деятельности. Информация, представленная в данном словаре, получена из «Википедии» и других публичных источников)

Стр. 19. Трейдер — это человек, который проводит спекулятивные операции с финансовыми активами. Слово «трейдер» произошло от термина *трейдинг*, принятого в банковской сфере. Трейдинг — это покупка или продажа финансового актива с целью получения прибыли от изменения цены на него.

Есть трейдеры, работающие при банках и крупных инвестиционных компаниях (именно о них идет речь в данном произведении), существуют также индивидуальные трейдеры, работающие на себя и рискующие собственными средствами.

Работа трейдера состоит в отборе и анализе информации, составлении прогнозов по движению котировок и принятии решения по поводу открытия позиции (т. е. покупки того или иного финансового актива) в соответствующий момент времени и по определенной цене.

Трейдер — это совершенно особая, специфическая деятельность. Трейдерам приходится работать в условиях постоянного

психологического напряжения. Успешные трейдеры независимы и богаты. Но таких мало.

Стр. 19. Обслуживающие подразделения – в данном контексте имеются в виду подразделения, занятые оформлением сделок, заключенных трейдерами. Сюда включаются проведение соответствующих платежей, рассылка подтверждений о заключенных сделках и прочее.

Стр. 20. Рейтер (наряду с Bloomberg и Dow Jones) – один из трех ведущих поставщиков финансовой информации для профессиональных участников финансовых рынков. Основные продукты включают в себя терминалы для доступа к электронным торговым площадкам (Reuters Dealing) и терминалы для получения и анализа финансовой информации (Reuters 3000 Xtra). Через информационные терминалы можно получить доступ к текущим и историческим ценам практически на всех мировых биржах и многих внебиржевых рынках.

Электронная торговая платформа – компьютерная система, которая может использоваться, чтобы разместить заказы (покупку / продажу) финансовых продуктов, таких как акции, облигации, валюты, биржевой товар и деривативы, с финансовым посредником, таким как брокер, трейдер, маркетмейкер или фондовая биржа по сети. Такие платформы позволяют использовать электронную торговлю из любого местоположения в отличие от традиционной комнатной торговли (*Floor trading*) и торговли, базируемой на телефонной линии.

Стр. 20. Банк-контрагент – один из банков, с которым может быть заключена финансовая сделка.

Стр. 20. Котировка (фр. *Cote*, англ. *Financial quote*) — цена (курс, процентная ставка) товара, которую объявляет продавец или покупатель и по которой они готовы совершить покупку или продажу (предлагается оферта). Обычно подразумевается относительно быстро меняющаяся цена, например, биржевая.

Стоимость одной валюты, выраженная в другой валюте, называется котировкой. Таким образом, котировка валюты является ценой, по которой трейдер может купить (ASK) или продать (BID) ту или иную валюту. На валютном рынке котировка всегда пред-

ставлена в виде двух значений: котировки валюты, по которой продавцы этой валюты готовы продать, и котировки валюты, по которой покупатели этой валюты готовы купить. Маркетмейкеры или трейдеры, в нормальных рыночных условиях, одновременно предоставляют для своих клиентов как цену покупки, так и цену продажи валюты, для которой они формируют рынок.

На валютном рынке котировки постоянно (ежесекундно) меняются, поскольку отражают текущие уровни спроса и предложения (BID/ASK), и это постоянство изменений валютных курсов дает большие возможности как для заработка на рынке Forex, так и для больших потерь.

Стр. 20. Брокер (от англ. *broker* — маклер, брокер, посредник) — юридическое или физическое лицо, выполняющее посреднические функции между продавцом и покупателем. В данном случае речь идет о юридических лицах, специализирующихся на предоставлении брокерских услуг на валютных и финансовых рынках.

Стр. 20. Клиентские заказы – поручения клиентов банка (юридических и физических лиц) на покупку или продажу валюты, размещение временно свободных средств в депозиты банка, приобретение ценных бумаг или проведения операций с производными инструментами финансового рынка.

Стр. 20. Валютная позиция — соотношение требований (заявок) и обязательств коммерческого банка в иностранной валюте. При их равенстве валютная позиция считается закрытой, а при несовпадении — открытой. Открытая позиция может быть короткой, если величина обязательств по проданной валюте превышает объем требований, и длинной, если объем требований по купленной валюте превышает объем обязательств. Открытая позиция порождает валютный риск.

В данном случае имеется в виду позиция отдельно взятого трейдера – Саньки Руденко.

Стр. 20. Лимит — это средство управления определёнными формами принимаемого риска. Лимит представляет собой количественное ограничение, накладываемое на определённые харак-

теристики операций организации. Лимиты являются наиболее популярным инструментом управления рисков в банке.

При установке лимита организация определяет следующие параметры:

- показатель, на который устанавливается лимит;
- измерение показателя — как показатель будет рассчитываться;
- предельное значение показателя.

Риск — предполагаемое событие, способное принести кому-либо ущерб или убыток.

Обычно банки ограничивают принимаемые на себя риски путем установления так называемых «стоп-лоссов», которые представляют собой абсолютную сумму возможных убытков как от совокупности однородных операций, так и от отдельно взятых типов операций. Стоп-лоссы могут устанавливаться и для каждого трейдера в отдельности.

Кроме того, банки устанавливают максимальные размеры открываемых финансовых позиций.

Существуют и прочие виды ограничения финансовых рисков.

Стр. 21. «Yours» или «mine» – слова, которые достаточно сказать трейдеру для заключения сделки после того, как он получил котировку (определение дано выше) от брокера или контрагента.

Стр. 22. Конверсионные операции — это сделки участников валютного рынка по обмену оговоренных сумм денежной единицы одной страны на валюту другой страны по согласованному курсу с проведением расчетов на определенную дату.

В юридическом смысле конверсионные операции являются сделками купли-продажи валют. В отношении конверсионных операций в английском языке принят устойчивый термин *Foreign Exchange Operations* (кратко Forex или FX).

Стр. 22. Денежный рынок (англ. *Money market*) — система экономических отношений, связанных с предоставлением денежных средств на срок до одного года.

Стр. 22. Финансовый рынок (от лат. *financia* — наличность, доход) в экономической теории – система отношений, возникающая в процессе обмена экономических благ с использованием денег в качестве актива-посредника.

На финансовом рынке происходит мобилизация капитала, предоставление кредита, осуществление обменных денежных операций и размещение финансовых средств в производстве. А совокупность спроса и предложения на капитал кредиторов и заемщиков разных стран образует мировой финансовый рынок.

Финансовый рынок подразделяется на:

- рынок капиталов;
- рынок акционерного капитала (рынок акций);
- рынок долгового капитала (рынок облигаций и векселей);
- денежный рынок;
- рынок производных инструментов (деривативов);
- валютный рынок (форекс).

Стр. 22. Производный финансовый инструмент (дериватив) (англ. *derivative*) — договор (контракт), предусматривающий в соответствии с его условиями для сторон по договору реализацию прав и / или исполнение обязательств, связанных с изменением цены базового актива, лежащего в основе данного финансового инструмента, и ведущих к положительному или отрицательному финансовому результату для каждой стороны. В качестве базового актива по данному договору могут выступать:

- ценные бумаги;
- товары;
- валюта;
- процентные ставки и прочие активы.

Обычно целью покупки деривативa является не получение базового актива, а хеджирование ценового или валютного риска во времени или получение спекулятивной прибыли от изменения цены базового актива.

Дериватив имеет следующие характеристики:

- его стоимость меняется вслед за изменением цены базового актива (процентной ставки, цены товара или ценной бумаги, обменного курса, индекса цен или ставок, кредитного рейтинга или кредитного индекса, другой переменной);
- для его приобретения достаточно небольших первоначальных затрат по сравнению с другими инструментами, цены на ко-

торые аналогичным образом реагируют на изменения рыночной конъюнктуры;

• расчёты по нему осуществляются в будущем.

Стр. 24. Казначейство организации — ключевое подразделение корпорации, банка или другой финансовой организации. Основной его функцией является обеспечение ликвидности. Под этим подразумевается проведение платежей, привлечение денежных средств при их дефиците или размещение свободных средств на финансовых (денежном, валютном, фондовом и иных) рынках по собственным или клиентским операциям. Операции на финансовых рынках проводятся либо казначейством непосредственно, либо дилинговым подразделением.

Стр. 25. Лимиты межбанковского кредитования обычно устанавливаются кредитными комитетами банков с целью ограничения кредитных рисков. Трейдеры имеют право заключать сделки только с теми банками и только в тех суммах, на которые установлены соответствующие лимиты.

Стр. 25. «Обнал» (жарг.) – противозаконные операции по переводу денежных средств из безналичной в наличную форму.

Стр. 25. Транзит (жарг.) – противозаконные операции по переводу капитала за границу.

Стр. 25. Конверсионный лимит – лимит на проведение конверсионных операций. Установление данного лимита на банк считается менее рискованным по сравнению с депозитным или лимитом межбанковского кредитования.

Стр. 26. Страховой депозит является обеспечением выполнения обязательств одного банка перед другим по прочим операциям (в данном случае по конверсионным).

Стр. 27. Оффшор (от англ. *offshore* — «вне берега») – финансовый центр, привлекающий иностранный капитал путем предоставления специальных налоговых и других льгот иностранным компаниям, зарегистрированным в стране расположения центра. Использование оффшоров — один из самых известных и эффективных методов налогового планирования, однако у правоведов нет единого мнения о том, что можно считать оффшором.

Оффшорная компания — иностранная компания, зарегистрированная в оффшорном центре страны, предоставляющей особые льготы. Такие компании обладают правом работы только за рубежом, не по месту своей регистрации. Небольшие страны поощряют создание на своей территории оффшорных компаний, чтобы развивать оффшорный бизнес, приносящий дополнительный доход этим странам.

Одной из наиболее популярных целей использования оффшорной компании является оптимизация налогов. С помощью верно структурированной оффшорной компании можно также достичь следующих преимуществ: защита собственности, анонимность и конфиденциальность, оптимизация расходов, облегченные требования отчетности и бюрократии.

Стр. 83. Капитал банка – сумма собственных средств банка, составляющая финансовую основу его деятельности, источник ресурсов. Капитал банка призван поддерживать доверие клиентов к банку и убеждать кредиторов в его финансовой устойчивости.

Стр. 127. Реструктуризация обязательств – изменение условий выплаты, погашения долга и процентов по нему в сторону их смягчения; увеличение сроков погашения, отсрочка очередных платежей или даже прощение части долга.

Стр. 128. Кризис ликвидности – неспособность быстрой продажи активов, а также неспособность в срок оплачивать свои обязательства.

Алексей Мефодиев
От мира сего

Редактор — М.Черняковская
Корректоры — М.Черняковская, Н.Самойлова
Дизайн и верстка — С.Касьянов

Подп. в печать 17.07.2012. Усл. печ. л. 11,75.
Печать офсетная. Бумага офсетная №1.
Гарнитура «Minion». Формат 60×84/16
Книга отпечатана в мастерской
им. Гены Фадеева,
Москва, пр.Нансена, 4

Заказать эту книгу
можно в издательстве,
у автора
или в интернет-магазине нашего издательства

Контактные координаты издательства
тел. в Москве:
+79629044618